

91 (479)
Б-27

СИМОН БАСАРИЯ.

А Б Х А З И Я

В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ, ЭТНО-
ГРАФИЧЕСКОМ и ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ. =

— Издание Наркомпроса С. С. Р. Абхазии. —

СУХУМ-КАЛЕ
1923 г.

Тип. Главупкомхоза имени т. „Ленина“

Замеченные важнейшие опечатки.

Стран.	Строка		Напечатано:	Следует читать:
2	6	снизу	Геродода	Герродота
4	11	"	научное	научные
8	13	"	монастырь	монастырь
10	8	сверху	Лутинин	Лутугин
13	10	"	15,2°	15,2°
15	12	снизу	глетчеров.	глетчеров)
20	16	"	nirea	nivea
21	8	сверху	communus	communis
21	15	снизу	Oleafragrans	Olea fragrans
21	15	"	ilicifoua	ilicifolia
21	8	"	подде —	поде —
24	7	сверху	acstralis	australis
24	17	"	globnlis	globulus
26	15	"	сассаперель	сассапарель
28	19	снизу	чазариани	чвариани
30	12	"	тажке	также
32	6	"	Ажан	Ажкан
34	2	сверху	баснословным	баснословным
38	3	снизу	Александра	Александр
38	2	"	грузиский	грузинский
42	17	"	заселени	заселении
46	5	"	агглютирозанный	агглютинированный
48	5	"	рованным	нированными
57	6	сверху	православных	православных
57	21	"	абхаз —	абхазов —
57	12	снизу	инде-	инди-
63	19	"	"	„ацацхафу“
69	7	сверху	седла	седла
81	11	снизу	хлебности	хлябанности
86	16	"	агрессивного	агрессивного
97	Первые одиннадцать строк сверху напечатаны вторично			
97	3	снизу	т вяласякое	ляла всякое
97	2	"	далее	далее
99	5	"	Абхазии,	Грузии,
99	5	сверху	самурзанские	самурзаканские
99	11	"	Божею	Божью
103	3	снизу	агрессистов по	агрессистов
103	1	"	постулкам	постулком
106	14	"	антагонизм	антагонизм
106	13	"	возрастался	возрастал
108	14	"	шевитской	шевистской
109	9	сверху	издания	изданы

Стрaн.	Стрoкa		Нaлeчaтaнo:	Слeдyeт читaть:
109	9	свeрху	брoшурa	брoшурa
109	2	снизу	хoтoрскoй	хугoрскoй
110	7	свeрху	oтмeтил	oгмeнил
110	14	снизу	сoбствeнникaми	сoбствeнникaми
111	9	свeрху	зeмлю	зeмлю
111	14	"	oтличaющeй	oтличaющeйся
113	12	снизу	тoжe	тo жe
116	2	свeрху	рускими	рускими
116	2	снизу	oсoрблeнию	oсoрблeнию
117	10	"	Лeтoм кoльтурнaя	Кoльтурнaя
120	20	свeрху	рeдкoe	рeдкo
122	6	"	Нaблюдaя	Вы нaблюдaтe
122	15	"	eздoкa	eздoкa
122	18	"	eздa, тут	eздa; тут,
122	1	снизу	(д'eoмa).	пoд'eмa.
125	5	"	Вoйeнкoвa	Вoйeкoвa
127	5	свeрху	вeличeствeннoe	вeличeствeннe
128	19	"	пoлoвинoй	пoлoвинa
131	14	снизу	умры	умбры
136	8	"	цeй	ци
140	1	свeрху	рaвнoдушнeм	рaвнoдушнe
140	9	"	нo у	нo и у
140	2	снизу	лaнэй	лaннoй
141	5	свeрху	Иустиниa —	Юстиниa —
142	2	снизу	дуг	тут
142	1	"	шукe	рину
145	6	"	зaпaднaя	зaпoвeдчaя
147	1	свeрху	300	100
156	3	"	Абхaзиa	Абхaзиa

Симон Васария.

91(47)
Б-27
საქართველოს
ბიბლიოთეკა
T

АБХАЗИЯ

в географическом, этнографическом и
экономическом отношении.

Издахие Харкомпроса С. С. Р. Абхазии.

Сухум-Хале

1923 г.

17038
~~17038~~
391
12.290
3

J

„Абхазия—это дочь той дивной, мифической исторической Колхиды, именем которой полна вся классическая древность. Это—жилище мифической боини Эос, откуда каждое утро выезжал на небо, на своей огненной колеснице, лучезарный Гелиос. Там, по свидетельству Гомера, обитала пленительная, «светлокудрая дева Цирцея, боиня, сестра кознодея Айэта»; там Беллерофонт состязался с равными по силе мужам амазонками“; там, по словам Гезиода, в его Феогонии, «Фемида родила Океану богатую водоворотами реку Фазис»; там хранились «лучевые стрелы быстроногю Гелиоса в золотых покаях» и оттуда «божественный» Язон на своем быстроходном корабле «Арго» привез «золотое руно», несмотря на все козни Медеи. Там,—говорит Эсхил в своем „Прометее“,— этою, прикованною к юрам Кавказа, боиа «оплакивали воинственные неустрашимые девы Колхиды и Океаниды», пока Геркулес не поразил своею стрелой орла, Зевсова палача, терзавшего печень боиа, похитившего для смертных частицу небесною огня. Туда, по свидетельству Геродода, заходил из Египта и Рамзес-Сезострис со своими полчищами. За этот дивный уголок земною шара проливали кровь и финикияне и египтяне, греки и римляне, воины Митридата и пенузские наемники»...

(«Прометеево потомство»—Мордовцева).

Введение.

Получив от Народного Комиссариата Просвещения Республики Абхазии академическое задание—*составить географию Абхазии*, автор выполнил его в настоящем виде, не предназначая своего труда в качестве учебника для школы того или иного типа по той простой причине, что цель книги видел в передаче *общих основ географии Абхазии*.

Все, что до сей поры писалось разными авторами об Абхазии, является неточным, сбивчивым материалом. Как можно было описывать и выводить суждения о стране, которую едва рисуешь себе, по которой идешь ощупью? Остро чувствовалось отсутствие литературы, написанной сынами Абхазии, которые могли бы дать точные сведения о своей родине и народе.

Свой труд автор рассматривает, как опыт географии Абхазии и вовсе не претендует на законченность и совершенство его. И верит, что в будущем он пополнится, лучше разрабатывается им самим или кем-либо из сородичей.

Абхазу легче оценить достойной ценой литературу об Абхазии, исправить сбивчивые сведения о домашнем и общественном быте, характере абхаза, его культуре; исправить все, что было писано об Абхазии и абхазах, ссылаясь по мере надобности на действительные авторитетные мнения.

Настоящий труд может служить руководством для учителя географии, а также пособием для слушателей техникумов при составлении ими коллективных и индивидуальных рефератов при прохождении географии Абхазии.

Что касается учебника географии, в рамках утвержденной программы, то, имея *общую основу географии Абхазии*, не трудно составить такой учебник по желаемой Наркомпросом программе, что мы и думаем выполнить в скором времени.

Способ изложения географического материала, принятый нами, соответствует нашему и новейшему пониманию предмета географии, именно: *население и земля в их взаимозависимости*.

Идеалы трудовой школы в области изучения географии, выраженные П. П. Блонским, как *«человеческая деятельность, определяемая окружающей природой»*, не противоречат нашему пониманию географической науки, положенному в основу настоящего труда.

Отсутствие в нашей книге того, что Блонский называет „каталогом рек, городов“ и прочих названий разных местностей говорит за то, что американская поговорка—„география изучает землю, а не книгу“ взята нами, как руководящий принцип, а потому даже „физиография“ Абхазии лишена ненужной номенклатуры.

Тема нашего труда—*землеописание Абхазии, т. е. иначе земля, человек, животные и растения Абхазии* в отыскании их „географических зависимостей“. Эту главную основу нашей географии мы старались оттенить во всей книге.

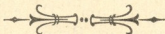
Отмечая самый широкий круг впечатлений от природы и ее жизни, не выводя сухих географических истин, мы имели в виду целыми ландшафтами, цельными картинами величественных красот природы и красот жизни человека, как они есть в действительности, дать материал, легко запечатлеваемый в душе учащегося или читателя, могущий дать каждому из них в потенции явиться творцом географических и эстетических ценностей; этот же материал, по нашему мнению, поможет делать обобщения, даже научное в области географических *взаимозависимостей*, конечно, опираясь на систематично пройденный материал. Такой способ приобретения знаний об Абхазии и жизни ее населения, мы, сколько возможно, ставили в условия их органической связи, но не механической.

Естественный тон языка в изложении нашего труда, чуждый общепринятому деловому-книжному, исходит из легко объяснимого душевного настроения нашего к тем красотам, какие мы описывали с натуры, т. к. всю нашу работу мы проделали на четырех-верстной высоте под Эрцахс-

кими глетчерами, на виду несравненного по величию во допада «Доуеі ібѣт», на альпийских лугах Шоудиди, живя в полной и чарующей простоте идиллической пастушеской ко-чевой жизни.

Некоторые отделы настоящей книги мы частью взяли из материалов, напечатанных нами в разное время за под-писью „Симон Ансуа“. Пересказали главным образом статьи: «Забывтый край (Абхазия)», «Вымершие народы», «50-летие по-корения Западного Кавказа», «Экскурсы в область исторических проблем», «Забвтая могила», «Горцы Кавказа, как материал сенсации», «Русские школы в аулах горцев», «Горцы Кавказа в Турции», «Горцы Кавказа в Европейской войне», «Указ 9 но-ября и земельная политика в Абхазии», «Союз горских племен Кавказа», «Русские за границей», «С берегов Черного моря», „Ле-тучая команда“ и многие другие, напечатанные в журналах „На Кавказе“, „Кубанская школа“, а также в газетах: „Кавказский край“, „Отклики Кавказа“, „Кубанский край“, „Батумские вести“ и др.

Симон Басария.

А. Физико-географический обзор.

Первые сведения по географии Абхазии дают писатели глубокой древности: Страбон, Геродот, Птоломей, Арриан, Плиний, Прокопий и мн. др.

§ 1. Писатели древних времен об Абхазии.

Страбон, живший до Р. Х., очевидно, обладал значительными для своего времени знаниями об Абхазии. Он, описывая береговую полосу *Евксинского моря*, писал, что местность, ныне занимаемая Абхазией, была гористой и, большею частью, без гаваней. Население страны этот географ древности причисляет к племени генихов, называя их дикими и воинственными, живущими пиратством, для чего они употребляли узкие и легкие лодки (по гречески — «камары»), вмещавшие в себе 25-30 человек.

Об Абхазии и абхазах, как об отдельном племени генихов, упоминает впервые Арриан. Прокопий также подробно пишет об Абхазии и ее населении.

По грузинским летописям Абхазия становится известной с царя Вахтанга I Гургослана. По словам этих летописей, Абхазия лежала к западу от Игриса (Ингура) и за 250 л. до Р. Х. принадлежала грекам.

Абхазия и абхазцы были также известны первому русскому летописцу Нестору. Абхазов он называет «Абезами» и народ „Абеза“ (Обеза) упоминается у Нестора в числе приходивших в Киев для построения церкви Св. Софии при князе Владимире. Наконец, русские князья удельного периода вступали в брачный союз с дочерьми князей Обесских; так, напр., Изяслав, великий князь Киевский (1113 г) был женат на дочери царя Обесского (См. у Нестора, изд. Арх. комиссии, ст. 323, 424, 477).

§ 2. Современные работы по исследованию территории Абхазии.

Позднейшие географы и бытописатели комментировали и пополняли сказания об Абхазии классических писателей, но редко кто из них исправлял эти сбивчивые и слишком

устарелые сведения; наоборот, сами впадали в заблуждения, многие к вопросу подходили с известными предвзятостями, искажая истинное положение вещей, причем физический тип абхаза, его культуру и характеристику внутреннего душевного мира они описывали на основании разных источников, сплошь и рядом неверных, редко кто из них бывал в Абхазии, а кто и бывал, то, по незнанию языка, лишен был возможности достаточно верно и близко познакомиться с населением.

Правда, многие этнографы, чуждые предвзятых взглядов и тенденциозности (которые допускались, и до наших дней поддерживаются между различными представителями национальностей Кавказа), руководствуясь только любовью к науке, имели возможность непосредственно, путем личных наблюдений, проживая среди абхазов целые годы, собрать вполне правдивые сведения об Абхазии и абхазцах.

В первую голову из современных трудов по исследованию территории Абхазии нам приходится дать предпочтение трудам: ученого натуралиста Альбова „Этнографические наблюдения в Абхазии“, «Живая старина», изд. русского географического общества, ученого агронома А. Рыбинского— „Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении“, Мачавариани—разные труды об Абхазии, а также Селезнева— «Руководство к познанию Кавказа» (1847 г.). Этот последний труд заслуживает большого внимания. Правда, он достаточно устарел, но ценность труда заключается в правдивом освещении фактов, добросовестной разработке материала о Кавказе, в частности же и об Абхазии.

Характерно вступление Селезнева: „Положив котомку на спину, мы отправляемся на Кавказ, быв уверены, что коляски, кареты со всеми прихотями, будут для нас лишними: потому что путешественник, проезжая быстро, не может заметить того, что бедный пешеход. Мы, как дитя природы, созерцая, наблюдая ее, будем следовать пешком, и если наши замечания понравятся читателю, будем очень довольны“.

Далее мы приводим библиографический указатель литературы об Абхазии, представляющей известную ценность на наш взгляд в рассматриваемом вопросе.

Евг. Марков — „Очерки Кавказа“. Надеждин — «Очерки географии Кавказа». Услар — «Очерки Кавказа и Абхазский язык». Введенский — «О применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии», «Религиозные верования абхазцев». Анонимный автор — «Абхазия — не Грузия». Никифоров — «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь». Проф. Пастернацкий — «Черноморское побережье»...

В трудах Никифорова и Мачавариани есть указание источников, нужных при изучении Абхазии, а в конце нашей книги мы даем более подробный перечень сочинений об Абхазии и абхазах. Пользовались мы для этой цели «Указателем» Н. И. Воробьева.

К. Д. Мачавариани — уроженец Абхазии, педагог по профессии, в свое время был смотрителем Абхазской горской школы, а позднее инспектором училищ в Грузии. Он, не в пример другим, прекрасно изучил Абхазию и абхазов. Народ абхазский он понял вполне, изучил все изгибы, тайники души его, так недоступной не абхазу; он, грузин по национальности, как честный человек, был лишен каких либо тенденциозностей, какими, к сожалению, страдают многие его сородичи шовинисты, когда говорят об Абхазии и абхазах.

Карты.

Особой карты Абхазии до последнего времени не было. Двухверстная карта Кавказа, полна большими неточностями. В 1898 г. к обемистой книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь» была приложена довольно большая карта, составленная по атласу Тартье и др., территории, занимаемой нынешней Абхазией. В этой же книге была приложена «Карта Абхазии и Самурзакани», составленная Н. Цицосани; карта с масштабом 20 верст в дюйме, мала, далека от действительности, номенклатура неверна, а потому не приходится ее рассматривать, как настоящую карту Абхазии.

В 1912 г. полковник М. Чачба составил карту Абхазии с гипсометрическими данными («Аԥсуа ахсаала») чертил ее поручик Гранитов, Названия местностей (на абхазском языке), переименованные русскими инженерами на новый лад, названы собственными именами, какими они были известны сотни лет. Карта очень содержательна, прекрасно исполнена.

Географическое положение и величина Абхазии.

Республика Абхазии по размерам территории невелика. Площадь всей Республики равняется 7.253,27 кв. верстам.

Из маленьких самостоятельных государств по территории она почти равна Черногории.

Страна лежит на восточном берегу Черного моря, которое омывает Абхазию на всем протяжении, начиная с западной границы, кончая восточной, протяжением на 190 верст.

Границы Абхазии следующие: с запада — Черноморская губ. (по течению р. Мзымза), с Ю—В и Восточной стороны — Мингрелия (по течению р. Ингура), с С—В. — Сванетия, причем с этой стороны граница Абхазии временами далеко отодвигалась в глубь Грузии, как, напр.: при Абхазских царях Лео-не I (756) и Феодосии I, построивших Кугаис и Хони; с Юга и Ю—З — Черное море, с Севера и С—З. проходит главный хребет Кавказских гор, отделяющий Абхазию от Балкарии, Карачая, Малой Кабарды, черкесских и абазинских аулов.

II. Поверхность. *шхмт.*

§ 3. Рельеф и общие черты строения Абхазии.

Устройство поверхности довольно разнообразное, так что изучение и описание рельефа Абхазии очень трудно. Береговая полоса носит характер волнистой низменности с разнообразными косогорами, холмами и прочими неровностями; за береговой полосой, называемой *культурной*, начинаются горы, при чем в Гаграх горы подходят совершенно вплотную к берегу моря, а от реки Бзыби до Псырцха (Псырцха) горы удаляются на 20 верст; у Нов. Афона и Сухума культурная полоса опять суживается, доходя до 3—5 вер.; далее горы опять удаляются и за рекой Кодором полоса ширится на 20—25 верст и чем дальше к Мингрелии, в Самурзаканской Абхазии, горы все далее удаляются, а культурная полоса расширяется до 40—50 верст, переходя за Абхазией, в Мингрелии, в настоящую низменность (Рионскую).

Строго-научных гипсометрических и геологических исследований Абхазии до сих пор нет. Изучение рельефа стра-

ны при русском царизме носило характер отчитывания женеров перед ведомством, а потому все, что сделано в этом направлении, мало соответствует действительности. Что касается географических и естественно-исторических исследований Абхазии, то таковых почти не было. Если и собирались кое-какие сведения, то они носили узко прикладной характер, ибо недра Абхазии интересовали исследователей, как вместилища полезных ископаемых (Проф. Лутинин— „Ткварчельские каменно-угольные копи в Абхазии“, проф. Галлозей—отзывы об этих копиях, проф. Бернацкий—„Бзыбская пальмовая дача“, проф. Виноградов, лекция— «Бзыбская лесная дача, как доходная стагья для эксплуатации» и пр.

За культурной полосой начинается горная. Рельеф и общие черты строения горной части Абхазии весьма и весьма разнообразны. Здесь горы не имеют характера непрерывного горного хребта, а скорее составляют цепь самостоятельных гор, уходящих в своей величавой красоте в неприступную высь и оттуда спускающихся террасами к морю, вытягиваясь, большею частью, параллельно к главному хребту, в виде отдельных увалов, водораздельных гребней, многочисленных маленьких отрогов, которые, приближаясь к морю и вкривь и вкось, делают орографию Абхазии очень разнообразной. Исключение представляет главный ледниковый хребет Эрцаху, замыкающий поясом всю Абхазию со стороны Кубанской области.

Так как видное участие в формировании Кавказских гор принимали вулканические силы, то поэтому каждый самостоятельный горный массив Абхазии имеет свою высокую точку («акаџара»). Двускатные отдельные самостоятельные хребты с высокими скалистыми обрывами образуют массу чрезвычайно глубоких пропастей и узких ущелий.

Горы Абхазии не особенно велики, но безподобно круты и вследствие бездорожья отличаются необыкновенно трудной доступностью. Человеку и животному приходится с большими трудностями и опасностью для жизни пробираться по неприступным и диким горам Абхазии, с их крутизнами, головокружительными спусками и продолжительными подъемами по зигзагообразной линии. Лавируя справа налево и обратно, путешественник после 4-х часового изнурительного

передвижения завоевал у гор какойнибудь десяток, другой сажений. Все это оттого, что дорога не имеет простого подбоя хотя бы горной тропы; это скорее—пунктир. Некоторые безумные под'емы и спуски по крутизнам абхазы называют «аґуґа» и «аһаа». «Аґуґа» является точным звуковым воспроизведением характерного шума, издаваемого копытами лошадей в этих местах. Здесь буквально нет ровного места с конское копыто и нужно дивиться той безграничной выносливости, с которой привычные к этим ужасам кони, подбадриваемые гикачем погонщиков, ускоряя шаги, ступают по остроконечным очень частым каменным иглам разной высоты, поверхностью не превышающей каждая в отдельности половины конского копыта. Ноги проваливаются между остриями, животное делает усилие, извлекает ногу из расщелин, ставит на следующий остроконечный выступ передние ноги, наваливаясь тяжестью всего корпуса, освобождает задние, тогда передние опять проваливаются и т. д. Шум, стук, грохот—«аґуґа». Некоторые такие дороги именуются «ачеу б'ьалар'ьа», т. е. «место гибели лошадей».

Поверхностные наносы.

Если предположить, что в предшествующую геологическую эпоху Кавказ, и в частности Абхазия, пережил *великое обледенение*, именно ледниковую эру, то лед, сковавший Абхазию в одно целое, медленно двигался по слабому уклону к югу. Перед колоссальным напором не могли устоять громады абхазских гор: они дробились и уносились ледниками на юг в виде морен.

Характерный моренный ландшафт явственно заметен не только в областях абхасских глетчеров, но и в северной части Самурзаканской равнины (Бедия, Сагамсония и пр.). Грубость и несортированность материала, как признаки ледникового наноса, характерны в этих местах. Эти моренные гряды переполнены *валунами*, т. е. округленными обломками гор. В нагорных местностях они достигают размеров одноэтажного дома. Характерны валуны на альпийских лугах Шоудид—(„Шоуддахаһ“), а ниже величина валунов меньше.

Моренные наносы простираются по всей нагорной части культурной полосы Абхазии. Не претендуя на категоричность утверждения о влиянии ледников на поверхностную струк-

туру Кавказа и в частности Абхазии, мы отмечаем все те же признаки ландшафта „Великого льда“ с его валунными наносами во многих моренных местностях Абхазии на подобие тех, какие нам приходилось наблюдать в Северной части Европы и России.

Характерная почва, к слову сказать—необыкновенно плодородная, Цебельды создавалась не путем ли переработки морены? Вед этот светлый суглинок, состоящий из смеси глинистых частей с очень мелким белым песком, с включением в нем зерен извести—явный *лесс*.

Упомяну, что из под Эрцахских глетчеров течет так называемое „ледниковое молоко“, которое мы воочию видели.

III. Климат Абхазии.

§ 4. Результаты метеорологических наблюдений.

Исключительно-благоприятное географическое положение Абхазии с его гипсометрическими особенностями, характерностью рельефа, растительными и почвенными зонами, как климатическими факторами—дают ей возможность обладать единственно сохранившимся на всем земном шаре *понтийским климатом**). Климат Абхазии с его прародительной флорой, о которой будем говорить ниже, является прародителем исчезнувшего понтийского климата, сохранившегося частью в Испании и Сицилии. Недаром писатель Евг. Марков выразился, что «Сухумская долина—это кусочек Испании или Сицилии, оброненный у подножья старика Кавказа».

Сложный рельеф абхазских гор обуславливает большое разнообразие климатических типов и в связи с этим разнообразие характерности растений. Климатология, определяя климат по растительным зонам,—относительно потребности растений в тепле, различает растения самых жарких земных областей или *мегатермы*—*энолюбы* (напр. пальмы, баобабы и пр.); затем *мезотермы*—*теплолюбы*, требующие годовой температуры от 15 до 20° Ц. (маслины, лимонные и апельсиновые деревья), *микротермы*—*свежелюбы*, развитию которых благоприятствует годовая температура от 0 до 15° Ц. (лиственные и хвойные деревья, плодовые, виноград и пр.); наконец, *гекти-*

*) Проф. Виноградов.

изотермы-холодолюбыв, могущие произрастать при годовой температуре ниже 0 Ц. и при коротком лете (мох, лишай, вообще растительность тундр, высокогорных альпийских лугов и т. п.) Вот эти все растительные зоны вполне уживаются в феноменальном *понтийском климате* Абхазии.

Температура.

Сравнительная таблица средних температур трех отменных климатических городов Черноморского побережья:

	Сухум.	Ялта.	Сочи.
Средн. годов.	15,20/0	13,7	14
„ летняя	23	23,3	21,9
„ зимняя	7,5	6,2	5,3
„ осенняя	17,3	14	15,3
„ весенняя	14,4	11,4	12,2

Сравнительная таблица солнечных дней в году в городах:

Сухум	217.
Давос (заграницей).	99.
Горячий ключ	92.
Абастуман	86.
Кисловодск	84.
Боржом	76.

Осадки годовые в миллиметрах:

Батум	2529,3
Сочи	1443,7
Сухум	1264,6

Таким образом, дождей в Сухуме гораздо меньше, чем в Сочи, не говоря о Батуме, который вдвое превосходит Сухум по количеству осадков. Причем в Абхазии осадки равномерно распределяются в продолжении года.

В виду характерности рельефа Абхазии климатическое различие отдельных местностей ее происходит по северной широте, изотермы же провести можно по долготе, а потому, говоря о температуре, мы имеем в виду, главным образом, культурную полосу Абхазии. Что касается других климатических областей, то в Абхазии их столько, сколько расти-

тельных зон. Безусловно, в горной части Абхазии температура другая, климат там суровее, с холодными зимами и с обильными атмосферическими осадками круглый год.

Ветры.

Благоприятное положение береговой полосы Абхазии не допускает ни особых годовых, ни случайных ветров. В течение дня дует легкий ветер или с гор или с моря, причем днем морской, а вечером горный, и это чередование морских и горных бризов весьма полезно для жизни и здоровья человека.

Горы Абхазии, идущие ярусами от главного ледникового хребта, не дают доступа холодным ветрам, а потому побережье страны гарантировано от холодного дуновения их.

Эрцахский хребет, который на главных перевалах (Клухорском, Марухском и Нахарском) возвышается более, чем на 9000 ф., образует климатическую границу между Северным Кавказом и Абхазией.

Проф. Пастернацкий, с двумя товарищами—спецами, изучая Черноморское побережье, климат «очаровательной страны» (Абхазии), сравнивает ее с частью побережья Ривьеры от Канна до Сан-Ремо, температуру же Абхазии приближают к восточному берегу Адриатического моря. Вообще, по температуре и малой облачности, Абхазию относят к средиземноморскому климату, при чем климат Абхазии отличается лишь большею относительною влажностью воздуха и более обильными осадками в летние месяцы. В этом отношении, по словам вышеупомянутого профессора, она более приближается к восточному Китаю и Японии.

Климат прибрежной полосы Абхазии называют подтропическим. Мы же с большими основаниями могли бы назвать его скорее тропическим, ибо защищенные от малейшего проникновения северных ветров, такие местности, как Сухум и Афон, дают возможность произрастать растениям энтолюбам (мекатермам), не говоря о мезотермах, которые зимуют здесь под открытым небом.

Осенью и зимой Сухум значительно теплее Ялты. Знаменитый немецкий ученый Вирхов выразился: «вместо Ниццы я бы посылал своих больных в Сухум».. Проф. же Остро-

умов отозвался: «Сухум отличается равномерным климатом влажным, теплым и совершенно лишенным ветров, что выгодно отличает его от Ниццы».

К Д Мачавариани в своем путеводителе по Сухуму указывает на чрезвычайно интересное явление: в ботаническом саду Сухума удалось вывести в бассейне парка на открытом воздухе „Царицу водяных лилий“ („Виктория regia“). „Виктория regia“ покрывает многие реки Южной Америки (Амазонку). Плавающие листья «Виктории регии» бывают величиной в несколько аршин (листья ее имеют приподнятые края, напоминая громадную плавающую сковороду). Громадные белые цветы издают необыкновенный нежный аромат. «Виктория regia»—растение мегатермное. Раньше держали его в оранжереях Москвы и Петрограда, поддерживая в них температуру в 27°, в Сухуме же он зимовал под открытым небом.

Мягкий и влажный климат Абхазии с умеренно-жарким летом и прохладной зимой имеет распространение по всей культурной полосе края, за которой начинается умеренный климат (Дал, Цабал, Лата и пр.), напоминающий климат Украины. Эта климатическая полоса сменяется холодной—средне-российского образца: климатом с коротким прохладным летом и продолжительной холодной, многоснежной зимой и, наконец, начинается полярная ледниковая растительная полоса с вечными жестокими холодами (область глетчеров).

IV. Реки Абхазии и их зависимость от рельефа.

Регулярные обильные атмосферные осадки, неиссякаемое таяние снегов дают начало множеству рек Абхазии, из коих одни берут свое начало из под глетчеров главного хребта (Бзыбь, Бударь, Егр), другие исток свой находят в залежах вечного снега (Аадзга, Обум, Мвбу, Гума, Келашур); наконец, множество других, второстепенных речек берут свое начало в глубоких ущельях малых горных кряжей, получая обильное питание из подгорных вод, (Дзамш, Мачара, Аацсв, Мчвш, Хвцсв, Цсврзха и др.)

Реки узкой и расчлененной горами Абхазии ^{невелики,} но, низвергаясь сплошными водопадами с громадных ^{высот,} сжатые теснинами гор, изумительно быстры, даже в нижнем своем течении; они, врываясь с большой быстротой, далеко, почти на версту, в море, приобретают особый цвет, характерно отличающийся от морской воды. Даже большие многоводные реки Абхазии, как Кодор, Ингур и Бзыбь, протекая в нижнем течении по широким долинам, все-же стремительно быстры (Кодор делает в час $5\frac{1}{2}$ узлов), а потому абсолютно непригодны для плавания даже маленьких судов. Такая особенность абхазских рек зависит от свойства рельефа страны. Например, две реки, образующие Кодор—Сакян и Чхалта берут начало с высот—первая около 8000 ф., вторая более 10.000 ф., с такой же высоты низвергается и Бзыбь.

Чтобы иметь представление об абхазских реках, проследим и присмотримся к жизни одной ледниковой реки, хотя бы Кодора, начиная от истока. Ни Аар, ни Рона, ни Рейн не могут сравниться по дикости и своеобразной красоте с горной частью реки Кодора или Бзыби. Эти небольшие вначале реки, почти на каждом шагу принимают в себя все новые и новые ручейки, которые змеятся с головокружительных крутых высот сплошными пенистыми водопадами; невзирая на встречающиеся препятствия, они, адски сердито бурля, прокладывают себе среди горных массивов русло. С каким ревом наносят они дерзкие удары великанам-массивам! Нам приходилось жить несколько недель у входа так называемого „чуда Бернского Оберланда“—*Ааршлюка* и часто бывать у *Рейнбаха*, приходилось видеть и наслаждаться сочетаниями ласкающих взор причудливых красок нежного величия и теней гордой Швейцарии, но «чудо» природы—*Ааршлюк*, в сочетании с утонченными плодами европейской цивилизации (с висячими мостами и зубчатыми поездами) не может сравниться с ландшафтом гордой, дикой, величавой красоты девственных гор Абхазии с ее реками. Эти бесчисленные реки-водопады, прокладывающие себе горную дорожку, набрасываются на встречающиеся препятствия с таким шумом, ревом, что, кажется, отверзлись ворота ада и из зияющих бездн его раздались раскаты с сплошными оглушительными ударами, удручающе—действующими на пси-

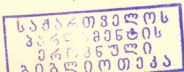

хику человека, сроднившегося с равнинами, с тихой жизнью в них.

Мрачные гиганты, подставляя свою грудь дерзкому и сильному натиску, мужественно отстаивают каждую песчинку свою, но все-же незаметно разрушаются до основания и волей-неволей бросают в молочные, клокочущие воды горного ручья целые глыбы с дом величиной; это продукт неустрашимой настойчивости ручья, это дар за его энергичный вековой труд. Рушатся, казалось, незыблемые устои грозных великанов!.

И думается вам, что в этом вечном неумолкаемом шуме, в этом хаосе звуков кроется громовая угроза врагам—утесам, чудится рев речек и водопадов: „поди прочь с нашего пути развития!.. мы прокладываем себе дорогу к морю, где нет разницы между малыми и большими реками“. На этот клич величавой борьбы откликаются и спешат новые воинственные ручьи—водопады. просверливая в громадных расщелинах—ущельях трехсаженный снег, создавая таким образом ряд снежных мостов (асу́тси), сливаясь с могучим Кодором, усиливая его мощь. Около Дальского ущелья (Багада) вся армия горных ручьев собирается в полном составе. Здесь горная цепь замыкается, теснина из громадных массивов берет в свои могучие тиски—воды Кодора и заграждает ему путь. Но что значит эта преграда Кодору? Ему-ли,—борцу седой старины, привыкшему и закаленному со дня возникновения угрюмого старика Кавказа, в суровых боях, пассивать? Он с бешеным диким ревом набрасывается на неприступные гранитные скалы в $\frac{1}{10}$ версты высоты, с неимоверной силой бьется об их твердыни, мечется из стороны в сторону, кипит котлом „џаханма“ (ада), отыскивая слабые места твердыни, отламывает куски и, таким образом, выбивает себе маленькое русло в три аршина ширины. Преодолев преграду, он с пароходной быстротой выходит на Божий свет и несет свои воды к морю и вливает их далеко, вглубь его величавой ширины, окрашивая лазурную поверхность моря характерным цветом Эрцогского «ледникового молока».

Наблюдая и изучая жизнь ледниковых рек Абхазии от истока до устья, прислушиваясь к их неумолкаемому шуму-

говору, улавливая в этом шуме—разговоре нечто естественное, родное, а потому понятное, нам пришлось о многом задуматься.

Живя здесь, среди родичей-пастухов, наблюдая ежедневно их жизнь в поднебесной выси, наблюдая их во время сильной грозы, когда стрелы молнии падают перед глазами, зажигая десятки сосновых деревьев-колоссов, когда раздается оглушительный треск над вашей головой, когда насыщенный электричеством воздух особым своим серным запахом затрудняет ваше дыхание, слыша в эту страшную, жуткую минуту божественный гимн— „*песнь горам*“ („аїҭха аїҭа“), звуки которой, гармонируя говорливым потокам и шумным водопадам, смело, радостно расходятся в редком горном воздухе; наблюдая жизнь пастухов-абхазов в эту кошмарную туманную ночь горного ледяного ливня, в ночь атаки медведей на становище стада пастухов, слыша дерзкое гиканье этих голубоглазых жителей гор, их торжественное пение, обращенное к „божественной дочери, божественной невесте“ „Аҗеҭҭыаа“ („Аҗа рҭыҭҭа —җеҭҭыаа рҭаа“), как покровительнице вольности, слыша характерный говор их в эту исключительно-страдную минуту, говор—это звуко-плетение, так же мало понятное, как говор горных речек и водопадов; наблюдая на следующий день абхазов-пастухов, карабкающихся по утесам и снежным мостам, перепрыгивающих через водопады, ручьи, видя их радостными в этой родной горной стихии, как бы составляющими частицу этой своеобразной небесной жизни,—невольно вспоминаешь могучий закон природы, закон приспособления, приноровления. Не приспособила-ли, не приноровила-ли природа гор абхаза-горца говорить на своем загадочном, мало понятном людям, языке; обладать своим смелым и настойчивым характером; биться, бороться с великанами—преградителями доступа к лучезарному свету простора и свободы? Не потому-ли абхазы,—эти ветераны глубокой седой старины, отстаивая в течение двух тысяч лет завещанную горами вольность—бились с могущественными войсками разных императоров и в этой неравной борьбе набрасывались на гигантов с бешенством горного ручья—водопада, вникали занозой в организм насильников и, таким образом, разрушали мощную силу покорителей.

Исключительная особенность рек Абхазии, отмеченная Московской Археологической Комиссией («Абхазия, Аджария и Шешетия»), это необыкновенная светлость, прозрачность их вод, что у придаст им отличительную красоту.

В начале лета, во время таяния вечного снега, талая вода переполняет русло главных рек, глубина и скорость их тогда значительно увеличиваются, но к концу лета уровень воды падает до межени. Чтокасается второстепенных рек, получающих питание от дождей и таяния зимних снегов с побочных хребтов Абхазии, то весной и летом они выходят из берегов, наступает половодье, которое длится весьма недолго. Ледниковые реки Абхазии мелеют только зимой.

V. Растительность, почва и животный мир.

Сообразно с характерными понтийскими климатическими условиями в Абхазии варьируются исключительные культуры различных растений.

Теплота и постоянство температуры обуславливаются обширной водною поверхностью Черного моря и роскошною растительностью, регулирующими приток и отдачу теплоты.

§ 5. Возможные культуры растений в Абхазии.

В береговой полосе, в особенности городской черте Сухума, местность, в полном смысле слова, утопает в массе оранжерейных и тепличных растений, свободно растущих в грунте. Кроме многих субтропических растений, здесь на открытом воздухе растут: чайное дерево, апельсины, лимоны, оливки, пальмы, мирты, бананы, бромелии, олеандры, мимозы, кактусы, магнолии и другие. Эвкалиптовые же деревья (по словам проф. Пастернацкого) достигают здесь такого роста, как нигде на побережье.

Г. А. Рыбинский делает интересные указания на возможные культуры растений в Абхазии, заимствованные им из наблюдений известного садовода-любителя П. Е. Татаринова, занимавшегося в продолжении нескольких лет акклиматизацией растений в Абхазии. Мы их помещаем в подлиннике:

I. Хлебные растения.

Из хлебных злаков в Абхазии исключительно распространена кукуруза и гоми (*Panicum italicum*), так как пшеница и другие хлеба, вследствие жаркого, сырого лета, идут более в солому, чем в зерна. Но с возвышением местности над уровнем моря и эти злаки могут быть с выгодой культивируемы повсеместно на побережьях.

II. Растения для обработки волокна.

Хлопчатник (*Gossypium* sp). В Абхазии могут быть разводимы высшие сорта хлопка, как, например: *Sea Island* (*Gossypium barbadense*) и др. Размножается семенами.

Кендырь, или турка (*Arcyuthum sibiricum*) туркестанское многолетнее растение, дающее очень прочные веревки. Растет повсеместно на низких, сырых местах. Размножается семенами и делением корней. Растение однолетнее.

Джут (*Corchorus*) высший сорт — *Corchorus capsularis* на низменных местах, на более возвышенных — *Corchorus olitogius* — семенами.

Новозеландский лен (*Phormium tenax*) на низменных местах, семенами и корневыми отпрысками.

Рапи, или китайская крапива (*Boehmeria nirea*) многолетнее растение. Повсеместно, семенами и корневыми отпрысками.

Альфа (*Stipa tenacissima*) многолетнее алжирское растение. Повсеместно на сухих местах, семенами и корневыми побегами.

Chamaerops chinens [excelsa]. Пальма, из которой в Китае готовят веревки, канаты, шляпы и простые ткани. Семенами.

III. Растения лекарственные.

Камфорный лавр (*Camphora officinarum*). В Новом Афоне и южнее. Семенами.

Японская корица. (*Cinnomotum sericeum* и *pedunculatum*). Там-же, семенами.

Eucalyptus. Начиная с Нового Афона к югу. На основании опыта, могут быть разводимы виды: *Eucalyptus amygdala*

лина, обладающая в $4\frac{1}{2}$ раза большим % эфирного масла сравнительно с другими видами *Eucalyptus*'а. Семенами.

Pisium sativum (доставляющий звездчатый анис). Там же семенами и черенками в парниках.

Laurus nobilis. Растет в диком виде на побережьях.

Лавровишня (*Prunus laurocerasus*). Растет в диком виде.

Гранат (*Punica granatum*). Повсеместно.

Клещевина (*Ricinus communis*). Семенами.

Розмарин (*Rosmarinus officinalis*). Там же, семенами и черенками.

Ruta graveolens. Там же.

Мак, для добывания опиума (*Papaver somniferum*).

IV. Растения, годные для парфюмерного дела.

Сюда входят растения, обладающие особенно душистыми цветами, годные для приготовления духов, или же дающие другие парфюмерные продукты.

а) Растения с душистыми цветами: *Acacia dealbata*, *citrus biggaradia*—*tarnessana* и др., *Choisia ternata*, *Daphne japonica*, *Gardenia florida*, *Glycine chinensis*, *Hyacinthus*, *Jasminum officinale*, *grandiflorum*, *Magnolia grandiflora*, *Mag. fuscata*, *Mag. pumila*, *Mag. Lenni*, *Mag. julan*, *Oleafragrans*, *Olea ilicifolia*, *Pittosporum Tobira*, *Rhinospermum jasminoides*, *Rosa*—все сорта, *Viburnum odoratissimum*.

б) растения, дающие другие продукты для парфюмерного дела: *Iris filorentina*, доставляющая фиалковый корень, размножается делением корней.

Luffa svoly—*gua*, доставляющая губку юности. Семенами.

V. Растения, доставляющие столярный и подделочный материал.

Бамбуки различных видов (*Bambusa*) в низменных местах. Размножаются корневыми побегами.

Самшит, *Кавказская пальма* (*Buxus sempervirens*) дерево местной флоры. Желательно, чтобы были приняты против хищнического истребления этого леса самые энергичные меры.

Тальши (*Zelkova srenata*) дерево, дающее чрезвычайно твердую и прочную древесину.

Eucalyptus amygdalina и др. виды, с прочной древесиной, противустоящие гниению.

Parrotia persica (железное дерево) из Ленкоранского уезда. Необыкновенно твердая древесина. Семенами.

Taxus baccata—*misc.*, красное дерево местной флоры, очень прочная древесина. Семенами.

IV. Растения, доставляющие плоды и друг. съедобные продукты.

Виноград.

Сахарное сорго (*Sorghum saccharatum*) злак, заключающий гораздо больший % сахара в сравнении с сахаром свекловицы. Семенами.

Масличное дерево (*Olea europaea*). Здесь оно культивируется издавна, а в настоящее время разводится в довольно обширных размерах в Н.-Афоне. Желательно введение лучших сортов для заготовки плодов в прок, и для выделки масла.

Апельсиновое и мандариновое дерево. (*Citrus aurantium* и *nobilis*). На основании опытов может расти и давать хорошие плоды в наиболее защищенных местах. Желательно введение лучших сортов.

Вино-ягодное дерево (*Ficus carica*). Распространено повсеместно в простых сортах. Желательно разведение более ценных для сушки сортов.

Японская мушмала (*Mespilus japonica*). Вечно зеленое дерево, распространена по побережью, дает вкусные плоды.

Анопа triloba. Дерево это дает здесь чрезвычайно вкусные плоды.

Съедобный каштан (*Castanea vesca*). Принадлежит к местной флоре.

Лавровое дерево (*Laurus nobilis*). Листья его имеют разнообразное употребление в кухонном деле. Принадлежит местной флоре. Желательны меры против его истребления.

Punica Granatum. Повсеместно. Следует распространить лучшие сорта.

Японская хурма (*Diospyros kaki*). Дерево, в последнее время входящее все более и более в культуру Южной Франции, Италии, а также в Южных Штатах Америки, дающее довольно своеобразные и вкусные плоды. Имеет множество разновидностей. Размножается прививкой на местной хурме.

Китайская хурма. (*Diospyrus chinensis*). Дерево, приносящее тоже съедобные плоды.

Psidium Cattlejanum (род гуаявы). Приносит вкусные плоды.

Гомбо (*Hibiscus esculentus*). Доставляет съедобные, плодовые завязи.

Сладкий картофель (*Convolvulus Batatas*).

Земляной орех (*Arachis hypogaea*). Повсеместно.

Sesatum tudicum—растение дающее кунжутное масло.

Чайное дерево (*Thea Bohea* и *viridis*). Растет хорошо в районе г. Сухума.

VII. Растения, доставляющие разные другие не съедобные продукты.

Пробковый дуб (*Quercus suber*) растет здесь прекрасно, повсеместно.

Сосна (*Pinus australis*) Pitch-pine Южных штатов Северной Америки. Сосна эта могла бы быть разводима ради ее смолы прекрасного качества.

Dipsacus fullonum дает ворсильные шишки, идущие на драповые и суконные фабрики.

Acacia dealbata, включает огромное количество дубильного начала, ради добывания которого и желательно разведение этого дерева в Абхазии.

Лаковое дерево (*Rhus vernicifera*) доставляет японский лак.

Восковое дерево (*Rhus succedanea*) дающее японский воск.

Rhus semialata доставляет дубильные орешки.

Rhus aromatica.

Эти растения могут быть разводимы на всем побережье.

Cistus ladaniferus. Ладонник, кусты его доставляют ладон. *Styrax officinalis*, *Styrax japonica*, *Liquidambar styraciflua*. Все эти три дерева дают особого рода ценную смолу. В южной половине побережья.

VIII. Растения декоративные.

Из пальм: *Chamaerops humilis*, с многочисленными разновидностями, *Chamaerops excelsa*, *Cocos acstralis*, *campestris* и др., *Corypha australis*, *Latania borbonica*, *Phoenix* (большая часть видов) *Cycas revoluta*.

Из семейств лилейных: *Agave* многочисленные виды *Aloe* многие виды, *Dasylyrion*, *Dracaena indivisa*, *Jucca* многочисленные виды, *Lilium*, *Narcissus*, *Tulipa*, *Hyacithus*. Из прочих семейств: *Aralia Zieboldii*, *Abutilon* различные виды и разновидности, требует легкой вересковой земли и затенения летом от солнца, *Aucuba japonica* многочисленные виды, требуют тени, *Citrus* разные виды, *Daphne indica*, *Eucalyptus globulus* и др. виды, *Eugenia australis*, *Ficus elastica* и *macrophylla*, *Gardenia florida*, *Hydrangaea japonica*, *Laurus nobilis*, *Laurus Reinhardtii*, *Magnolia grandiflora*, *Mag. fuscata*, *Mag. pumila*, *Myrtus communis* с разновидностями, *Olea fragrans*, *Pelargonium* с разновидностями, *Plectogyne elatior*, *Pittosporum Tobira*, *Rhododendron arboreum* с разновидностями, требует тени, *Rosa* возможны все сорта, *Thea sinensis*.

Весна в культурной полосе Абхазии начинается очень рано: в конце января расцветают розы, фиалки, цикламены, а в конце марта здесь уже разгар весны. В это время леса уже одеты зеленью. Повсюду цветут благовонные азалии и каприфоли, пышные рододендроны, в лесах ютятся тысячи орхидей и масса мотыльковых растений.

Если подняться на возвышенное место и бросить взор, то вам представится картина: с севера ваш горизонт заканчивается на ближайшей цепи абхазских гор, утопающих в зелени, с юга—безбрежное Черное море, а с востока и запада—одна сплошная зелень.

Так как по потребности во влаге растения разделяются на два главных типа: 1) *ксерофилы*—сухотлюбы, благоденствующие на сухих почвах и 2) *игрофилы*—влаголюбые, нуждающиеся для успешного развития в значительной влажности

воздуха и почвы, в больших и частых осадках, то в Абхазии даже древесные растения принимают *гигрофильный* характер.

И неудивительно, в Абхазии до 5.057 кв. вер. занимают одни леса.

Прежде чем дать полную картину лесов Абхазии, которую мы заимствуем у К. Д. Мачавариани, должны упомянуть следующий интересный факт, записанный нами во время лекции проф. Виноградова.

Поразительная, не в пример других стран, ценность абхазских лесов и их древесины была известна просвещенным европейцам уже давно. Как известно, после разрушения немцами Реймского собора, весь просвещенный мир ужаснулся подобным вандализмом и послал в комиссию лучших своих специалистов для реставрации этого сокровища архитектуры. Комиссия эта нашла, что стропила собора сделаны из редкого каштана, вывезенного в свое время из Абхазии.

По богатству лесами Абхазия занимает одно из самых видных мест на всем Кавказе.

§ 6. Растительные пояса.

Роскошные девственные леса покрывают всю Абхазию, начиная от берега Черного моря вплоть до высот в 7000-7500 ф., где они уступают место пышным нагорным летним пастбищам. Эти леса, в особенности в нижней, более теплой части страны, отличаются во 1-х, тем, что они состоят более чем из 150 различных древесных и кустарных пород, из которых в состав одной нижней полосы входит до 86 пород, причем породы хвойные (пихта, ель, тис-красное дерево) произрастают в них бок-о-бок с вечно зелеными (самшит—кавказская пальма, рододендрон, лавровишня, остролист) и с породами, имеющими опадающие листья (бук, каштан, граб, дуб, разные клены, липа и др.); во 2-х, им свойственна масса вьющихся и ползучих растений (до II видов), придающих им тропический характер; в 3-х, большинство пород, входящих в состав их, отличается обширными пределами своего вертикального распространения (не менее 3000-4000 ф., редко даже 6000-7000 ф., как бук, азалия, орешник, лавровишня, остролист, плющ); в 4-х, оби-

лие папоротников (до 25 видов), местами, как бы замещающих малоразвитый в лесах травянистый покров, составляет также одну из характерных особенностей лесов Абхазии.

В вертикальном направлении лесная растительность Абхазии может быть подразделена на следующие 4 зоны или пояса, отличающиеся друг от друга не столько исключительным господством, сколько лишь преобладанием тех или иных пород и характером образованных им насаждений.

Первый пояс составляют смешанные леса, покрывающие все низменности, холмы, предгорья, горные ущелья и долины до высот 2500-3000 ф.

Леса этой полосы отличаются от лесов следующего пояса, во 1-х, необыкновенной своей густотой, во 2-х, массой лиан и лазящих растений, из которых самыми обыкновенными являются: сассаперель, обвойник, плющ, ломонос и др., а также изобилием разных колючих кустарников и в 3-х, разнообразием и смешанным характером входящих в состав их пород и отсутствием среди них преобладающей.

Трудно указать на породу, господствующую над другими в лесах этого пояса. Граб, дуб, ольха, карагач, полевой клен, липа и др. являются в ней одинаково распространенными. В несколько меньшем количестве распространены: бук, каштан, ясень, глоговина и птеркария [последняя исключительно по берегам речек]. В этой полосе растут в изобилии некоторые вечно-зеленые и вообще южные породы, как лавр, инжир, шелковица, хурма, которые выше больше не попадают.

Этой же полосе свойственны те драгоценные лесные породы, которыми Абхазия по справедливости действительно может гордиться, а именно: самшит, или Кавказская пальма, грецкий орех и негной—дерево или тисс. В настоящее время сохранились обширные насаждения самшита в лесных дачах по ущельям р. Бзыби, Окума и Гализги, а также кое-где в ущельях других рек Апсты (она же Бакланка), Хипсты, (она же Белая), Гумисты и др. В старину, как надо полагать, самшитовые леса, покрывали всю Абхазию, как об этом ясно свидетельствуют обширные заросли кустарного самшита на самом берегу моря возле Пицунды, Гудауты, Бомборы, Очемчыры. Грецкий орех сохранился в Абхазии также

еще в весьма значительном количестве. Собственно грецкий орех нельзя назвать породой вполне дикой в Абхазии: встречается он главным образом только в селениях или в тех местах, где таковые некогда существовали, но во всяком случае дичает он очень легко и в таком виде, в качестве обычной породы, вместе с каштанами и буком встречается в первобытных лесах Датского ущелья (по реке Кодору). Что касается третьей из названных пород (негной-дерево или тисс), то порода эта также весьма распространена в лесах Абхазии, попадаясь, впрочем, больше отдельными деревьями в буковых, кленовых и самшитовых лесах. Составленный разнообразно подлесок, как и самый лес, представляет сплошные, непроходимые заросли сумана, грабинника, держи-дерева, азалий, на сухих и солнечных местах—пантийского рододендрона, лавровишни, остролиста и др. на более влажных и тенистых местах. Эти колючие заросли, вместе с безчисленными лианами, которые длинными спутанными прядями перекидываются с одного дерева на другое, делают леса нижней полосы трудно доступными. Но весной, когда в них распукаются пышные розовые букеты рододендронов, благоухают золотистые азалии и всюду с веток деревьев свешиваются изящные благовонные гроздья цветов каприфоли,—леса Абхазии бывают очаровательны.

Следующий пояс лесной растительности составляют леса предгорий и занимают высоты от 2500 до 4500 ф. В состав этих лесов входят, главным образом, бук, дуб и каштан с характерным подлеском из пантийского рододендрона, азалии и кавказской черники, к которым присоединяются на более тенистых местах лавровишня и остролист. Деревья здесь растут уже не столь густыми насаждениями, вследствие чего, развиваясь на привольи, они не глушат друг друга. Нередко леса этой полосы состоят сплошь из превосходных огромных деревьев бука и дуба и гигантских каштанов в 2 2½ обхвата. Кроме названных пород нередкость встретить в этом поясе также гологовину, тисс, разные клены и горный ильм.

Приблизительно на высоте 4500 ф. на солнечных склонах и гораздо ниже—на затененных местах к буковому лесу начинают примешиваться отдельные экземпляры пихты

и восточной ели, которые, по мере поднятия, быстро становятся в числе их, начиная с высоты, приблизительно в 5000 ф., образуют весьма характерный пояс высоко-нагорных хвойных лесов до высоты 6000—6500 ф. Кроме пихты и ели встречаются бук, клен, горный ильм и ольха (по берегам рек). Подлесок состоит из понтийского рододендрона, азалий, кавказской черники, лавровишни, остролиста и альпийской крушины. Леса хвойной полосы растут еще более редкими насаждениями, чем буко-каштановые, и состоят из отборных маховых деревьев, имеющих сплошь и рядом 2-2½ арш. в поперечнике, напоминают собой великолепный парк, сходство с которым дополняется многочисленными полянами, разбросанными там и сям по лесу и поросшими разными колокольчиками, аконитами, теллекиями, гигантским бгрщевником и пр.

Особенно эти леса хороши в верховьях бассейнов р. р. Бзыби, Чхалты и Сакена, где взор не перестает удивляться возвышающимися на каждом шагу мощными лесными гигантами в 20-30 сажен длины и 2-2½ саж. в окружности.

Займствуя размер этих колоссов из путеводителя Мачаваряни, мы, не имея возможности измерить, определяли невероятную высоту их следующим примитивным способом: выбрав самое высокое на глазом дерево, чтобы увидеть его вершину, мы от его корня отходили на 15 аршин, не нагибаясь назад, держа свой корпус прямо, откидывали голову назад насколько возможно и тогда только могли увидеть верхушку. Эти гиганты имеют кипарисообразную крону с ветвями, обращенными вниз.

На высоте 6000 ф., или даже еще ниже, в лесу начинают попадаться отдельные деревья рябины, высокогорного клена, понтийского дуба, а затем в более высокой полосе к ним присоединяются еще береза, городовина, медвежья груша, горная смородина, малина и др.

Выше пределов лесной растительности находится область альпийских горных пастбищ, расположенных на главном хребте и его отрогах (контрфорсах). Пастбища эти, покрытые в летнее время сочной травой, изобилуют родниками с прозрачной, холодной и вкусной водой. Летом сюда выгоняются в значительном количестве скот не только из

Абхазии, но из Мингрелии (см. Мачавариани). Горная растительность носит характер *прерий*. Растительность высокогорных областей Абхазии относится к *гекситотерма*, т. е. растительности холодного климата. Высокоствольные деревья здесь уже не могут расти, главным образом, за недостатком для их произрастания тепла. На влажных, богатых осадками и закрытых от северных холодных ветров горных долинах и плато, луга имеют вид американских прерий, благодаря изобилию влаги, света и тепла.

Везде виднеются пышные, ярко-окрашенные гвоздики, белые розы, генцианы, колокольчики, скабиозы и множество других цветов, между которыми растут кусты малины, смородины, земляники и др.

Область нагорных пастбищ Абхазии начинается от 6500 и простирается до 9500 ф., за которыми уже вечные снега с полярной растительностью, где снег местами освобождает площадь всего на 1-2 месяца.

Хотя автор путеводителя по Абхазии, Мачавариани, говорит, что леса Абхазии состоят более чем из 150 различных древесных и кустарных пород, из коих в состав одной нижней полосы входит до 86 пород, но нам думается, что он слишком умножил это число: вероятнее всего подсчет проф. Виноградова, исчисляющего количество пород в 99.

Главная ценная часть лесов Абхазии в количестве 410 155 дес. до Великой Русской Революции принадлежала казне.

Самшитовые (пальмовые) леса всего занимают площадь в 8,416 дес., из коих в Ткварчельской даче—652 дес., Окумской—493 дес. и Бзыбской лесной даче—7.316 дес.

Приведенная краткая, (признаемся небрежная) характеристика лесов Абхазии, их распределение по растительным зонам, с перечислением видов растений каждой зоны, указание на уживание в одной зоне—*мезотермов*—теплолюбив с *гекситотермами*—холодолюбами,—уживание в одной растительной полосе хвойных деревьев северной России с вечно-зелеными—южной, почти, тропической Испании, это уживание ели с вечно-зеленой лавровишней, сосны с рододендронном и т. д. и т. д., все это говорит за то, что здесь флора имеет какое-то исключительное своеобразие, какое-то про-

тиворечие тому, чему учит климатология, определяя климат по растительным зонам,—по потребностям растений в тепле, во влаге; этот закон как-бы не имеет места в горной полосе Абхазии. Надо только побывать в горах Абхазии, чтобы воочию убедиться в этом.

Если вы имеете представление о других горах, если вы побывали на Альпах,—в Тироле, или в Швейцарии—поднимались на Юнг-Фрау, Ронский глетчер или с Сан-Готардской вершины спускались в Италию к Айрольо, если наблюдали растительные зоны их по поясам, то вам, в горах Абхазии, еще явственнее станет это противоречие. Почему это так? Не потому ли, что здесь исключительный *поитийский климат*?

Известно, что растениям для произрастания нужны влага, свет и тепло. Света на всех растительных зонах здесь вполне достаточно, а вот что касается теплых влажных черноморских ветров, несущих массу испарений, то между горными долинами, между горными плато, кряжами, самостоятельными отрогами они распределяются неравномерно. Отдельные горные цепи Абхазии, идущие ярусами и снижающиеся террасами параллельно к морю, каждая в отдельности старается заградить им дорогу, вникнуть вглубь гор.

Надобно только побывать за первой горной цепью у расщелины, откуда выходит на равнину Кодор и понаблюдать. Если посмотреть с Кодорского моста, около Дранд, вверх по течению Кодора, то на первой-же горной цепи, разрезанной руслом Кодора, называемой у абхазов «Аоу разара» (место «процеживания»), виднеется *Конус горы*, характерная и очень заметная в низовьях Кодора, а также с моря, с парохода. Если вы посидите у подножья этой горы и понаблюдаете за течением туч и облаков с моря по единственной этой кодорской расщелине, то вам представится интересная картина; вам покажется, что на вершине горы—конуса есть какой-то распределительный пункт, так сказать, выражаясь по современному, *отдел снабжения*: из этих ворот тучи правильной вереницей идут с берегов Черного моря; побывав на вершине Конуса-горы, часть их идет на ущелье реки Амткел, снабжая влагою *Ишоу, Ацлашара, Чамбагуара* и др. или по ущельям Чхалты—горы той стороны. Отправившись от этого пункта на полуторадневный переход, вы по-

бываете на Դурձալ акаѳара (вершина горы Դурձալ), понаблюдаете и узнаете дальнейшую судьбу облаков, отпускаемых Черным морем и прошедших мирной скоростью через распределительный пункт Конуса-горы; вы поразитесь следующей картиной: на этой вершине тучи, вытянувшись в длинную ленту, снуют и быстро двигаются, ловко лавируя между скалами и собою, при чем одни имеют направление на север, другие на восток, третьи на запад, наконец, четвертые круто вниз к ущелью Вас поражает порядок, вам кажется, что тучи исполняют заранее разученную роль, суета их невообразимая, их движение нельзя даже назвать «движением», это что-то стремительное, головокружительное, какой-то вихрь, игра в перегонки, наконец скачка в разные направления с разными заданиями. Это невероятное явление невольно вас околдует и очарует.

Вы наблюдаете часами охваченную бурным потоком интенсивную деятельность туч в этом пункте, и очарование ваше переходит в нервно-приподнятое ошеломление, вы чувствуете свою слабость дать об'яснение этому явлению. Задаете себе вопрос:—если эти тучи летят по направлению ветра с его скоростью, тогда почему в этом месте ветер имеет несколько направлений и почему, наконец, нет соединения, столкновения туч? почему одна облачная лента, пронизывая другую, не теряя своей формы и скорости, продолжает дальнейший полет?

Зачаровавшись этим загадочным движением, таким головокружительным, но стройным и планомерным, невольно вспоминаете главную улицу Берлина или Перы, где дирижерская палочка полисмена регулирует разнообразное направление автомобилей, извозчиков, мотоциклеток, автобусов, трамваев. Здесь же полисменскую роль, очевидно, выполняют горные, вкось-вкривь расположенные, кряжи. Они, очевидно, разбивают всю массу туч, так стремительно летящих к ледяной поверхности Эрцогских громад, на отдельные облачные потоки и дают им разнообразное направление, неравномерно снабжая таким образом теплой влагой разные места горной поверхности. Вот почему в одной растительной зоне, скажем, гекистотермов, рядом, на этой же высоте, на этой же параллели, на расстоянии полу-

часового перехода имеют место мезотермы. Вот почему на высоте 9.000 ф. бок-о бок растут хвойные деревья и вечно зеленые лавры. Каждый горный корридор здесь живет своею жизнью, имея свою особую природу, свою погоду. У пастухов-абхазов есть поговорка: „Небо ближе твоей бурки“ (Аҟан у-уаш еиҥа иааигуоп)—это значит, если ты, надеясь на солнечный день, оставив свою бурку в становище баранты, отправишься в следующий горный корридор тут-же рядом, то знай, что небо в этом месте, внезапно получив стремительную струю тучи, пошлет дождь, и ты не успеешь сбегать за буркой. Вот почему здесь каждый пастух, отходя на некоторое расстояние от места постоянной стоянки даже в солнечный день, несет на спине, свернутую в трубу, свою бурку.

Леса Абхазии находятся, главным образом, в горной части ее. Если Абхазию называют перлом Кавказа, страной отрады очей, страной гордой красоты, то имеют в виду ту часть Абхазии, что доступна взору путешественников, а именно полосу береговую. Но надо только побывать в горной половине Абхазии, чтобы увидеть другую, более поразительную картину. Здесь перед вами раскроется „чудес палата“: живописные долины, горные ущелья, гигантские массивы, покрытые пышной зеленью южной флоры или же зеленью высокоствольных хвойных деревьев севера. И все эти нависшие скалы—гиганты, одетые в бархатный покров, не давят своею массивностью, как на Динарских горах или как в Дагестане, Чечне и Восточной Грузии, а, наоборот, привлекают своим убранством, ласкают взор своим причудливым сочетанием разнообразных красок. Массивы эти исчерчены во всех направлениях зияющими необычайно узкими и отвесными спусками—ущельями, покрытыми также густой растительностью. Известно, что на всех горах принято дороги прокладывать по ущельям, но в Абхазских, наоборот, дорога, если только можно ее так назвать, проходит по гребням гор, так как расщелины между горами, т. е. ущелья, так узки и недоступны, что нет абсолютно никакой возможности ходить по вертикальным их склонам, исключая абхазцев-охотников, для которых никакая опасность недействительна. Ущелья эти можно проходить только поперек и то

по висящим снежным мостам, образовавшимся от снежных лавин, сползающих с громадных отвесных стен ущелья; мосты эти имеют толщину в несколько сажень, а под ними буквально летят неимоверной силы и быстроты горные речки.

Горы Абхазии, да и всего Кавказа, безусловно уступают по красоте швейцарским горам, ибо здесь нет того сочетания гор с большими прозрачными озерами, как в Швейцарии, но по девственности, по необычайно величественной дикости своей, по богатству исполинской растительности, по своеобразию и разнообразию ландшафтов абхазские горы превосходят отшлифованные на культурный лад швейцарские.

§ 7. Почва.

Почва образуется или путем механического выветривания горных пород, или путем химического изменения состава этих пород под влиянием кислорода, углекислоты, воды, растительности и пр. Результатом выветривания горных пород является почвенный слой, причем он может образоваться только там, где происходит накопление продуктов выветривания. Местами талая и дождевая вода сносит их вниз по склонам, обнажая таким образом горные породы и мешая естественному образованию почвенного слоя. Такая история с продуктами выветривания наблюдается на некоторых склонах Кавказских гор (Дагестан, Армения и частью в Грузии). Что касается Абхазии, покрытой густой и глубокопроникающей субтропической растительностью, которая препятствует сносу продуктов выветривания, то процесс разложения с поверхности идет вглубь, раз'едая эту породу.

В виду того, что главными климатическими факторами, влияющими на характер почвы, являются теплота, свет, осадки и влажность воздуха, то Абхазия, в избытке располагая этими факторами, считается одной из плодороднейших местностей Кавказа. Здесь нужно оговориться: почва Абхазии, давая необыкновенно производительную силу древесной растительности, слишком разнообразна в разных уездах своими условиями для произрастания сельско-хозяй-

ственных культурных растений. Так, напр., нынешний Гумуезд исстари славился баснословно плодородием своей почвы, богатством горных пастбищ, изобилием меда и т. д. Откуда, говорит классическая древность, «божественный Язон на своем быстроходном корабле Арго привез золотое руно», там, по древнему сказанию абхазов, — «Гума несла свои медовые струи в Черное море». Это сердце Абхазии испокон веков считалось лакомым куском, яблоком спора для населения, куда стремились все племена абхазов, но где могли поселиться только сильные из них. В этой золотой части Абхазии до 60-х годов было три самостоятельных государственных образования (Дал, Цабал и Гума). Население этой области исчислялось в несколько сот тысяч и было настолько густое, что сохранилось абхазское изречение «Айха агвей рубжара оинхубрала адгу итгуан», — т. е. «от гор до моря кошка по крышам домов бегала».

После насильственного выселения абхазов этого уезда, большая часть опустевших земель была пожалована за воинские, гражданские и прочие выслуги царю разным лицам, а на остальную опустевшую землю водворены пришлые элементы, при чем те абхазы, которые отказались от эмиграции в Турцию и пожелали остаться на насиженных веками местах в этом уезде, уже в наши годы были насильственно расселены в худшие уезды — Кодорский и Гудаутский.

Необыкновенность чернозема Гумуезда, например, Драндской волости, настолько велика, что и в настоящее время с нее снимают два урожая: весной озимую пшеницу и в начале осени на места посева пшеницы — кукурузу.

В Кодорском уезде качество почвы очень невысоко, исключая берегов рек — Дгамыша, Моркулы, где почва состоит из наносного ила; она суглиниста и неудобна для возделывания хлебных злаков. В этом уезде есть такие места с каменистой почвой, состоящей из осколков мелкого камня с ничтожной примесью землистых частиц, на которых хорошо растут только виноград, фруктовые деревья и табак. Впрочем табак вполне хорошо произрастает во всем этом уезде. Гудаутский, Самурзаканский и Гагринский уезды имеют ту же почву, что Кодорский, причем в лучших условиях Самурзакань, почва которой вполне благоприятствует произ-

растанию кукурузы; но что касается Гудаутского, то этот уезд отчасти по малоземелью крестьян, отчасти по почвенным условиям всегда чувствует недостаток в собственной кукурузе, но зато по виноделию он стоит выше других уездов.

§ 8. Животный мир.

Известно, что животные имеют природную особенность приспособляться. Они всегда хорошо вооружены для борьбы с холодом и засухой и т. д., а потому климат очень мало влияет на распределение их по земле, но зато животное тесно связано с общим характером природы: оно слилось в одно биологическое целое с растительным миром; животные какой-либо растительной зоны легко находят пищу и защиту в условиях обстановки этой зоны, даже их внешность и вся организация соответствуют условиям среды. Вот почему разнообразная роскошная растительность Абхазии, с ее девственными лесами, делают зоогеографию также очень разнообразной. В лесах внегорной культурной полосы Абхазии водятся волки, кабаны, выдры, дикие козы, масса лисиц, шакалов и всякого рода грызунов. Из пернатых, кроме бездны соловьев, дроздов, соек и прочей воздушной и водяной птицы, водятся также дикие курочки и фазаны.

В горной части водится много медведей, которые проводят зиму в спячке: есть куницы (они живут в береговых лесах), кое-где олени (Бзыбское ущелье); в неприступных скалах и ущельях большой высоты—стада туров, серн; из птиц—орлы, горные индейки, сойки, фазаны.

Что касается шакалов, то их в культурной полосе Абхазии такое множество, что борьба с ними здесь абсолютно невозможна; впрочем, эти звери вреда большого не приносят, ибо рискнуть напасть на домашних животных, исключая козлят и маленьких телят, они не посмеют, так что хозяйству большого ущерба они не приносят, что делают для населения в огромных размерах волки и лисицы. Охотиться на шакалов крайне трудно, т. к. ютятся они в укромных местах среди зарослей папоротника. А ночью они очень близко подходят к жилым помещениям и поднимают страшный харак-

терный вой. Этот шакалиный «концерт» бывает интересен, когда в нем принимают участие десятка два шакалов, а то и больше, что часто бывает в глуби Абхазии. Старые шакалы начинают свою дикую мелодию басистым, протяжным воем, им вторят разногласье, пискливые молодые шакалята. Характерная музыка разнообразится шакалами, которые, передразнивая собак, поддерживают хор. Этот ночной концерт массы шакалов бывает очень интересным. Ничего подобного не создают шакалы Дагестана, т. к. выступают они незначительными группами и к тому же менее голосисты.

Б. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

VI. Народонаселение и его национальный состав.

§ 9. Численность населения.

Численность населения Республики Абхазии пред империалистической войной представлялась в нижеследующем виде, при чем эта численность только приблизительно точна, т. к. здесь, во 1), не указан прирост коренного населения, которое за 9 лет, не пережив ни одной войны, безусловно, увеличилось, во 2), не указано количество пришлого элемента, который за время русской революции, в особенности в период меньшевистского правления, наводнил Абхазию, пользуясь захватным правом. Об этом подробно скажем в графе землепользования и колонизации.

Статистические данные переписи населения Абхазии после 1914 года мы не использовали сознательно, т. к. они страдают неточностями, а при грузинской власти составлялись тенденциозно.

Плотность населения по уездам с указанием национального состава представлялась пред войной (1914 г.), за исключением городов Абхазии с населением около 30 тыс. человек, в следующем виде:

В УЕЗДАХ:

Национальность	Гагрин-ском	Гумистин-ском	Гудаут-ском	Кодор-ском	Самурза-канском	ВСЕГО
Абхазов	490	4848	24386	26087	35639	91450
Армян	1800	2792	3229	159	—	7980
Греков	1175	5659	2930	158	—	9922
Русских	381	2128	2386	92	—	4987
Мингрельцев, гур, имер. и груз.	459	4761	1058	4538	3915	14731
Турок	—	283	372	320	26	1001
Персиян	—	—	91	—	—	91
Лезгин	—	—	63	3	—	66
Осетин	—	—	52	4	—	56
Поляков	—	33	—	—	—	33
Албанцев	—	—	33	—	—	33
Немцев	—	600	16	12	—	628
Молдаван	—	211	11	3	—	225
Татар	—	—	9	—	—	9
Болгар	—	213	7	—	—	220
Эстонцев	—	1017	—	—	—	1017
Латышей	—	84	5	—	—	89
Итого	4305	22629	34648	31376	39580	132538

Приведенная характерная номенклатура семнадцати национальностей, безболезненно уживающихся на территории абхазского народа, еще раз подтверждает свидетельство классических писателей о том, что в Диоскурии, древнем городе Абхазии, Римляне держали, по одним источникам, несколько десятков, а по другим даже 300 переводчиков.

Дивно прекрасно Черное море у берегов Абхазии. Слишком очаровательна, волшебнo-сказочно-красива эта страна. Эта жемчужина, перл Кавказа, испокон веков являлась заветной мечтой—приманкой для народов, искателей тихого пристанища после жесточайшей продолжительной борьбы.

Это было в век *Великою переселения народов*. *Очевидно*, в эту историческую эпоху одно из племен *тениохов*: *абаски-обезы-абхазы*, как более сильные среди прочих соискателей лучших земель, могли иметь возможность занять этот несравненный «край гордой красоты», и несмотря на то, что после этого волны человеческой страсти продолжали плескаться берега этой страны, народ «Аџсуа» — «люди души» — огнем и мечем отстаивал свою страну „Аџенч“ — „страну души“.

Ни римляне, ни византийцы, ни турки, ни генуэзцы, ни венецианцы не могли завладеть Абхазиею и лишить ее самостоятельности, а потому эти завоеватели были вынуждены признать незыблемость самостоятельности Абхазии и основаться на ее территории в качестве колонизаторов берегов ее.

Властно-гордая народная воля сумела пережить эти великие державы, — они сошли со сцены.

В мою задачу не входит история народа абхасского и я ее затрагиваю постольку, поскольку она связана с географией страны; но чтобы были понятны отделы географии Абхазии, именно: землепользование, эмиграция и колонизация, нахожу нужным здесь сделать маленькую экскурсию в область исторических фактов.

Из всех кавказских самостоятельных государственных образований в отстаивании своей территории в худших условиях оказалось Грузинское царство. Оно не выдержало натиска более сильных народов, наседавших на него, не имело возможности установить собственными средствами гражданское спокойствие среди своего народа, а потому вынуждено было признать добровольное подданство русским царям.

Начиная с Иоанна Грозного, Грузинское правительство «объявляет свои слезы и мольбы» русским царям и, наконец, император Александра I, „вняв молению страждующих, в отвращение их скорбей“, принял под скипетр свой грузинский народ.

За Грузией добровольно сдалась и обнажила восточную границу Абхазии—Минггелия. Таким образом, благодаря лишению Грузии самостоятельности, империалистические войска русских царей оказались в глубоком тылу вольных кавказских горцев, и здесь начинается величайшая трагедия—истребительная завоевательная война русских самодержцев с горцами.

Чечня и Дегестан отстаивали свою самостоятельность с оружием в руках ровно 60 лет и в конце концов были покорены.

Затем началась война с горцами Западного Кавказа—соседями абхазов. После долгой борьбы и они были покорены и вынуждены согласиться на условия—переселиться на русские равнины или эмигрировать в Турцию. Черкесы предпочли последнее и в количестве $1\frac{1}{2}$ миллиона человек ушли в Турцию. Покончив с черкесами, в 1864 г. русское оружие было направлено на два маленьких абхазских племени, известных в истории героическим отстаиванием своей вольности и способом ведения войны: они считали за позор сражаться в пешем строю и не признавали иного боя, кроме шашечного.

Эти два, поголовно исчезнувшие с Кавказа, племена—убыхи и джигеты (*Асазгуа*). Часть их была истреблена, оставшаяся часть спустилась в конном строю на берег моря, обернулась в последний раз к седым вершинам Абхасских гор, спела *айха-айа* («песнь гор») и села на приготовленные корабли, чтобы отплыть в Турцию.

В этом же году два государственных самостоятельных образования в самой Абхазии—Дал и Цабал, после жесточайших сражений, были покорены силой оружия и приказано им было подчиниться *приставу Кириллову*. Не желая в своей вольной стране видеть царское приставство, они вновь возмутились, но вынуждены были также переселиться в Турцию. В этом же году вся Абхазия была лишена самостоятельности и правитель ее *Ахмут-бей* насильственно водворен в Россию. Таким образом, спустя 64 года после лишения Грузии самостоятельности, Абхазия должна была расстаться со свободой, которой пользовалась более 2-х тысяч лет.

Всю Абхазию, состоявшую из нескольких самоуправлявшихся округов, русская власть об'единила в один отдел или округ. Отсюда и начинаются страдания абхазского народа.

В 1866 г. Бзыбский округ, недовольный вероломным лишением самостоятельности и теми крутыми мерами русского правителя Абхазии Коньяра, которые расходились с нравами, обычаями и нуждами населения, возмутился. Начальник Абхазии Коньяр (со всеми своими чиновниками и с казачьим отрядом) отправился в Гудауты и велел собрать все население в с. Лыхны. Население высказало свое неудовольствие русскими порядками и просило довести об этом до сведения царского наместника Кавказа. Коньяр стал держать себя вызывающе, издеваясь над чувствами абхазов, говоря, что русская переделка к снется и женщин—абхазок, таким образом оскорбив священные чувства их; к тому же он дал возможность своему чиновнику Черепову оскорбить абхазов. Абхазы еще с вечера были в боевом порядке и все верхами. После речи Коньяра и слов Черепова крестьянин старик дал сигнал: выстрелил в воздух и крикнул «народ абхазский, помни, что ты решил». Затрещали ружья, засверкали шашки. Изрубив Коньяра, его чиновников, перестреляв весь казачий отряд, повстанцы наскоро сколотили национальное знамя и двинулись на Сухум. В тот же день был занят и сожжен город Сухум; тогда повстанческий отряд обложил сухумскую крепость, причем в течение суток штурмовал его десять раз, несмотря на то, что со стороны моря их обстреливали военные корабли—«Веер» и «Сук-су». Из Поти и Гагр на пароходах была послана помощь Сухумскому гарнизону, а по сухому пути были двинуты гурийские и мингрельские милиционные отряды.

Кавказское наместничество, чтобы не осложнять дело и не начинать новой войны, только что законченной на Кавказе, вступило в мирные переговоры с абхазами-повстанцами и на условиях безнаказанности повстанцы сняли осаду крепости. Но здесь и началась месть царских чиновников. Народ вынуждается с оружием в руках искать право свое, поднимается ряд местных восстаний, все они кончаются усмирениями, при чем в некоторых усмирениях принимает участие ген. Муравьев, впоследствии Амурский.

Итак, со дня лишения самостоятельности Абхазии и перехода власти к царским чиновникам, Абхазия, можно сказать, находилась на положении войны, вызываемой исключительно провокационными действиями царских сатрапов и бестактностями их чиновников.

Абхазцы местностей—Дала, Цабала, Цѣбу, Гагры в количестве 400 тыс. душ вынуждены были выселиться в Турцию. Изведав все прелести турецких порядков, выселившиеся абхазцы частями стали было возвращаться обратно, но власти их не принимали, тогда многие из них, по свидетельству Мачавариани, „брали в мешках горсть родной земли, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле“.

В довершение всех бед для абхазского народа в 1877 г. началась война России с Турцией. Насильственно изгнанные абхазы высаживаются около Гудаут. Выбрасывают лозунги—«возвращение на родные земли», «на места могил отцов, дедов»; к ним присоединяется часть абхазов, всегда бывшая в опале у царских властей. Они делают нападение на Сухум, поджигают и берут его, загоняют в кодорские теснины русские полки с начальником Абхазии ген. Кравченко, где войска при ужасных условиях, большею частью, гибнут, мятежники истребляют поголовно в сел. Адзюбжа отряд пол. Мкеладзе, но с торжеством русского оружия всем вновь восставшим абхазам предлагается переселиться в Турцию и несколько десятков тысяч человек опять вынуждаются бросить родные, веками насиженные места и переселиться к чуждым туркам.

Здесь опять начинается жесточайшая расправа с Абхазией. Национальное тело ее раздирается на части, весь Гумистинский уезд,—лучшая часть этой страны, освобождается от абхазов, даже и от тех, которые не принимали участия в восстании, и они были лишены прав на земли.

Этим власть разобщила восточную часть Абхазии от западной—Бзыбь от Абжуа и Самурзакани.

Помимо этого издается распоряжение, по которому абхазам запрещено селиться близ морского побережья, а также в нагорной полосе, чтобы не иметь сообщения с северокавказскими горцами. Серединная часть Абхазии—Гумуезд,

а также территория Дальцев, Цебельдинцев, Псхувцев, наилучшие земли горной полосы были розданы разным чиновникам и священникам в награду или пришлому элементу,—большею частью, жителям Малой Азии.

Сами абхазы об'являются "виновным населением", царские драконовские законы того времени, под игом которых стонала вся Россия, нашли для «виновного населения» слишком гуманными, а потому здесь создается особое „Военно-народное“ управление, по которому вся власть переходит в руки военщины, даже в единственном учебном заведении для абхазов, в горской школе, председателем педагогического совета должен был быть начальник края—генерал или полковник. Край управляется отпетыми царскими сатрапами. Вдобавок, абхазы лишаются прав на землю, на которой они жили 2.000 лет.

В добавление ко всем этим насилиям, когда в населении стало опять замечаться волнение, вызываемое исключительно провокационными действиями начальствующих лиц, невыносимые действия которых вызывали со стороны населения террористические акты, составляется проект о поголовном выселении всех абхазов в отдаленнейшие губернии России и заселении страны русскими колонистами.

Проект этот почему то побоялись осуществить, но зато абазов продолжали считать временными жителями годной земли.

Такую вопиющую несправедливость, такой гнет Абхазия несла почти четыре десятка лет, т. е. до 1905 г., когда, напуганная народным гневом, государственная власть России стала держать фронт на манер правопорядка.

По ходатайству наместника Кавказа Воронцова-Дашкова царь снял с абхазов—„позорное имя“ (подлинное выражение грамоты) «виновного населения» и им вернули, на словах, права на родные земли.

Вот при таких обстоятельстве, при таком отношении местной и центральной власти к абхазам, разрешался в течении 40 лет *земельный вопрос*, вопрос о землепользовании, о колонизации ее пришлыми элементами; такое отношение властей к абхазам, как к виновным, как к временным жи-

телям родной земли, безусловно передавалось новым переселенцам: русским, мингрельцам, грекам, эстонцам, немцам, армянам.

Об этом скажем в соответствующих главах.

§ 10. Абхасский народ.

Основываясь на указаниях греческих, римских, византийских и арабских писателей, можно с уверенностью утверждать, что абхазы—одна из ветвей первоначального ядра—*ленихов*,—к племени которых относились *зиги*—*зихи* (по абхасски «*Азохууа*»—черкесы) и абаски—*обезы* (абхазы), при чем нынешнюю территорию свою, по свидетельству тех же классических писателей, они занимали за несколько веков до Рожд. Хр.

В позднейшее время ученый натуралист Чернявский писал: «познакомившись с древнейшими указаниями, начиная с 14-13-го веков до Р. Хр. по серьезным переводам каменных, неподверженных ошибке переписчиков, памятников египетских и ассирийских завоевателей, попиравших страну *Эия* в Колхиде, нельзя считать уже мифическим великий город *Эия*, переименованный позже в Диоскурию, позднее в Севастополь Великий или Севастию, Сотирополис-Цхум или Цхоми-Сухум, т. е. главный город Абасков-Обезов и позже абхазов».

Антрополог Пантюхов делает интересные выводы: «несомненными доказательствами пребывания северных европейцев на Кавказе, кроме сведений исторических, служат множество сохранившихся на языках осетинском, удинском, черкесском и курдском немецких и славянских слов, а еще более то, что антропологический тип *юлубо*—*глазых* и *серо-глазых черкесов* и *абхазов* отличается от кароглазого и переходит к северо-европейскому». Действительно, характерно то, что абхазы, не в пример другим кавказцам, почти все имеют светлые глаза, главным образом голубые. Быть может, это вековое влияние красивой, цветистой природы?

Долгое время антропологи, этнографы, лингвисты, археологи и прочих специальностей ученые не могли дать ничего проверенного и цельного о народностях гор Кавказа и в ча-

стности об абхазах, и сделанный каждым из них *предвзятый* *тем древних времен* страдал проблематичностью. Это объяснялось поверхностным отношением к вопросу: многие из них умозаключали на основании письменных сбивчивых источников, не посещая изучаемого народа, некоторые из них страдали предвзятостями, были охвачены тем патриотическим, воинственным духом, каким были проникнуты почти все русские в период покорения „диких“ кавказских горцев. Этот ужасный воинственный психоз был настолько эпидемичен, что лучшие будители „русской народной совести“, как Толстой, Лермонтов, лингвист Услар и другие, были одержимы им и они охотно шли в эти бои, а в своих произведениях, восхваляя «русский штык», «казачью доблесть» против „злых чеченцев“, „диких воинственных горцев“,—этих „рыжих татар“ (почему то Толстой горцев называет татарами), не проронили ни одного слова протеста по поводу истребления этих вольных народов, далеко не „диких“, но „воинственных“ потому, что защищали они свои священные права, свою свободу, свою правду, свою культуру от *диких*, невежественных, безнравственных вандалов, царских генералов, жандармов с их законами; эти *будители совести*, наоборот, посылали, истекающему кровью в защите своих лучших человеческих прав Кавказу—„берегись“, грозили „генералом седым“, идущим „грозя очами“.

Ученый лингвист, желая изучить особенности языка убыхов, человек науки, скорбел, что осталось «еще одно непокоренное племя абхазов-„убыхи“, но радостно восклицал: „скоро наше оружие будет перенесено туда“. Желание Услара сбылось «оружье было перенесено», племя это исчезло с лица Кавказа. Ученый лингвист, интересуясь языком убыхов, нашел в лазарете единственного пленного мальчика—убыха, простреленного несколькими пулями и пронизанного в нескольких местах солдатскими штыками; мальчик, мстя за своих сородичей, отказался дать какие либо сведения лингвисту, отказался также от лечения и умер.

После того, как Россия покорила Кавказ, „огнем и мечем порядок в нем установила“,— государственные географы, бытописатели стали знакомить читающую публику с покоренными народами, делая свои сообщения на основании офи-

циальных отчетов, произведений писателей и т. д. Конечно, такая компиляция страдала теми-же погрешностями, какими и первоисточники.

Вот почему, когда критики указали на всю фальшь в описании Абхазии и Абхазов в произведении ген. Дубровина, то автор стал оправдываться тем, что он исполнял роль компилятора.

Так или иначе, все находили, что Абхазия и абхазы являются одними из интереснейших стран и народов в мире, как в физико-географическом, так и в этнографическом, историческом и археологическом отношениях, а потому различные ученые учреждения стали посылать в Абхазию своих представителей для изучения и обогащения своей специальности; так, напр., московское археологическое общество снарядило экспедицию во главе с председательницей О-ва граф. Уваровой. Мы не будем касаться собранных этой экспедицией археологических ценностей, но что касается характеристики абхаза, сделанной графиней Уваровой, то она неверна и до наивности смешна („Абхазия, Аджария и Шешетия“). Уварова тип абхаза изучает по тем нескольким всадникам, которые конвоировали во время путешествия ее графскую особу. Обычная корректность абхаза по отношению женского пола, умение держать себя с достоинством дали графине материал для общего вывода: глядя на своих всадников, так равнодушно глядящих куда-то вдаль, она умозаключила, что абхазы апатичный народ, что «они не так порывисты, как аджарцы». Подмеченная одна черта, и то в нескольких всадниках, уже достаточный материал для составления характеристики целой нации, и это делает председательница ученого Общества.

Быть может, черта эта и правильно подмечена графиней, но профессору Вагнеру это дало бы материал для глубоких размышлений. Он приводит следующий случай. Его компания встречается на поляне абхаза—пастуха, идущего с охоты; пастух был очень бедно одет, имел утомленный вид от долгой ходьбы по горам, на спине у него была свежая медвежья шкура. Поравнявшись с компанией, он, как все абхазы обычно, не снимая головного убора и не наклоняя головы, приподнял правую руку до груди, что означало: *честь*

и привет вам. Компания профессора остановила его, абхаз сбросил с плеч шкуру громадного медведя и (не смея сесть в присутствии почтенных иностранцев, а в особенности дам) стал, опершись на свое кремневое ружье. Когда компания громко стала выражать свой восторг, удивление, восхвалять храбрость охотника, то лицо его приняло полное равнодушие и он, как-бы, ушел от окружающей среды и стал смотреть равнодушно вдаль в горы. Профессору казалось, что гордая поза пастуха говорит о том, что ему нет дела до похвал, восторгов, он и так знает себе цену. Когда же попросили пастуха продать шкуру, предлагая золотой в пять рублей, то абхаз с полным достоинством ответил — „я не торговец, если вам нравится эта шкура, то берите“. Во всем этом проф. Вагнер усмотрел не равнодушие, апатичность в характере абхаза, а сложность, богатство, цельность натуры, объясняя научными данными: влиянием красот величественной гордой природы в выработке типа абхаза и пр.

Думая отметить в своих очерках только одну часть особенностей абхазов, мы не отрицаем, что Абхазия, находясь столетиями под влиянием римлян, византийцев, венецианцев и пр. народов, безусловно вобрала в себя культуры целого ряда веков, но нам все-же думается, что исключительная природа Абхазии, удивительное сочетание гор и долин, разнообразность климатических и растительных зон положили свой отпечаток в выработке известного эстетизма, известных этических норм жизни, освещенных вековой традицией, простоту и скромность в форме нелюбви к крикливому, громкому, внешне-красивому, предпочтения качества количеству, — способствовали выработке своеобразного типа населения, которое своим образом жизни, нравами, обычаями, занятиями, одеждою и вооружением из всех кавказских народов схож с черкесами, причем это сходство замечали и древние писатели; это-же сходство поражало в позднейшее время *Дюбуа-де-Монпери*, Лапинского и др.

Все это да плюс характерный агглютированный язык абхазов и черкесских племен дают повод причислить абхазов к *западно-горским племенам*.

Говоря о черкесах и их самобытной культуре, мы будем иметь в виду черкесов до завоевания, до расселения их меж-

ду казачьими станицами, т. к. под влиянием казаков внешние черкесы изменились до неузнаваемости.

Некоторые русские географы и бытописатели с легкого, непроверенного выражения лингвиста Услара о том, что абхазы и черкесы — два племени различные по языку и по устройству гражданского порядка, что «это две, так сказать, различные цивилизации», и нелепые, далее, сравнения этого лингвиста центра „неуклюжих плебеев“ с центром „изящных кабардинцев“ и всю эту гипотезу начали безотчетно повторять и выдавать за истину в своих сочинениях. Что абхасский язык разнится от черкесского — это так, но что касается устройства гражданского порядка, общности самобытной культуры, обычаев, то между ними не было абсолютно никакой разницы до разобщения их по религиозным мотивам и позднее русской властью, построившей еще при владетеле Абхазии гагринскую крепость.

Что касается „центров цивилизаций“, то абхазы, как побережные жители, сообщавшиеся со многими заморскими народами, безусловно являлись новаторами среди горцев, а в особенности зарубежной Кабарды.

Абхазы сами себя называют „Аџсуа“, что значит „люди души“ или «душевные люди». Страну свою Абхазию — „Аџсуа“ — «страна души» или „душевная страна“. Характерно и очень интересно, что абхазы, отмечая человеческие достоинства кого-либо, говорят — «раца аџсуара ілоуп», дословный перевод — «в нем много абхасского», но произносится в смысле — «как много в этом человеке человечности». Если же хотят упрекнуть кого-либо в безучастном отношении к чужому страданию, в неисполнении человеческого долга, в безнравственных поступках, то говорят: „аџсуара ухашьма“, дословный перевод: „абхасское забыл“, логический перевод: „неужели потерял (ты) человечность“. Если человек в нерешительности в выборе средств в своих действиях, то вопрошают — „уаџсууаи?“, пунктуальный перевод: „ты не абхазец?“, смысловой — „будь человеком“. Так что слово „аџсуа“ не только означает имя нации, но оно несколько нарицательно, абхазы придают этому слову большое значение и попусту его не произносят.

Абхасское племя, когда-то было очень многолюдно; к нему принадлежали: джигеты („Асазбуа“ — Сазуа) и убыхи, жив-

шие от Сочи до Гагр, „Ахчѣѣсаа“ — ахчипсовцы, жившие в верховьям Мзымты, «Иѣсбаа» — псховцы — по р. р. Бзыби, Псебу и «Мдоѣеіаа» мдовейцы по вер. р. Мзымты и Мцы. Все эти племена эмигрировали в Турцию.

Собственно абхазы, говорящие на одном наречии, территориально именовались так: «Самурзаѣаа» или «Мурзаѣаіуаа» — Самурзаканцы или Мурзаканцы — Восточная Абхазия до р. Ингура, «Абѣѣуаа» — от Кодора до Мурзакани, «Гумаа» по р. Гуме, «Абѣѣѣуаа» — нынешний Гудаутский уезд, «Гаграа» — Гагринский уезд, «Цабалаа» — Цебельдинцы, «Далаа» — Дальское ущелье.

Последние два и Гумские абхазы вынуждены были эмигрировать в Турцию.

Кроме абхазов, живущих в нынешнем Сухумском округе, на северном Кавказе по р. р. Зеленчукам и Кубани живут абхазы — «Аѣѣуаа», переименованные русскими под именем „абазинцев“ в количестве 40 тыс. человек, а также есть около Батума абхасское село с населением в 5 тысяч человек. Здесь нужно упомянуть, что многие авторы причисляют к абхасским племенам — «Лоаа» — ловцы, «Шахгиреаа» — Шахгиреевцы, «Заурумаа» — заурумовцы, «Цаѣѣмурса» — Джантемирцы и т. д., но это не соответствует точности, т. к. здесь перечисляются названия территории, занимаемая северокавказскими абхазами (абазинцами); все они одного племени с абхазами, переселились туда сравнительно недавно, начиная с 17 века, говорят по абхасски с некоторым черкесским акцентом.

Абхазский язык. Язык абхасского народа, как языки других горцев — черкесов, кабардинцев, чеченцев — представляет сплетение самых разнообразных звуков: шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих, плюс все звуки европейского алфавита и принадлежит к так называемым агглютированным, т. е. приставочным языкам.

Язык этот очень богат звуками, а потому неудивительно, что абхазы и черкесы, владея русским или другим иностранным языком, объясняются на нем без всякого акцента, что редко бывает с другими закавказскими народами.

Эту особенность, а также поразительную способность абхазов к изучению языков соседних народов отметил автор брошюры „Абхазия—не Грузия“. Действительно, нередкость встретить неграмотного абхаза, прекрасно владеющего тремя, четырьмя языками.

Вот почему нельзя обойти молчанием следующее: проф. Хаханов в своей ст.: «Древнейшие пределы расселения Грузии» говорит: «замечательно, где только мингрельский язык пришел в столкновение с другим языком грузинским или абхасским, — он легко ассимилировался с ним. Имея в виду такую гибкость мингрельского языка, понятно, что абхасский язык поглощал мингрельский». Такое утверждение Хаханова решительно расходится с истинным положением вещей с абхасским языком, а потому и думается нам, что почтеннейший автор (по профессорской рассеянности) оговорился; наверно хотел отметить правду: именно, «мингрельский язык», благодаря „гибкости“, поглощал абхасский, что и доказывает убедительными, вполне основательными фактами автор „Абхазия—не Грузия“; постепенный ход ассимиляции языка Восточной части Абхазии—Самурзакани, именно благодаря „гибкости мингрельского языка“ и способности абхазов к изучению чужого языка, в течение каких-нибудь двадцати—тридцати лет, привел к тому, что родной язык абхазский был поглощен мингрельским.

Абхазский язык настолько трудно поддается изучению не абхазцу, что говорить о поглощении этим языком другого, в частности мингрельского—это значит закрыть глаза и не видеть, как целая область Абхазии—Самурзакань—с населением в несколько десятков тысяч человек, в течение двух—трех десятков лет, забыла свой родной абхасский язык и стала говорить по—мингрельски.

Что же пишет дальше Хаханов? „Есть основание думать, что абхазы, жившие по ту сторону кавказского хребта, перевалили через Кавказские горы и оттеснили мингрельцев к югу“. Тут уж не может быть разговора о профессорской рассеянности. Все исторические данные о древнем расселении абхасского народа перед утверждениями профессора должны свестись на нет. Послушаем дальше, что говорит он. „Этнографическая разница между грузинами и абхазами

несомненна, но столь же верен *последней захват абхазской территории грузинских племен*".

Тут уж явное противоречие историческим фактам

Обидно, что народ абхазский и людям науки поперек горла стал, и они в интересах националистических бросают навет на абхазов, приписывая им то, что сами эти националисты практикуют, именно захват чужой территории, о чем мы и скажем в главах о колонизации и землеустройстве.

Интересно мнение К. Д. Мачавариани об абхазском языке. Он ознакомился вполне с духом и свойством абхазского языка, а потому мы подлинно приведем его верную характеристику языка. „Язык абхазский гибок и звучен: он одинаково передает не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы,—продолжает Мачавариани,—так и мелодии тихого дуновения ветерка, журчание ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке свое полное выражение“. По словам Мачавариани, в нем отражаются, точно в зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок, чем объясняется обилие идиотизмов, решительно непереводимых ни на какой другой язык, даже приблизительно.

«Послушайте, — говорит Мачавариани,—речь оратора абхаза, окруженного многочисленным, со всех сторон собравшимся, народом и решающего семейные, сословные и общественные дела по обычаю страны под густой тенью векового дуба, или под сенью роскошного чинара, укрывающего целую сотню людей. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла и строгой логики, несется неудержимо на крыльях богатого воображения. Несмотря на всю свою убедительность в ней слышится то очаровательная нега любви, то раскатистые громы раздражения. В бесконечных сравнениях, фигуральных образах и чудных аккордах—слышатся глубокие истинно-практически—годная житейская мудрость, завещанные предками и проверенные опытом собственной жизни: советы. Слушая даже обыкновенного оратор-

ра, — продолжает всесторонне характеризовать Мачавариани — или доморощенного народного поэта, беспощадного сатирика или восторженного панегириста, не знаешь чему удивляться, — способности ли его логически выводить одну мысль из другой, или уметь группировать и связывать в одну речь разнообразные по силе слова и выражения? „Часто одно слово, один звук этого языка соответствует 5—6 словам другого языка», — говорит Мачавариани. Есть такие слова и целые выражения, которые употребляются только женщинами, в большинстве случаев для того, чтобы поделиться друг с дружкой своими очаровательными тайнами. Сколько поэзии и музыки в речах абхазской женщины, когда она касается страстной любви. Сколько убедительных и красноречивых доводов в устах абхазки, когда она защищает перед судьями семейные свои интересы, — заканчивает Мачавариани и говорит, что абхазы без различия пола, возраста и образования, говорят одинаково красноречиво на своем языке. Но нам думается, что это не совсем так, в особенности, что касается образованных абхазов, ознакомившихся с духом другого языка, который разнится от абхазского; эти последние в красноречии безусловно уступают неграмотным старикам. Многогранность, разновидность оттенков, как сама природа страны, абхазского языка настолько разнообразна, что образованным абхазам, на съездах, конференциях в Сухуме очень затруднительным бывает перевод на русский язык речей настоящих ораторов — стариков.

Речь оратора из народа вся пестрит афоризмами, моральными сентенциями, поговорками, пословицами и удивительными сравнениями, так что положительно теряется переводчик, которому для того, чтобы дать смысловой перевод 20 минутной речи старика — абхаза, нужен часовой перерыв на обдумывание перевода. Надобно было слышать в 1918 г., в разгар меньшевистского владычества, дискуссию с одной стороны видных ораторов соц-дем. Грузии, а с другой — простых крестьян — абхазов, *Гедлачи*, *Кобзачи* и пр. ораторов народной совести, правды и гнева в защите национальных прав, прав самостоятельности, в освещении традиционной любви к свободе, в указании заведомого безумия со стороны одной нации, только что освобожденной из под ига, загнать под это же иго другую маленькую нацию. Надобно было видеть

позитуру крестьянина-абхаза, возражающего и защищающего высшие идеалы своего человеческого права. Он слегка опирается на рукоятку кинжала (обычное явление) или небрежно складывает руки на палку, подставляет палку к левому или правому плечу, корпус свой несколько клонит к земле, сам смотрит то на землю, то на оппонента, то на народ, то вдаль—в леса и горы; его равнодушное лицо и вся эта небрежная, не ораторская поза, как бы, говорит—*мне-ли, отпрыску тех сильных мужей, тех свидетелей седой старины, тех защитников народной воли от венецианской ловкости, турецкой грубости, арабской мудрости, римского красноречия, византийского философия—говорить с вами, шрающими в империализм, мечтающими о подчинении „под ножи“ соседней нации, а потому мне-ли слушать ваше языкоблудие о равенстве, о священных правах каждой нации, о святости его культуры, языка, территории* И лилась из уст этого выразителя народной идеологии сильная, стройная, красивая струя красноречия,—такая очаровательная, нескончаемая, несравненная в настойчивости, как горная кристальная речка, разрушающая утесы—преградителей дороги к широкому морю, к ясному солнцу. Горная струя страшной занозой входит в расщелины камня и отламывает его неуклюжие бока; оратор—старик мудрым абхским изречением, вроде—„мозги, выдумавшие порабощение одной нации другой, должны быть выкинуты из головы“, или «рот, произнесший эту скверную мысль,—нужно всполоснуть“, или „только рабская душа, освобожденная из под гнета, сама гнетет“ и пр. пр. выражениями—поражает таких «апостолов» красноречия, как Исидор Рамишвили и присные его.

Что касается сравнений, то они построены бывают очень логично, очень содержательны и имеют глубокий смысл, но для перевода весьма затруднительны. Для примера возьмем одно сравнение, когда видный меньшевистский оратор, говоря об опасности „русской анархии“, произнес: „абхазы и грузины—это два шатающиеся народа, которые, чтобы не упасть, должны друг друга поддерживать“... Это было во времена мазневщины, во время поджогов и ограблений абхазских сел. Ораторы-старики, помня возвышенные слова меньшевиков и результаты их владычества, привели сравнения: «соловей сел на ветку и приготовился к пению на тысячи

ладов, но ястреб стрелой пролетел, и он (соловей) не мог спеть ни одной песни»; конечно, под соловьем подразумевали старики златоустых меньшевиков, а под ястребом — заставивших их онеметь — большевиков.

Или другой оратор: „когда человек переходит речку по камням, то он боится намочить кончики пальцев ноги, но когда споткнется, то вынужден бывает идти по колено в воде“. Смысл метафоры здесь заключался в том, что меньшевики, осторожные в выборе средств, в абхасском вопросе, сбитые с толку опасностью мнимого восстания абхазов, считают нормальным сожжение деревень, аресты, высылки и прочие прелести.

Замечательно то, что ораторы эти сравнения фабрикуют очень скоро, на всякую злобу дня.

Религия. Говоря о религии абхазов, о *свободе их совести*, нельзя без возмущения, без содрагания сердца вспомнить все те ужасы, какие перенес этот „виновный“ народ от правительственного насаждения здесь *государственной религии*. Мы называем ее государственной, а не христианской, т. к. все насильственные способы духовных, военных и гражданских властей в деле насаждения в Абхазии православия явно противоречили тому, чему учил Величайший гуманист — Иисус Христос. Здесь все велось к тому, чтобы отучить население от истинного христианства, обратить его в язычество. Но к чести абхазского народа — он остался при праведной своей вере; не позволив насильникам отнять его *свободу совести*, он дождался тех счастливых дней, когда правильное понимание учения Великих учителей религии судят не по внешним обрядам, не по аттестации правительственных вероучителей, а по нравственному культу народа, — по богатству этических начал его души. Прежде чем рассказать, какова нынешняя свободная религия абхазов, мы скажем, как народ этот был стеснен в свободе своей совести при царской власти.

Абхазы, занимая очаровательную землю с ее бесподобно — величественными красотами, как факторами выработки возвышенных, эстетических начал жизни, имея вековое влияние разных, как первобытных, так и исторических народов, вкусив истинное учение христианства от первоисточников

его распространения—учеников Христа, а также первых христиан, будучи знакомы с учением другого великого вероучителя Востока—Магомета,—вобрали в себя все лучшее, что было в этих учениях, плюс влияние окружающей волшебной природы и, таким образом, создали себе тип религии, в свое время одинаково порицаемой, как фанатиками-муллами, так и православными священниками, а потому этот народ вечно был на подозрении, в переделке духовными лицами двух этих учений.

Православные священники екупе с военными и гражданскими властями нашли наилучшим способом обращения абхазов в свое учение—насильственное крещение. Для достижения этого варварского способа насаждения великого учения Христа, государственная власть стала назначать премии священникам, именно: за известное количество крещеных абхазов—священник получал серебряную медаль, которая давала право, кажется, на семь десятин земельной награды; помимо этого каждый священник Абхазии получал в собственность надел в 30 десятин, а то и больше.

Кроме всего этого правительство давало возможность обзавестись священникам домашними животными, вовсе не беспокоясь за судьбу их, т. к. по закону абхазы обязаны были заплатить стоимость пропавшей скотины священнику. Известно, что такие священники, ставленники властей, были не в почете у населения, а потому и не могло быть речи о вознаграждении их средствами населения, и здесь власти были озабочены судьбой духовников: им, как всем чиновникам, ежемесячно выплачивалось жалованье.

Уважаемый автор, один из честнейших бытописателей абхазов—К. Д. Мачавариани, сын известного миссионера Абхазии—протоиерея Д. Мачавариани—пишет: «с назначением генерала Геймана в качестве начальника сухумского округа началось в Абхазии обращение туземцев в православие»; далее уважаемый автор „сожалеет“, что „после Геймана наша администрация и духовная власть стали либеральнее“... Что же делали генерал Гейман и сухумский епископ? Они снаряжают экспедицию, состоящую из казачьего отряда, священников и гражданских чинов в абхазские села. Там казачья цепь окружала абхазов, и начиналось насильственное кре-

шение, причем с обеих сторон предварительно пускалось в ход оружие; вновь обращенные в православные через час с проклятиями по адресу в астей духовных и военных бежали к реке обмывать святое миро. Такая «крещенская» экспедиция в особенности отличалась в селах Джгерда и Чилоу.

Все крещенные таким образом с этих пор считались христианами, а потому запрещено было абхазке-христианке выходить замуж за абхаза-мусульманина и наоборот; так как такие браки бывали, то по доносам священников начальство присылало конную стражу, которая и разводила супругов, -- предварительно предложив одной, нехристианской, стороне принять христианство.

Ужасы такого религиозного гонения касались всех сторон жизни абхазов, например: некрещенного мальчика нельзя было определить в учебное заведение без метрики о рождении и крещении. Вот почему Ново-Афонский монастырь, ведя бюллетень вновь обращенных абхазов в православие, имеет такую запись от 13/IX—26/IX 1880 г. «мальчик из абхазов Казил-бек Лакегбай окрещен из мусульманства в православную веру с наименованием Роман», или „мальчик из Абхазии Таши, мусульманин, принял святое крещение.“

Причем родители, обращая детей в православие, сами, сплошь и рядом, оставаясь мусульманами, делали это с целью определить детей в Сухумскую горскую школу.

В той же Ново-Афонской регистрации значится: «Миссионерскими трудами епископа Геннадия и его сподвижников в 1888 г., по благодати Божией, с 18 по 29 июня 1918 абхазов были присоединены к православию». Конечно, это было в период экзекуционных способов насаждения христианства, когда «по благодати» ген. Геймана и епископа Геннадия казачья кавалерия присоединяла к православию мусульман абхазов.

Если мусульманина абхаза хоронили без обрядов христианских, то его власти откапывали и требовали совершить новые похороны с участием православного священника. За регулярное непосещение церкви абхазы по доносу священника приводились в церковь военной силой. Здесь уместно упомянуть о той анекдотической очереди посещения церкви,

которая устанавливалась по соглашению со священниками между горцами, чтобы церковь не пустела.

Такое гонение на религию сильно роняло христианскую веру, даже среди тех абхазов, которые вели христианскую линию испокон веков. Насколько власти были циничны в выборе средств для обращения абхазов в христианство, это видно из следующего чудовищного факта, который мы приводим со слов честного по верности передачи фактов из жизни кавказских народов, в частности абхазов, автора книги «Руководство к познанию Кавказа». Он пишет (1847 г.): «Правительство одобряет объединение абхазов с солдатами и гарнизона», т. е. с теми, которые стояли лагерем для подавления бесконечных восстаний абхазов. Автор продолжает: «если бы к тому присоединить награду и дать русским более свободы в занятиях, то нет сомнения, что гарнизон, переженясь на Абхазинках, был бы началом поселения и христианства; внимательный надзор за выбором невест с душевными качествами, должны быть попечением начальства, как и дальнейшее смотрение за христианской их нравственностью. Абхазия того стоит. Эта страна есть одна из самых лучших стран в мире по приморью и другим удобствам».

Вот человеческий документ! Комментарии здесь излишни. „Способ насаждения христианства и дальнейший надзор за христианской нравственностью“, наконец „выбор абхазинок“ - невест—все это дело начальства.

Вот какое культурное влияние несло русское владычество, со дня утверждения в Абхазии; вот одна из причин „виновности“ населения. Конечно, мы думаем, что начальству не удалось ни одной „абхазинки“ выдать за солдата, но такие сумасбродные эксперименты бывали и они вызывали бунты; абхазы вынуждались вырезывать начальников и неповинных „женихов“.

Автор сам свидетельствует об этом так: „до 1824 г. абхазы любили русских, братовались с ними и жили дружно, теперь держат, так сказать, камень за пазухой; кажется тому причиной бунт, в который их много погибло в сшибках с русскими. Теперь sloкойствие поддерживается военной силой“.

Все эти варварские меры утверждения христианства в Абхазии окончательно сроднили мусульман-абхазов с христианами и они выступали совместно в борьбе с диким насилием.

Проповедники мусульманства среди абхазов по нравственным своим качествам и способам насаждения своего учения стоили своих противников... протестантских миссионеров.

Муллы в Абхазии—это образец тупейшего, глупейшего бессмысленного существа. Это невежественные фанатики, зазубрившие коран, но не понимающие его сущности*). Вся проповедь их сводилась к тому, что путем нашептываний, писаний разных бумажек они лечили «правоверных» от разных болезней; изгоняли «шайтанов», которыми одержимы, кажется, сами они, потерявшие всякий человеческий облик, произнося в фанатическом иступлении им самим непонятные слова. К чести мусульман—абхазов, они всегда относились отрицательно к призыву этих проходимцев Анатолии, к их человеконенавистничеству, к их ненависти к «гяурам»—христианам, к их фанатическому обособлению от людей иных религий. Эти проповедники религии „правоверных“ не имели абсолютно никакого влияния на религиозное умозрение абхаз—мусульман. Абхазы, как христиане, так и мусульмане, с улыбкой относились к призыву мулл и священников к разобщению между ними, к запрету брачного сожителства, к исполнению общих религиозных праздников и пр.

Что же представляет религия Абхазов?

Если послушать отчеты духовенства, описания разных бытописателей, то абхазы—не то христиане, не то мусульмане, не то язычники, а в общем все они находили у абхазов полный *индиферентизм к религии*. Каждый сознательный абхаз может утверждать, что у его народа, действительно, создался полный индиферентизм—равнодушие к тем учениям и обрядам, к которым их призывали «православные» священники и «правоверные» муллы. Но Абхазы не язычники; они исповедуют правильную веру, вовсе не чуждую ни истинному учению Христа, ни нравственной стороне учения Магомета, ни учению Будды и других великих основателей религии.

*) Читают его наизусть, не понимая ни одного стиха; делают они это потому, что так их учили в духовной школе, где в течение 20—25 лет они бессмысленно зазубривали корани, овладев процессом чтения, получили право учить других.

Абхаз верует в единого Бога. Указание многих бытописателей и, в частности, покойного Н. Джанашия, на бесчисленное количество богов, в которых, якобы, верует абхаз, полнейшей абсурд. Как у абхазов, так и у русских, итальянцев, французов и других народов в древней мифологии есть упоминание о домовых, о русалках, о разных духах лесов, гор и т. д. и т. д., но это не дает повода утверждать, что русские или швейцарцы веруют в бога лесов, богиню вод и пр., а между тем словоохотливые писатели в религиозных верованиях абхазов насчитали такое множество богов, что в одной книжке Н. Джанашия—«Абхасский культ и быт»—богов разных наименований, кажется, больше, чем всех абхазов. Хотя бы взять такую нелепость, как бога „занозы“, „желудочных заболеваний“, „коклюша“, как меление „духу хлопка“, „шелковичных червей“, „духу льна“ и пр. пр.

У абхазов, как у русских и др. народов, в дни масленицы трехдневный праздник. В эти дни, вместо блинов, абхазы едят особый „амгял“. Покойный Джанашия к этим дням наградил абхазов еще тремя новыми богами: „џабрал“, „џабрал“ и какой-то третий. Тогда почему, по терминологии Н. Джанашия, не сказать, что у едящих блины—есть бог блинов? Разве легенда об Илье Пророке дает повод дать русским бога молнии и грома, а между тем абхазам дали „афг“.

Абхазов упрекают в том, что они не так часто ходят в церковь. Это правда. Церковь в абхасских селах открывается на первый день Пасхи и, кажется, Рождества, а в остальные дни абхаз находит, что нет большой надобности посещать ее. Что касается Пасхи, то абхазы и абхазки, как очень общественный народ, пользуются этим днем и все едут верхами в церковь, причем по окончании службы, они поздравляют друг друга так: «*џаанџ-бзџіала*», т. е. *и в будущем году по хорошему встретиться!* А потом стреляют из револьверов и винтовок, джигитуют, танцуют и расходятся. Бывая в году раз или два в церкви, абхаз редко слушает до конца службу, обыкновенно во время службы выходит за церковь и начинает вести здесь разговор на общественные темы или рассказывает новости. Его живой натуре непонятен смысл стояния в церкви подряд несколько часов и в течение этого

времени в нескончаемых молитвах обращение к Богу. В церкви он шепотом произносит свою импровизированную молитву и уходит. Крестное знамение абхаз-христианин творит только в церкви и иногда дома, в воскресный день, когда зажигает самодельную восковую свечу и больше никогда. Когда же ложится спать, произносит молитву.

Обрядов христианских у абхазов почти нет. Бракосочетание также редко исполняется. Бывают случаи, что у супругов есть уже дети, которых нужно отдать в школу; только вот здесь и начинаются хлопоты: требуется метрика, а для этого нужно детей окрестить, а чтобы крестить, нужно самому с женой перевенчаться. Все это делается из-за детей, но неохотно.

К. Д. Мачавариани, отмечая склонность абхазов к гражданскому браку, их непризнание ни христианских, ни магическим обрядов, говорит: „если священник, обращаясь к супругам, жившим несколько лет счастливо и мирно, предлагал им укрепить их союз христианским таинством бракосочетания, то отвечали: „Отец, жили же мы двадцать лет хорошо. Чего нам венчаться?“

Тот же Мачавариани, возмущенный тем, что на заседании, устроенном епископом Андреем, епарх. наблюдатель С. Алферов назвал абхазов и самурзаканцев язычниками, говоря, что никто из них не ходит в церковь, ни у кого нет образа в своем доме и т. д., так возражает и характеризует религиозность абхазов: „Правда, мы ходим в церковь, носим на груди кресты, имеем в домах образа, но можем ли мы называться истинными христианами? Нет и тысяча раз нет“. Далее он говорит о преступлениях, убийствах, грабежах, поджогах, насилиях, „пренебрежении вдов, сирот и неимущих“ и во всех этих делах обвиняет «мнимых христиан, носящих кресты на своей груди». «Абхазы», — продолжает он, — „в этом отношении гораздо религиознее и нравственнее, чем мы. Все эти выше перечисленные преступления в Абхазии совершаются редко. Нет у них жадности к обогащению на счет ближних и к оставлению их без куска хлеба. Все они выдаются широким гостеприимством, природной вежливостью, сочувствием всякой беде, всякому горю, поддержкой неимущих, страждущих и многими высокими качествами. У абхазов — продолжа-

ет Мачавариани,—нет креста на груди, но они никогда не решатся убить человека и произвести над ним издевательство. У абхаза нет образа у себя дома, но он никогда не решится идти на доносы, шпионства и на разные экспроприации. Абхазы не признают бродяжничества и не идеализируют утонченный разврат и разного рода преступления, а мы, считая себя православными и не стыдясь перекреститься, идя мимо церкви, строим разные козни, топим друг друга, идеализируем всякие безнравственности и гордимся ими. Нет, абхазы не так о вы“—заканчивает Мачавариани.

Мы привели и особенно ценим мнение К. Д. Мачавариани, потому что он, как старожил Абхазии, сын главного миссионера всей Абхазии, хорошо знает все мытарства, все этапы страданий этого народа.

В день Пасхи у абхазов также принято поздравлять и бывать друг у друга. Этот день отмечается приготовлением лучших кушаний, причем мусульмане—абхазы, вполне солидарные с христианами, ходят к ним в гости и поздравляют, сами также выделяют этот день приготовлением хороших вкусных блюд. В день Байрама—большого мусульманского праздника,—единственного дня, чтимого мусульманами-абхазами, мусульмане и мусульманки собираются на большой поляне, к ним присоединяются христиане-абхазы; вместе веселятся, принимают участие в скачках и джигитовках; режут баранов и быков, заливая пиршество этого большого дня вином,—одинаково распиваемым, как христианами, так и мусульманами. Похороны, поминки, обряд оплакивания, свадьба—выполняются мусульманами и христианами одинаково. Но самая главная суть всех религиозных отправлений абхазов—это моление, которое совершается в год раз каждой фамилией. В этот день семья, которая совершает обряд, выбирает или уже навсегда имеет в виду лучшее красивое место в лесу. В этот исключительный молитвенный день для данной семьи, она приглашает всех соседей, главным образом детей. К этому дню в течение года откармливают лучшего барана. Молитву в этот день совершает молельщик—честнейший старец села. Когда все собрались, старик произносит импровизированную молитву;—обращение к Высшему. Молитва эта должна угодить всем, она имеет содержание

нравственного характера; в ней указывается отношение человека к человеку, данной семьи к обществу. Указав все эти моральные стороны обязанности данной семьи, молещик просит Всевышнего послать здоровье и разум данной семье для выполнения всех обязанностей праведных людей, а также не поставить ей в вину то, что она по непониманию творит; все присутствующие повторяют «аминь». Этот обряд совершают одинаково, как христиане, так и мусульмане.

Другой важный религиозный день—это *общественная молитва* после полевых работ во время засухи. В условленный день вся община без различия пола и возраста собирается в лучшем красивом месте села, большею частью, на поляне, окаймленной густолиственной растительностью и около которой протекает река. Все в этот день наряжены по праздничному. Честнейший старик села в этот важный молитвенный день произносит также импровизированную молитву Богу, указывая в своем обращении к Вышнему на то, что дети, женщины и мужчины, выполнив обязанности честных труженников, засеяв поля и огороды, с трепетом ждут результатов своих трудов, а для этого с «чистыми сердцами» молят Бога послать дождь. Молитва эта обязательна, как для христиан, так и для мусульман.

В этих двух указанных религиозных отправлениях абхазов, священник иногда приглашается, как член общества, но не как священнослужитель, который должен совершить эту слишком важную молитву.

Прежде чем закончить краткое описание религии абхазов, мы должны еще раз рассеять ни на чем не основанное утверждение многих собирателей сведений из жизни абхазов о том, что у последних много богов.

Покойный Н. Джанашия, «получив предложение»,—как он пишет, «от Н. Я. Марра пересмотреть и перевести на русский язык заметки—материалы по этнографии абхазов, печатавшиеся в грузинских изданиях», поусердствовал в смысле придачи своему материалу массы небылиц. В оттиске журнала «Христианский Восток» в статье Н. Джанашия „Религиозныя верования абхазов“ имеется такое странное указание: „все стихии и явления природы абхазы представляют

себе, как разумные существа. Каждое из этих разумных существ имеет своего бога, которому православный абхаз по мере сил и разумения честно служит». Интересно, как противоречит Н. Джанашия сам себе. В той же статье он пишет: «Христианство, видя, что не так легко искоренить из сознания большинства населения тысячелетиями сложившиеся религиозные верования и обряды, повидимому, старалось их переварить, облекши их в свои покровы и приурочив к христианским праздникам и святым, создав таким образом обычный годичный обиход их».

Поэтому выходит, что христианство или признает многобожество абхазов, „стараясь их переварить“, или, не видя в верованиях абхазов ничего абсолютно, что противоречило бы истинному учению Христа, «облекло их в свои покровы». Безусловно, надо согласиться с последним. Это все говорит за то, что бытописатели Абхазии пишут не только о том, что есть, но и о том, чего нет.

Культура абхазов. Красота и разнообразие природы, прекрасное море и чудный климат—все это способствует развитию лучших сторон души народа.

Географическое положение обуславливает природу страны, влияет на ее историю и налагает глубокий отпечаток на культуру населения. Очевидно, величие природы страны еще за пределами истории выработало в народе любовь к прекрасной стране и бойца за самобытность.

В эпоху-же «всемирных сношений» характер героического эпоса абхазов изменяется в смысле уступки мирной идиллии. Причиной тому главным образом народы Эллады, которые с первого выступления своего на арену всемирной истории, проявили удивительный контраст с другими народами, именно любовью к новизне и стремлением к прогрессу. Цветущие города Эллады непрерывно отправляют в далекую, неизвестную Абхазию свободных граждан, чтобы основать новые колонии. И вот в этот период вся страна покрывается храмами, величественными общественными постройками.

Уместно кстати здесь упомянуть, что известный на Востоке ученый, европейски-образованный историк, черкес Исуф Иззет-паша в своих многотомных сочинениях на француз-

ском и турецком языках доказывает, что народы Греции одного племени с черкесами и абхазами.

Характерно, что понятие о нравственности у абхазов создано и живет свободно без всякого отношения к религии; она отражается на обычаях, семейных и гражданских отношениях народа.

Одна из лучших культурных черт абхазской общественности—это обычай взаимопомощи и взаимоподдержки. Черта общественности у абхазов сильно развита. Во всех вступительных речах ораторы из народа свое слово, большею частью, начинают «Ао ѿ vi ао ѿ vi еідрѵоіт» («человек человека поддерживает»). Все личные свои мнения и желания абхаз всегда ставит ниже мнения народа. Слово „азӟла,“ (народ), что у греков „демос“,—символ величия, правды и силы. Очень обычны выражения: «Азӟлар рѵлѵѵѵа уоуааіт» («Да милует тебя народ»), или „Азӟлар рѵлаӟ уоуааіт“ („Да будешь ты в немилоści народа»).

Разного рода взаимопомощь, добротные союзы проводятся в жизнь без всяких принудительных уставов. Хотя бы упомянуть о похоронной взаимопомощи „аіѵѵѵхра“ или „аѵѵѵсаѵаѵѵ“—(„долг душе»). Каждый порядочный абхаз, до которого был послан «аіѵѵаіѵаѵѵ» („горевестник“), идя на похороны, должен захватить деньгами или материей столько, сколько его совесть подскажет. При чем во время похорон—рытье могилы, приготовление гроба, шитье погребального одеяния, уход за пашней, скотиной умершего и пр. пр. всецело принимают на себя жители той общины, к которой принадлежит покойник; помимо этого соседи и дальние родственники поочереды дежурят в доме покойника, даже после похорон, пока острота утраты не пройдет у ближайших к покойнику родственников. Во время тяжелой болезни кого либо, в особенности во время эпидемических заболеваний—жители того села обязаны носить кушанье, как больному, так и ухаживающим за ним; это продолжается и после смерти больного, пока родственники «придут в себя» и сами в состоянии будут приняться за работу.

У абхазов есть добровольная организация „кѵіараз“, которая состоит в том, что жители общины собираются вместе и отправляются на полевые работы, сперва на земли вдов, сирот, потом одиноких и т. д.

Этот человеческий долг, в особенности во время болезни и смерти, настолько обычен в жизни абхазов, что он сделался обязательным. Пострадавший издает обычный здесь сигнал «абхара», характерный визгливый, тревожный крик, по которому обязаны явиться все, услышавшие о постигшем горе (смерть, пожар, нападение зверя, разбойников и т. д.)

Этот разумный обычай подметил еще в 40-х годах автор книги «К познанию Кавказа», проживая в глубине Абхазии (сел. Кутол). Об этом он пишет так: „Заметим, что горец (абхаз) всегда чтит храбрую решительность, любит защищать обиженных и часто, защищая их, гибнет с семейством. Скажите только ему, что тот обижен, у того убили родного или разграбили его имущество, и он без думы о собственной жизни, гибели, о сани, силе его врага бросается на помощь, принимает за него смерть с фаталистической любовью друга; если же он убит и остался в руках врагов, он бросается в их толпы, вырывает его или покрывает своим телом или уносит в свой дом; такие примеры бывают ежедневно. Все удивляются тому, как по одному визгливому крику, не только выстрелу, они собираются вдруг, в одном месте, в сотнях и тысячах, тогда как они живут далеко друг от друга в разбросанных саклях. Это сигнал истинного братства, сигнал общей смерти: слыша его, они забывают жену, детей, имущество, жизнь и с беззаботностью серны, пробегая крутые скалы, бездны, леса, реки, стремятся на смерть“.

Характерная и отличительная особенность абхазов — это свойственная им черта — *поддерживать обиженного слабого*: они никогда не рукоплещут победе властного, сильного над слабым — беззащитным, а потому абхаз считает за измену своей культурной традиции, если, увидев двух ссорящихся или дерущихся с оружием в руках, какой бы они нации ни принадлежали, не бросится разнимать их; причем бывали случаи, что иногда сам он получал поранение.

Это человеколюбие абхазы проявляют и в том случае, когда видят тонущего. Во время половодья абхасская молодежь добровольно идет к рекам, чтобы в случае опасности помочь погибающему.

Эта прекрасная культурная черта свойственна также и черкесам; последние проявляют ее к казакам, с которыми

они вечно не в ладах. Однако это не дает права горцу безучастным зрителем во время гибели человека, хотя бы и недруга. Не один десяток казаков, при условиях опасных для спасающего, был спасен на Лабе, Кубани, Урупе. Эту же черту среди абхазов подметил еще автор «Руководства к познанию Кавказа», когда, по его словам, в переправах войск в 1834, 35 и 37 г.г. «бывали примеры, что волны, вырывая целые ряды солдат или отделения взводов, ударяя о неравные камни, мчали с собою в море, и тогда здешние жители— абхазы, забывая о гибели, бросались в страшные водовороты и вырывали их жертвы; от того погибающих было один или два человека. Такие абхазы, разделяясь по островам, на берегу и вблизи главных водоворотов перегоняли на лошадях друг друга в волнах, кидаясь в бездны с отважностью». Далее автор пишет о проявлении детьми этой же черты: «При переправе через грозные, быстрые волны Кодора и особенно Бзыби, дети их (абхазов) охотно вызывались на переправу вплавь лошадей, и, голые, бросаясь верхами в глубину волн, визжа над ухом лошадей подобно зверю, пронеслись большое пространство к морю, между несущимися ужасными корчами,—один удар их, и они, кажется, уже жертвы смерти; зрители, соболезнуя, трепетали от страха, но нет, ребяташки вырывались из опасности победителями и, становясь твердо на другом берегу, глядели с удовольствием на окружающих, и вслед затем, не чувствуя холода и усталости, принимались за прежнее дело, а отцы любовались детками».

Великоотрадным явлением в жизни абхазов считается то, что среди них нет нищих: если хоть один абхаз объявится нищим, чего до сих пор не было, то позор падает в первую очередь на его однофамильцев, потом на общину, откуда он, и, наконец, на всю нацию; так что это *единственная нация в мире, которая не дает нищих*. Всех вдов, сирот и неимущих абхазы освобождают от налогов и других повинностей. Если человека постигло горе: пожар, падеж скота, неурожай, то каждый абхаз должен поспешить оказать посильную помощь. Такая помощь оказывается и в том случае, если бедная девушка выходит замуж и ей некому приготовить приданое; тогда все родственники и однофамильцы в складчину готовят все, что нужно в семье женщине. Характерно то, что этот обычай рас-

пространяется и на состоятельных девиц, — ближайшими дальние родственники которой также обеспечивают ее. Взаимопомощь настолько распространена и многогранна, что если у ахаза нет хорошего кинжала, новой черкески, бурки, седла, или у абхазки нет юбки для выхода, головного платка и т. д. то он или она без всякого стеснения просит любого соседа или соседку одолжить на время эти вещи, причем никто из них не проявляет брезгливости к ношению чужих костюмов, которые содержатся в абсолютной чистоте и в таком же виде возвращаются. Подобный обычай одолжения и помощи распространяется и в том случае, если к абхазу пришли гости и у него в тот момент нет сыра, муки, вина и т. д., или нехватает постельной принадлежности: одеял, простынь. Абхаз смело идет к соседям и все это получает, при чем тут не может быть речи о возвращении или уплате стоимости всего того, что относится к хлебу-соли, а потому нет ни одного абхаза, который не мог бы принять гостей, сколько бы их ни было.

Говорить много о гостеприимстве абхазов не приходится, т. к. этот священный обычай слишком всем хорошо известен, об этом много писалось; но характерно то, что русская пословица — «гость хозяину не указка» здесь не имеет места и ей соответствует другое изречение «Асас иуа дауи-вуи» («гость волен в этом доме»). Гость все для абхаза, он и живет, кажется, только для гостей. Как гость, так и хозяин знают цену этому высокому обычаю. Хлеб-соль это нечто даже религиозное. „Ачеи-йвквей адугьха оуааит“ „да милует и поможет тебе (твоя) хлебосольность“, или „Ачеи-йвквей узумгааит“ („да будет проклятым, тяжким бременем для тебя хлеб-соль“). Это последнее проклятие произносится в том случае, если человек совершил проступок, противный хлебосольству.

Хлебосольство абхазов одинаково распространяется по отношению ко всем гостям, к какой бы нации они ни принадлежали. Кто бы ни был гость, его всегда встречают ласково, с необыкновенным вниманием. Когда он приближается к дому, все выбегают навстречу. Хозяин не считает для себя унизительным держать стремя гостя в то время, когда он садится на коня или слезает, хотя-бы гость был самый по-

следний бедняк. Хозяин не смеет сесть раньше гостя, без приглашения. Хозяин также не смеет спросить у гостя его фамилию, пока он сам не скажет.

Есть у абхазов и такой поразительно разумный обычай: около проезжих дорог они строят между деревьями скамейки «аҭара», там же вырывают колодезь, чтоб путник утолил свою жажду, для чего оставляют ведро или кружку; помимо этого строят особые постройки на случай дождя—«аба-да»; там на столике ставят кушанья, чтобы проезжий утолил свой голод. Этот же обычай свято соблюдался черкесами до завоевания их русскими, после чего они вынуждены были постепенно бросить этот обычай: охотников сорвать ведро, кружку или унести посуду много стало... К великому сожалению, и в Абхазии в последние 15—20 лет, когда разноплеменность увеличилась и люди иных национальностей, не понимая смысла этого священного обычая, стали портить постройки, уносить посуду и т. д., обычай этот также бросается, как и у черкесов. Между тем абхазы и черкесы считают за величайшее преступление взять что либо, кроме приготовленного кушанья, ибо они знают, что все это делается в честь дорогой памяти кого-либо из умерших. Однако, обычай этот существует и по настоящее время в Абхазии, но в другом роде. В дни нашей жизни, в дни заметного упадка общественной нравственности, в дни упадка чувства долга человека пред человеком, невольно пришлось удивиться, поразиться и умилиться, когда пришлось нам самим увидеть в это лето и узнать, что обычай, о котором мы будем говорить ниже, до сих пор свято выполняется абхазами—пастухами в нагорной полосе. Известно, что при бездорожьях в горной части Абхазии часто быки, коровы, овцы и козы срываются с высот и, получив перелом костей, не в состоянии дальше подниматься; тогда пастухи их режут, нужное количество мяса себе варят, а остальное, аккуратно приготовив, вешают на видном месте, чтобы проходящий путник срезал также и себе нужное количество и утолил свой голод. А голодать здесь очень часто приходится, т. к. 3-х, 4-х дневная дорога проходит по безлюдным горным тропам. Лично нам пришлось воспользоваться этим поразительно-разумным обычаем. К сожалению, и этот обычай поруган, и он скоро будет брошен, т. к. многие, не оценивающие всей

прелести этого абхасского обычая, предварительно возмывшись мясом для еды, остаток снимают и бросают своим собакам, подчеркивая этим свое презрение к „глупым“ обычаям абхазов. Смертельно больно было слышать жалобы на это пастухов—абхазов.

У абхазов очень много интересных и разумных песнопений и игр. Спорту в Абхазии уделяют очень видную роль. Из спортивных игр упомянем хотя бы: прыжок с шестом—«Айргггала ахццара», метание тяжести (камня)—«Ах-бурццара», прыжок в длину—«Кусс-ца» и т. п. Но во главе всех sports стоят все те разнохарактерные игры, которые они проделывают на лошади, в первую голову—лошадиные скачки «Аччара». Это удовольствие чрезвычайно любимо в Абхазии всем населением. Лошадь, опередившая других, получает приз. Прежде чем появиться на скачки, она стоит многих хлопот в период так называемых подготовлений «Аччара». Подготовлением занимаются не все, а те, которые обладают исключительным дарованием в этом важном для абхазов деле.

На легких, горячих коней сажают детей от 8—10 лет. Страшно бывает смотреть, когда такой малыш, еле заметный от земли, сидит на несущемся молнией скакуне, который развивает такую быстроту, что буквально ноги отделяются от земли, и летит, подбадриваемый дерзким, пронзительным гиканьем ребенка—жокея. Скакуны-лошади перед началом скачек настраиваются песней, распеваемой в честь их—«Азар». Услышав этот гимн, кони начинают водить ушами, горячиться. День этот тревожный и нервный также для хозяина лошади и жокея—мальчика.

В этот день абхаз ставит на карту все. Когда стоят верха и вооруженные, то малейшее оскорбление скакуна: задержка его—вызывает вооруженный отпор. Вообще, абхаз дорожит больше всего честью своей лошади и за малейшее оскорбление ее платит мгновенно или кинжалом или плетью. Такое заступничество абхазов за своих лошадей проявляется и тогда, когда лошадь, хотя-бы и не скакун, но в оседланном виде. Нанесенный посторонним удар плетью лошади хозяин принимает на свой счет и мгновенно берется за револьвер или кинжал.

Помимо скачек любимый спорт — это *бой лошадей* на *баш* „Ачҭҭҭҭ“. Два верховых, гикнув, поднимают своих коней на дыбы и бросаются друг на друга. Победителем считается тот, который опрокинет лошадь противника. Лошади, чужа этот опасный спорт, делаются злыми, хватают зубами седока противной лошади, обхватывают своими передними ногами его за талию и снимают с седла. Игра эта очень опасна, но интересна для седоков, на которых лукаво смотрят девицы, отмечая достойных себе женихов. Это удачество отмечают абхазки в другой игре — „Аҭарҭе“, которая состоит в том, что один ездок берет в руки приз и скачет, лавируя между деревьями, вообще между опасными местами, с целью сокрушить шеи тем, которые стремглав поскакали за ним в догонку и таким образом, выиграть. Этот спорт также один из опаснейших для седоков. Призы вручаются девицами, которые и наблюдают за ловкостью и смелостью молодежи, конечно, опять не без цели. Призы состоят из рукоделий девиц: прекрасные сафьяновые голенища, вышитый платок, полотенца и т. д. Бывает часто, что выигравший приз, — скажем, вышитый носовой платок, — посылает его той, с которой думает связать свою судьбу.

Другой вид спорта — это *джентльменская посадка* на лошади или «Ачҭрхумарра» („игра лошади“); ездок, прищпорив лошадь, задерживает ее на полном лету, и она скользит на всех четырех ногах; далее ездок гарцует. Его позитурa, способ держания уздечки, плети, положение ног — все это ценится. В сороковых годах Селезнев, проживая в Абхазии, наблюдал эту исключительную способность абхазов к верховой езде; он писал: «будучи удалыми кавалеристами, они прекрасно сидят на лошадях и как бы танцуют на них»... Вообще, абхазы сами также хорошо убеждены, что они лучшие ездоки в мире, пальму первенства они никому не уступают. Есть в Самурзакани примета и выражение, что за несколько верст можно узнать едущего всадника — абхаз он или другой нации.

После скачек и состязаний в искусстве верховой езды любимое развлечение абхазов, доходящее до страсти, — стрельба из ружей «Аимҭахара». Маленький абхазский мальчик уже с детства владеет оружием. Абхазы издавна славятся ис-

кусством стрелять и сами себя считают лучшими стрелками и охотниками в мире. Важный праздник без стрельбы не обходится. Пасха, Байрам, свадьба, годовые поминки и множество других немислимы без состязания в искусстве стрельбы.

Абхазы очень любят музыку, и все они музыканты, почти все поют; у них очень много разумных песен; среди них — сатирические, — бичующие недостатки отдельных лиц и целого общества «Ахъзурѣра, свадебные «Ғацаагар аџа», горевестные — «Аџсхура-аџа», песня страдальца — «Агуаџ іаџа», песня труженика — «Амхв-аџа» песня героя — «Ахаџара-аџа», боевая песнь — «Ар-раџа», песнь молитва — «Апца-раџа», песнь гор — «џха-аџа» и мн. друг.

К культурной черте абхазов надо отнести их уважение к женщине. Надеждин говорит, что абхазы чтят женщину до пределов, неизвестных в салонах европейских. Черная работа исключительно лежит на муже; последний никогда не прибегает к лобоям и ругательствам! Между кавказскими народами абхазы, безусловно, составляют исключение в отношении уважения к женщине. Даже доит коров здесь мужчина, но не женщина. Эта особенность, наблюдаемая среди американцев, здесь свято выполняется. По словам Мачавариани, „покушение на уничтожение разных прав женщины, освященных веками, вызывали здесь ряд волнений, которые всегда оканчивались победой женского влияния“. Женщина наравне с мужчинами является верхом на большие общественные праздники. Каждый абхаз, к какому бы классу ни принадлежал, обязан встать перед любой женщиной и оказать ей почтение. Абхазское выражение „џџиве і хумџааз іџада?“ («кто не рожден женщиной») произносится в упрек тому, кто нарушил кодекс уважения к женщине. Абхаски необыкновенно вежливы; никогда улыбка не сходит с цветистых глаз абхазок. Не менее мужчины они красноречивы, но зато очень мстительны; кровавая месть подогревается исключительно влиянием женщины. Особой внешней красотой абхазки не отличаются; правда, исключительное преимущество их — это необыкновенно выразительные и красивые глаза. Знаток Востока, Вольней, описывая базары его, где производилась купля и продажа невольниц для гаремов и где красота женщины определялась с математическою точностью, говорит, что на

этих базарах выше всего ценились черкешенки, затем абхазки, потом имеретинки и грузинки, и наконец, уже европейки.

К отрицательным явлениям в жизни абхазов относится кровавая месть „Айтаура“, или кровомщение. Этот национальный порок является бедствием для абхазского народа, отдающего массу жизней этому глупейшему, безнравственнейшему обычаю. Ни с какой стороны нельзя оправдать этот бесславный порок. Этот же обычай является одной из главных причин развития «абречества».

Пылкий, увлекающийся абхаз, получив известие об отказе страстно любимой девушки, сразу делается абреком с целью убить того, кто дерзнет ее взять замуж, а также убить брата или отца ее. Это одна из причин кровавой мести. Бывает и так, что молодой человек объявляется женихом девушки, но потом раздумал жениться, — честь „опозоренной“ девушки братья ее восстанавливают убийством жениха. Или абхаз, почему либо, без взаимного согласия и суда заинтересованных родственников разводится с женой: его ждет смерть. Оскорбление на словах, причинение физической боли — влечет месть. Кровнику кажется, что позор общества покрывает того, кто уклоняется от исполнения кровомщения. До этого он ходит в башлыке со спущенными полами, вечно в бурке, остерегается общества. Для мести нет определенного времени: пусть умрет убийца, но поджидают его родных, ждут зрелого возраста его детей. Только женский пол гарантирован от рук кровомстителя. Смерть от руки кровомстителя вызывает кровавую месть со стороны родных убитого и так без конца.

Не менее отрицательным явлением в быту абхаза является конокрадство. Многие бытописатели абхазов этому позорному пороку дают общирное, оправдывающее абхазов объяснение. Рыбинский порок этот объясняет тем, что „воинский дух народа прорывается, но за неимением лучшего исхода, даже в конокрадстве, где проявляется такое мужество и удалство, что невольно досадуешь, что они размениваются на такую мелкую, позорную монету». Абхаз-конокрад не может равнодушно пройти мимо хорошего коня; его алчные глаза подмечают игривость коня, свернувшую позытуру седока, он горит желанием — хоть на несколько

дней быть владельцем этого коня, и он его украдет с оруженосцем в руках. Если вы абхаза—конокрада начнете обвинять в краже лошади, происшедшей при очень трудных обстоятельствах, на шумевшей на всю Абхазию, то он, хотя бы и не был виновником кражи, все же неохотно оправдывается. Если же вы абхаза заподозрите в краже кур, гусей, вещей, кукурузы, свиньи, то он вас убьет. Не было случая, чтобы абхаз, оскорбленный подозрением в покраже кур, гусей и т. д., не ответил выстрелом или кинжалом. Действительно, они не воруют их и считают величайшими пакостниками тех, кто ворует что либо из сдобного или из птиц, или лазит по карманам и т. д. К чести всех абхазов в последние годы все общины восстали против конокрадов, стали клеймить их и требовать применения к ним смертной казни, а потому этим позорным ремеслом занимаются только несколько «порочных лиц».

Характеристика абхаза. Величественная разнохарактерная природа, суровая жизнь в прошлом выработали в абхазе определенный характер. Селезнев, живя в глубине Абхазии (сел. Кутол), наблюдал и изучал жизнь абхазов еще до русского влияния и так характеризует их: „Абхазы неимоверно легки в ходьбе; вытерпевая стужу и непогоду без жалобы, закрываются буркою и башлыком, питаются в дороге скверно; бурка с камнем или пнем под изголовьем—есть почти всегдашняя постель в пути. Крепкие, античные их члены обрисовывают новых Аяксов и Ахиллесов. Спросите у прохожего абхаза чтонибудь и он, опершись руками и подбородком на дуло длинной винтовки, ответит вам с суровою важностью. Смотря на чрезвычайный стан, грозно-военное положение, приличное только самому образованному воину, и несколько на дурную чоху, бурку и изорванный башлык, вы невольно засмотритесь и переберете в памяти своей всех мифологических героев Греции, Рима и рыцарей средних веков. Приученные с младенчества к бесстрашию, ловкости, они вообще все отличные стрелки, так что горлицу убивают пулей в сердце в 100 и более шагах. Вообще, абхазы добры, как природа, но коварны и злы, если дело идет о родине—обиды не простят. Способности абхазов необыкновенно быстры; почти все рассуждают здраво о таких предметах, о которых задумывается и обра-

ются мужчинами первыми; на все эти приветствия ответ — „Бзвiа-убеит“.

Г. А. Рыбинский, изучив прекрасно абхазов, отмечая дурные и хорошие стороны их жизни,—причины отличительных особенностей абхазов находит в историческом складе их жизни, традиций, обычаев, отрешиться от которых они не в силах, «потому что на них зиждятся все почитаемые ими догматы нравственности, в своем роде как десять заповедей для христиан. Эти догматы и самобытный склад мирозерцания абхазов делают их брезгливыми к торговле, к промышленности. Они считают за величайший стыд быть торгошом в лавке, а тем более содержать духаны, кабаки, и крайность доходит в этом до того, что считают за стыд промышленять, пользоваться доходом от продажи продуктов своего хозяйства: молока, масла, сыра, яиц, кур и друг. «Эти врожденные понятия настолько сильны среди них, что за 40 лет нашего влияния»,— продолжает Рыбинский,—«на склад их жизни они примирились лишь с необходимостью продавать только кукурузу и фрукты, и то не сами везут эти продукты на базар, а ждут, пока к ним не заявятся скупичики, хотя прекрасно понимают, что это самая невыгодная форма продажи». Их стыд появиться с возом продуктов—результатов их полевого труда Рыбинский объясняет—«не глупостью, а потому что в основе его стыда лежат нравственные принципы, присущие всем горцам, способные вызвать к ним невольные симпатии, хотя они и являются аномалией нынешнего века. Щадя, напр., слабые силы женщин, абхаз не стыдится доить коров, что даже как-то не идет к его боевой, воинственной фигуре. Исключительность нравственного склада духовной жизни заставляет абхаза сторониться города и его рынка. «Всякую продажу, торгошество абхаз считает грязным делом»,—заканчивает характеристику Рыбинский,—„оскорбляющим достоинство человека—воина, а поэтому и посейчас никто из них не живет в Сухуме, в Гудаутах, Очемчирах, предпочитая жить вне пунктов торговли, среди простора роскошной природы, занимаясь трудом земледельца—хуторянина».

Земельная политика. Покончив со всеми независимыми кавказскими народами, русское правительство взялось за Абхазию.

Политика царских властей по отношению к абхазской стране по своей дикости, по бесчеловечности, превзошла все виды насаждения деспотической власти, какие были применены к другим нациям Кавказа, исключая, разве, земель черкесских народностей, также цинично расхвачанных по кускам, как и территория абхазская. Покоряя *западно-иорские племена*, царская власть была заинтересована исключительно этой прекрасной береговой полосой. Вот почему русская власть стала изыскивать способы выселения аборигенов береговой полосы, вот почему здесь стали подниматься бесконечные восстания, так нужные властям, а потому и вызываемые исключительно ими самими. Разве трудно было придумать провокационный повод, чтобы воспламенился абхазский народ?

Первый чудовищный пример глумления царской власти над абхазской нацией это был проект образования *„Абхазского казачьего войска“*. „Историческая записка об управлении Кавказом“ об этом говорит так: *«составить абхазское казачье войско, и францией между кубанским и абхазским войском назначить хребет, замыкающий иагринскую теснину и отделяющий Абхазию от земли джигетов»*.

Нечто подобное властям удалось создать с гурийцами, грузинами, которые выставили лучших своих сынов в милиционные отряды, действовавшие против Чечни, Дагестана, а также в усмирении абхазских восстаний. Проект о «казачестве» был до выселения абхазов. Какой лукавый и в то же время верный способ со стороны властей сделать вызов абхазской нации! Расчет был верный: дальцы, цебельдинцы, псхувцы, как более чувствительные в защите своей вольности и в уважении чужой свободы, не захотели быть безропотными „плебеями“ в руках «патрициев» — империалистов, а потому заволновались. Этого и нужно было властям. Следующий провокационный вызов был по отношению к ним еще более верный: к дальцам назначили русского пристава Кириллова. Таким образом, в вольном горном ущельи учредили *приставство*. Восстание дальцев и цебельдинцев и их усмирение Муравьевым заставляет эти племена предпочесть выселение к чуждым туркам, (как сделали их родичи черкесы, убыхи и джигеты), чем признать власть пристава или

сделаться «царской нагайкой», т. е. казаками. Когда выселения дальцев и цебельдинцев была достигнута, то их земли частью казна взяла себе, а большая часть была роздана угодным правительству лицам.

Вот список лиц, награжденных землею:

Майор Середин	207 ¹ / ₂	дес.
Пол. Дьячков-Тарасов	304	»
Пол. Буми-де Кацман	354 ¹ / ₂	»
Ст. сов. Михневич	200	»
Ген. шт. пол. Фрейер	500	»
Пол. Шавров	425 ¹ / ₂	»
Артил. пол. Введенский	381	»
Пол. Красницкий	867 ¹ / ₂	»
Пол. Линевич	526 ¹ / ₂	»
Ген. лейт. Краевич	1497 ¹ / ₂	»
Кол. сов. Воронов	462	»
Подп. Буткевич	200	»
Майор Рогозинский	200	»
Надв. сов. Семенников	1500	»
Кап. Ивановский	100	»
Подп. Захаров	336 ¹ / ₂	»
Князь Витгенштейн (позже приобрел гр. Бобринский)	7443 ¹ / ₂	»
Кол. сов. Николаев	261	»
Кол. ассес. Васильев	150	»
Пол. кн. Накашидзе	300	»
Есаул Гордеев	150	»
Кол. сов. Конопацкий	150	»
Кап. Саницкий	250	»
Подпол. Омаров	150	»
Пол. Бебутов	300	»
Пол. Навроцкий	300	»
Ген. Бюмакин	300	»
Пол. Чижов	300	»
Пол. Кишельский	300	»
Пол. Баратов	300	»
Пол. Рычков	300	»
Пол. кн. Джорджадзе	300	»
Пол. Момтели	300	»
Пол. Коску Запороженко	300	»
Пол. Хозбашев	300	»
Пол. Чембер	300	»
Пол. Войско Оранский	300	»
Д. ст. сов. Мошнин	500	»
Пол. Шелковников	600	»
Пол. Фогель	400	»

Пол. Зеленый	500	дес.
Благоч. Мачавариани	400	"
Пол. Гегемейстер	500	"
Майор Козенко	200	"
Майор Иванов	300	"
Д ст. сов. Сараджев	1000	"

Позже, в таком же виде, были розданы свободные земли во всем Гумуезде, в Псху, Гагринском уезде—пришлым элементам; также были розданы земли в Кодорском и Гудаутском уездах разным князьям, чиновникам и местным священникам, причем, при наделении *земельно-сословной комиссией* наделами привилегированного сословия придерживались такого способа наделения, по которому достаточно было наделяемому облюбовать участок, уже занятый крестьянами—абхазами, как власти выселяли последних на худшие места. Таким образом, абхазы-крестьяне Кодорского и Гудаутского уездов почти все были сдвинуты со своих насиженных мест на места каменистые, глинистые и болотистые. Давались здесь земли не только абхазским князьям, но и заингуриским-мингрельским и грузинским.

Такая вакханальная политика властей хорошо охарактеризована Евг. Марковым в следующих словах: „Наше кавказское чиновничество, повидимому, вошло во вкус обезземелья туземных племен и избрало себе его любимейшею системою управления. Выселение в Турцию береговых жителей Черноморского округа, джигетов, шапсугов и всякого имени черкесских племен западного хребта из-за Кубани, Белой, Лабы, оставило такое соблазнительное наследство кавказскому чиновничеству, военному и гражданскому, которое не могло не возбудить надолго аппетита к лакомым кусочкам. *Целыми тысячами десятин отводились высшим служилым людям Кавказа плодородные земли изгнанных племен, их старые сады и плантации. Когда черкесская дележка была кончена, захотелось абхазской; благо в Абхазии—рай земной, растительность чуть не тропическая, плодородие почвы баснословное, вся страна—один сплошной сад.*..

Сами абхазы—отличный народ, даровитый, тонкий, изящный,—*французы Кавказа*; они большею частью христиане и притом старинные христиане, со времен Андрея Первозванного и Симона Хананейского. У абхазов великолепные сады

и плантации на берегу моря. И их, и сады их бросил произвол судьбы, не оставив на защиту их ни одной роты войска. А когда турки забрали их имущество, жен, дочерей, и потребовали, чтобы они стали на их сторону, абхазцев, ненавидящих турок, сделали бунтовщиками. *Собственную непредупредительностью, собственною небрежностью своею мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничем не вознаградить.* Все пусто там до сих пор. За то сколько создалось удобных поводов, чтобы отделаться от этого беспокойного племени, как отделались мы уже от многих кавказских племен, *чтобы бросить на растерзание нашей чиновничьей корысти новые десятки тысяч десятин земли, так кстати присовокупляемые к двойным окладам, к сокращенным пенсиям*“.

Потерпев фиаско с «абхасским казачеством», правительство начало насаждать себе здесь более благонадежный для царизма элемент. Это были русские колонисты, мингрельцы, греки и пр. Помимо этого, все частновладельческие земли были взяты на арендных началах исключительно этими-же колонистами. Рыбинский в своем докладе Кутаисскому губернскому съезду сельских хозяев говорил об этом так: «мингрельцы крестьяне явились в Сухумский округ к помещикам с предложением услуг в качестве арендаторов, а также и для того, чтобы пронюхать, нельзя-ли от простяка абхаза оттянуть лучшие куски его кормилицы-земли». Эти пришлые элементы для целей государственной колонизации в правовых отношениях ставились безусловно в более привилегированное положение, чем коренное абхасское „виновное население“. Они сразу очутились у царских чиновников, так сказать, за пазухой, им сразу власти передают свое отношение к абхазам. *Нуждаясь в земле*,—они охотно роднятся с чиновничьим мировоззрением на абхазов, и это очень понятно,—правительство дает им всякие льготы, всякую помощь в притеснении абхазов. Издается невероятный приказ, по которому абхазы обязываются уплачивать стоимость уворованной скотины у колонистов. Отсюда беспечность колонистов к судьбе своей скотины, умышленное укрывательство ее, уворовывание друг у друга с целью взыскать с абхазов, кляузы, продувательство властей и т. д. Такое иго абхазы несли до 1905 г., т. е. около четырех десятков лет. За это продолжительное время

власти вполне спелись с колонистами, сумели вполне воплотить в себе им дух ненавистничества к абхазам. Это хорошо подметил и выступил с протестом один добросовестнейший русский ученый, автор брошюры «Абхазия в сельско-хозяйственном и бытовом отношении». Между прочим он писал: „выходцы из Мингрелии и Малой Азии прямо, не стесняясь, высказывают, что право на абхасскую землю имеют только они“. Такое чудовищное рассуждение колонистов, противное всем видам законности и человечности,—мы еще раз подчеркиваем,—есть результат общей политики русской власти по отношению к абхазам.

В своей брошюре автор продолжает: «они уже достигли многого из своих вожеланий, в их руках более 70 тысяч десятин лучшей земли абхазов. В пользу мингрельцев, благодаря их ловкости, даже теперешняя поземельная комиссия в этом году отрезала значительные куски земли от немцев и эстонцев. Если колонисты не могли отстоять своих интересов перед натиском мингрельцев, а абхазам и подавно не мудрено спасовать перед такой силой, рвущейся в Сухумский округ».

Мы абсолютно не разделяем тона автора по отношению к нациям—колонистами. Нас поражает то, что ученый агроном, безусловно верно разобравшийся во всем до безобразия безнравственном разрешении земельного вопроса в Абхазии, сочувствуя ей, почему то удар свой направляет, так сказать, не по коню, а по оглоблям. Ведь тогда не было захватного права, ведь сам он говорит о *земельной комиссии*, значит, сама власть, которую так бережно обходит автор, выписывала этих колонистов и наделяла их землей; власть их натравлила на абхазов, власть же издавала драконовские законы, ставившие абхазов на положение подвластной нации по отношению к другим пришлым нациям. Не колонисты—же выселили абхазов из родной земли? Все-же, отдавая должное за верное освещение вопроса в настоящем его виде, мы процитируем и далее слова автора, сказанные на губернском съезде. Он пишет: «мне приходилось часто наблюдать, в какой форме прорывается ненавистничество со стороны выдающихся дельцов из мингрельцев, греков, армян к абхазам. Они честят их тунейдцами, лентяями, а потому должны

быть пожраны и никем другим, как только их утробами. Они возомнили себя в положении американских янки, которые с удивительно жестокостью уничтожили индейцев, для того, чтобы им самим лучше жилось. Спорить, убеждать в неправоте их аппетитов—бесцельно, сердце дельца—мингрельца, грека, нахлынувших в Абхазию, чуждо гуманного чувства; эгоизм очерствляет их души и заставляет ставить выше всего свой интерес. удовлетворение своих жадных вожделений. Исходя из всего сказанного,—заканчивает автор,—я невольно ставлю вопрос: что заставляет предпочесть мингрельцев поселян—абхазам, населяя первых на свободных землях вторых?». Далее автор обвиняет мингрельцев и абхазов в скотокрадстве, говоря, что „деревушки мингрельцев превратились в притоны абхасских скотоводов; мингрельцы воровали, а абхазы уводили ворованный скот вглубь страны“. Интересно, как характеризует автор вообще колонистов Абхазии, этих «культуртрегеров». «Все эти разношерстные поселенцы живут отдельными деревнями, каждый на свой лад, чуждаются сближения друг с другом, и этот сепаратизм поддерживается различием вкусов, привычек, обычаев, формы костюма». Вот каковы были правительственные «культуртрегеры» Абхазии! Мы, ценя мнение автора, как человека постороннего, не заинтересованного, как работника науки, приведем его характеристику хозяйств и бытовых особенностей крестьян из абхазов и мингрельцев. «Жизнь мингрельцев, поселенцев Абхазии, ничем существенным не отличается от их жизни на своей родине. В самой Мингрелии мне сильно понравился характер хозяйства мингрельца: чистота и красота их жилищ, такая-же опрятность и отсутствие запущенности в их огородах и на полях. Но, когда я, налюбовавшись вдоволь показной стороной их жизни, ознакомился с их нравами, обычаями, ничем с виду не отличающимися от абхазских, то был поражен той крайней разницей, которая разделяет душевные особенности этих двух народов: абхаз сохранил во многом чистоту горских народов, мингрелец ничего общего с этим не имеет; по натуре—это торговый, чрезвычайно пронырливый, эгоистичный человек, хитростный и беспокойный ум, Абхазы стерегутся их, называют аршинниками, духанщиками, надувалами... На всякого гостя абхаз смотрит как на божью благодать, ставит

на стол все свои достоинства и ухаживает за ним с известным церемониалом. У мингрельца—крестьянина не всякий встретит гостеприимство, а если встретит, то оно вызывается расчетом, в ожидании какой-нибудь для себя выгоды». Мы привели подлинные слова автора, не имея желаний их комментировать; находим только нужным сказать, что делать категорические выводы по адресу нации—это очень рискованно и, сплошь и рядом, такие выводы страдают неправильностью. Вот почему мы также скептически относимся к такой решительной, категорической фразе автора „Руководства к познанию Кавказа“, изъездившего весь Кавказ, именно: „Народы, населяющие Имеретию, Мингрелию и Гурию хитры, мстительны до зверства, не стыдятся измены; всякий живет для себя, нет дружбы и родства, по наружности набожны, но существу закона не следуют“.

Характерно мнение первого автора относительно других колонистов Абхазии. Он пишет: „из поселенцев для абхазцев не так страшны и вредны (хотя этого они не хотят понять) русские, немцы, эстонцы, потому что по добродушной натуре они ближе к ним подходят, чем торговый народ мингрельцы, армяне и греки“. Что немцы, русские и эстонцы были также бесполезны для абхазцев, в этом можно уверить почтенного ученого. Русские поселенцы, с обычным русским характером мужика, склонные к безразличному созерцанию окружающего, при их нежелании воспринять красивую сторону абхазской традиции,—не могли полюбить абхазов, обременяли их налогами за пропажу своей скотины, которая воровалась всеми поселенцами, благодаря их расхлебанности, ротозейству. Что касается немцев и эстонцев, отличающихся недоступностью, необщительностью, склонностью к практицизму,—к утилитарному, живущих замкнуто в свое удовольствие, то и они были бесполезны, как культурный элемент для Абхазии.

Ко всему этому надо прибавить, что теперь, даже после недавнего меньшевистского ига над абхазами, отношения между мингрельцами, русскими и пр. и абхазским народом прекрасные. Армяне, как нация закаленная, испытывшая на своей спине все тяготы давления более сильного народа, очень осторожны к абхазам, признают за абхазской нацией исто-

рические, юридические и насиженные права на территорию, называют себя гостями в Абхазии, охотно открывают свои двери абхазам и всячески стараются подражать гостеприимству их. К большой чести армян надо отнести и то, что это единственная нация в Абхазии, которая бережно относится к старинным абхазским именам местностей: все их села названы древними абхазскими именами. Здесь уместно кстати привести возмущенное восклицание по поводу переделки абхазских исторических названий на русский; вообще, иностранный лад К. Мачавариани:—«люди добрые, люди верующие, люди любящие свою родину, свое отечество! Неужели дадите погибнуть всем древним памятникам Абхазии и дадите волю колонистам на местах уничтожить такие памятники? Неужели думаете, что эстонец или немец на своей родине позволит абхазцу дать название отведенному ему участку в роде «Цебельда», «Гудауты», «Очемчиры»? А они уничтожили прежние географические имена, и скоро Абхазия неузнаваема будет немецкими, эстонскими и латинскими именами»—заканчивает автор. Так что, исключая армян, все переселенцы погрешны в упреках Мачавариани; в особенности в этом деле более всех поусердствовали греки; все эти „Константиновские“, „Александровские“, „Ольгинские“, „Михайловские“ и прочие великокняжеские имена сел принадлежат грекам. Таким образом, старинные абхазские имена местностей греки переименовали в имена из дома царских особ; каждый год в день тезоименитства особы, имя коей носит данное греческое село, население его праздновало и посылало верноподданнические телеграммы. Конечно, местным турецким грекам, привыкшим раболепствовать перед сильными, это простительно, но нам думается, что настало время сбросить все эти царские имена и назвать места эти теми именами, какие они носили несколько веков. Ведь с каждым таким доисторическим абхазским названием связано целое историческое содержание; ведь какой богатый материал дадут они лингвистам, этнографам, археологам, историкам.! К чести переселенцев из армян, русских и др. надо прибавить и то, что они не поддались политике грузинского правительства по отношению к абхазам, именно: не посылали свои национальные отряды наравне с грузинскими, греческими и мингрельскими жечь и грабить абхазские села. Эти колонисты сочувствовали абха-

зам, их представители на съездах протестовали наравне с абхазскими против насилий и гнета, чинимых властями над абхазским народом.

Со дня свержения царской власти Абхазия вздохнула было полной свободной грудью. Иго, равного которому нет в истории народов Кавказа, было сброшено. В Абхазии был образован "Абхазский Народный Совет". Как полномочный хозяин своей родины, он издал декрет о национализации всей территории Абхазии. В этом декрете подчеркнуто было, что те национальности, которые жили в Абхазии до Русской Революции, одинаково пользуются правами на земле, как коренные абхазы.

Была учреждена при Абхазском Народном Совете *земельная комиссия*; она запретила присваивать земли захватным путем, а потому здесь на земельной почве не было решительно никаких недоразумений между разными национальностями. Но со дня занятия Абхазии грузинскими войсками здесь пошло старинное царское земельное притеснение абхазов и вместе с ними всех тех негрузинских племен, которые населяли Абхазию. Меньшевики в империалистическом своем стремлении абхазам напоминали царскую власть при первых годах, — времен усмирения абхазов. Казалось, что тифлисское правительство раскрыло страницу истории расширения России, собирания ее, завоевания новых земель, заселения их надежным элементом, — образование казачества и т. д., и т. д. и вот буква в букву пошло по стопам русских завоевателей. Если царские завоеватели здесь имели дерзость заговорить об "абхазском казачестве", то тифлисские империалисты пошли дальше — они приступили к созданию, так сказать, своего *национального казачества*. Эти в своем роде *линейцы* должны были сделаться оплотом "демократической республики", со стороны России, т. е. на границе ее с Абхазией. Отсюда началось поспешное заселение Абхазии Грузинскими племенами: все бывшие казенные земли, частновладельческие и пр. стали постепенно захватным путем заселяться этими племенами. Линия этого своего рода нового казачества перешла и границу Абхазии, именно был захвачен Сочинский округ, а в одно время была мечта о захвате и Туапсинского. Несправедли-

вость таких „колониальных соблазнов*) на окраинах царской России“, где „из хаоса борьбы за землю подчас вырастает ожесточенная борьба нации против нации, — в центре Советской России признана и печать требует эту „земледельческую колонизацию“, ввести в „национальное русло“. Такое „колониационное утеснение“, аборигенов населения газета „Правда“, сравнивает с „империалистической политикой царизма“, — она говорит, что „грабеж и расхищение инородческой земли были положены в основу российской колонизации, которая шла вслед за полувоенной (казацкой) колонизацией“. Газета говорит, что такая „система рухнула вместе с крахом романовской России“, а потому требует „возвращения земель, беспорядочно захваченных, явочным порядком. Абхазы, закаленные в борьбе, в отстаивании веками своей нации и территории, после революции без царского гнета, в весну раскрепощения народов почувствовали, что бывшая соседка черной осенью напала на нее, а потому заволновались. Тогда „демократическое правительство“, затрепетало, очутилось в затруднительном положении, а потому, как-бы развернув страницы истории завоевания Абхазии Россией, задало себе вопрос: как тут поступили бы предшественники — русские империалисты? И нашло, что нужно национальности, населяющие Абхазию, поощрить и направить на абхазов; нужно внушить национальностям этим, что коренное население — абхазы считаются „виновным“, пред грузинским правительством. На такую хитрую удочку попались и сильно попались греки и мингрельцы; но армяне, русские, немцы и пр. не пошли на это, за что два года терпели притеснения „от демократической“, власти.

А заселение страны увеличилось и когда в созданный грузинскими властями „Народный совет Абхазии“, поступил от независимой абхасской группы совета следующий запрос: „Известно-ли комиссариату Абхазии о том, что Абхазия заселяется выходцами из Грузии, а не абхазцами и что первые находятся в более благоприятных условиях, в смысле наделения землей, чем вторые?“, — то он вызвал не сочувствие к Абхазии, а шум во всей Грузии, тогда одержимый завоевательным психозом, как в свое время и русское общество при завоевании Кавказа. Батумская грузинская газета на русском языке

*) Газета „Правда“, № 295 за 1921 год статья „Колониальные соблазны“, г. Сокольникова.

по поводу этого запроса писала: „В Грузинской провинции Абхазии происходит что то странное“ и далее, охарактеризовав „главных вдохновителей оппозиции Абхазского народного совета т. е. „несколько обрусевших абхазцев“, которые, „самым серьезным образом говорят о необходимости полного отделения от Грузии и образования самостоятельной республики Абхазии“, восклицает: „было бы более чем странно, если-бы оставшееся количество земли не могло получить грузинское крестьянство. Кому же правительство республики может дать землю, если не грузинскому крестьянству?“ с восклицанием заканчивает газета—выразительница мнения общества.

Национальный вопрос. Абхазия веками, а при русской власти особенно заметно, прошла через периоды и эпохи, когда насилие, гнет и произвол считались вполне допустимыми, и, даже, единственно верными средствами воздействия власти на жизнь народа,—и с честью пронесла через эти жестокие периоды идею права нации на национальную жизнь в возвышенном смысле этого слова, донесла эту идею до Великой Русской Революции, когда решение этого вопроса зависело уже не только от „огня и меча“, но поставлено было под гарантию права.

Говоря о национальном вопросе, об этой наизлейшей форме человеческих антогонизмов, „надо подчеркнуть, что абхазы, быть может, единственная нация на Кавказе, которая проявляет полное равнодушие к национализму. Вся эпоха царской власти для них была периодом анационализма—национального равнодушия; правда, они неоднократно восставали, требовали восстановления поправных прав, но они защищали в этих выступлениях заветные свои культурные идеалы, общечеловеческие права свои. К сожалению, эта характерная черта, черта интернациональности абхазов для националистов соседних с Абхазией стран представляла большие выгоды для ассимиляции, что мы воочию видели в Самурзаканской части Абхазии.

Абхазский народ, в силу исторических и географических условий, как отмечено всеми бытописателями, весьма даровит и разбирается в сложных социальных и политических вопросах. Вот почему этот народ сразу понял смысл русской революции в разрешении национального вопроса, понял так, как

его разрешали настоящие социалисты, давая возвышенное, облагороженное разрешение, именно: *все нации должны быть равноправны, все нации имеют полное право на самоопределение вплоть до отделения*. Узкие же националисты, шовинисты имели другую идеологию,—вульгарную. Элементарное разрешение этого „наилейшего вопроса“ у них сводилось к следующему — «покорить под ножи врага и супостата и заставить все подвластные нации подчиниться господствующей национальности.» Такую политику агрессивного национализма народ абхазский сейчас-же стал ощущать со стороны руководителей судьбой Грузии. Вот почему абхазы, испытавшие на себе немало ужасов чужеземного гнета, стали искать родственные себе народы, родственные по пониманию священных интересов каждой нации, по пониманию и уважению стремления нации к свободе и т. д. Такими, безусловно, были родственные по духу и крови абхазам—горские народы Кавказа, «организовавшиеся после революции» в *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана*.

Установление связи с ними абхазский народ поручил верховному политическому органу страны—«Абхазскому Народному Совету»; к слову сказать, орган этот не был назван «национальным», так как он, как выразитель воли народа, должен был разниться от тех «национальных советов» других закавказских народов, которые на своем знамени несли идею агрессивного национализма.

После нескольких поездок абхазских делегатов на съезды горцев и приезда делегатов горцев на абхазские съезды*)—на Всеабхазском съезде в Сухуме, 8 ноября 1917 года, единогласно, при громе рукоплесканий, была принята следующая—«*Декларация съезда Абхазского народа и Конституция Абхазского Народного Совета*»:

„До революции самодеятельность народа была ограничена, ибо во всем „самодействовали“ одни слуги старого режима. Революция дала всем обществу—политическим и национальным группам право и возможность самоопределения и защиты собственных интересов.

Помимо административных учреждений, везде образовались профессиональные союзы и политические организации, как Советы рабочих и солдатских депутатов и др.—и эти союзы и организации, содействуя укреплению

*) Одним из таких был покойный Асланбек Шерипов,—впоследствии знаменитый руководитель чеченской народной армии в борьбе с добровольцами.

завоеваний революции, в то же время защищают права и интересы возмущаемых ими классов и масс.

Безусловно, нуждаясь в поддержке угнетенных царским империализмом народностей, революция выдвинула лозунг самоопределения нации, который был жадно подхвачен заинтересованными массами — и во многих местах его стали немедленно проводить в жизнь (Украина, Финляндия).

Абхазский народ, как и все другие народы Российской Республики, видит в революции прежде всего свободу национального самоопределения.

Принимая во внимание все сказанное, Съезд Абхазского народа решительно констатирует, что и Абхазия, насчитывающая тысячелетнюю историю и имеющая огромные особенности в строении своей жизни, должна иметь такую национально — политическую организацию, которая, объединяя Абхазский народ, выражала бы волю большинства и стояла на страже его интересов.

Такой организацией будет "Абхазский Народный Совет".

Задачи Абхазского Народного Совета должны состоять в следующем.

1. Во — первых, защита и укрепление завоеваний революции и политическое воспитание и организация масс.

Абхазский народ понимает, что от революции зависят все свободы — в том числе и свобода Абхазии.

И выступление Корнилова, многочисленные анархические вспышки, наблюдающиеся во всей стране, несомненно доказывают, что народные массы должны чутко стоять на страже свободы и революции, ибо еще не все опасности устранены.

В то же время народные массы, как и везде в России, благодаря преступной политике павшего режима, оказались недостаточно подготовленными и организованными — и эти массы могут являться надежным оплотом революции только тогда, когда они будут спаяны в одно организованное и созидательное целое.

И Абхазский Народный Совет, помимо мер, направленных к поднятию и развитию революционного сознания масс, должен принять решительные меры для создания из абхазского народа реальной революционно организованной силы.

2. Абхазский Народный Совет должен защищать национальные и культурно — экономические интересы и политические права Абхазского народа от всяких покушений, откуда бы они ни исходили.

В переживаемое тревожное время, когда многое разрушается до основания и многое создается заново, когда радикально меняются условия и обстановка жизни всей России и, след., Абхазии — каждый народ должен чутко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений и не были бы забыты при переустройстве России на новых началах.

Абхазский народ уверен в том, что его братья — горцы Сев. Кавказа и Дагестана — поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права.

3. Одной из следующих важных задач Абхазского Народного Совета является работа по самоопределению Абхазского народа.

При этом необходимо помнить, что в этой работе не будет немедленного осуществления права на самоопределение, а будет, главным образом, подготовка к самоопределению, окончательные формы которого выяснятся в Учредительном собрании для всех народов России*).

Подготовка эта должна выразиться в том, чтобы, собрав все имеющиеся материалы и отражая волю народа разработать проекты организаций различных сторон жизни Абхазии.

В то же время Абхазский Народный Совет должен взять на себя инициативу немедленного разрешения тех вопросов, которые, будучи связаны с самопределением, по условиям времени не терпят отлагательства (школьный вопрос и др).

4. Абхазский народ входит в состав "Союза объединенных горцев Сев. Кавказа, Дагестана и Абхазии," и, конечно, нуждается в том, чтобы поддерживать самую тесную связь со своими северными братьями.

Органам, объединяющим Абхазский народ с Союзом Горцев в лице Центрального Комитета Союза и проводящим общие политические лозунги и постановления Союза—будет Абхазский Народный Совет.

Кроме перечисленных задач и целей, к осуществлению которых обязан стремиться Абхазский Народный Совет, в компетенцию этого Совета должны также войти и вопросы текущего характера, для разрешения которых до сих пор не было организованного народного центра.

Те основные задачи, которые поставлены Абхазскому народу жизнью и революцией и которые обязан выполнять Абхазский Совет, определяют позицию этого Совета по отношению ко всем политическим организациям и административным учреждениям Кавказа и России.

Абхазский Народный Совет, как орган, ответственный прежде всего перед Абхазским народом и защищающий его интересы и права—признает власть и компетенцию Окружного Сухумского Комитета, Особого Закавказского Комитета, всех других общественно политических и административных учреждений и лиц Закавказья, Ц. Комитета Союза Об'ед Горцев и Временного Правительства постольку, поскольку этими организациями и учреждениями соблюдаются лозунги революции и демократии и не нарушаются национальные интересы и политические права Абхазского народа.

В тех же случаях, когда какое либо административное учреждение, лицо или общественно политическая организация совершает акт или издает постановление, противоречащее принципам демократии или нарушающее национально политические, культурные и экономические интересы и права Абхазского народа—Абхазский Народный Совет оставляет за собой право решительного протеста и соизвестного с народом революционного противодействия.

Абхазский народ, делая первые шаги к выявлению своей национальной сущности и к претворению ее в жизнь, выражает пожелание, чтобы остальные нации и общественные группы и организации Сухумского Округа и За-

*) Настоящую "Декларацию съезда," цитируем исключительно, как исторический материал.

кавказья верили в то, что абхазцы, терпевшие при старом режиме ко социальный, но и национальный гнет, вдвойне революционны и жаждут совместной братской жизни со всеми своими соседями.

Конституция Абхазского Народного Совета.

§ 1. Абхазский Народный Совет является национально—политической организацией, объединяющей Абхазский народ.

§ 2. Представителем и выразителем воли Абхазского народа в сношениях с правительственными и административными учреждениями и общественно-политическими организациями является Абхазский Народный Совет.

§ 3. Абхазский Народный Совет ответствен прежде всего перед Абхазским народом в лице общего с'езда.

§ 4. Задачи Абхазского Народного Совета: а) Защита и укрепление завоеваний революции; политическое воспитание и организация народных масс; борьба с анархией и контр-революцией. б) Защита национальных и культурно-экономических и политических прав Абхазского народа. в) Подготовительные работы по самоопределению Абхазского народа. г) Поддержание и укрепление связи Абхазского народа с Союзом Горцев и Кавказа и проведение в жизнь общих политических лозунгов, постановлений и мероприятий Центрального Комитета Союза, д) Работа по текущим вопросам, требующим проявления воли Абхазского народа.

§ 5. Окружной Комитет, Комиссары и другие административные учреждения и лица оставляют за собой прежние функции управления, но работа и деятельность всех административных и иных учреждений и лиц,—поскольку эта работа и деятельность касаются Абхазии—должны протекать в контакте с Абхазским Народным Советом, в интересах достижения плодотворных результатов.

§ 6. Абхазский Народный Совет признает власть и компетенцию соответствующих административных учреждений и общественно-политических организаций постольку, поскольку этими учреждениями и организациями соблюдаются принципы демократии и самоопределения наций.

§ 7. В целях ограждения интересов национальных меньшинств,—вопросы, затрагивающие интересы других народностей Сухумского Округа, должны разрешаться или Окружным Комитетом, или Общим С'ездом Округа или с'ездом заинтересованных сторон.

§ 8. Абхазский Народный Совет имеет своих представителей в Окружном Комитете и, по мере надобности, в остальных местных административных и общественно-политических организациях.

§ 9. Народный Совет должен проводить в жизнь постановления, вынесенные Общим С'ездом Абхазского народа.

§ 10. Отчет о своей деятельности Совет отдает Общему С'езду Абхазского народа.

Примечание. Проявляя личную инициативу по текущим вопросам и вопросам, требующим немедленного разрешения, Народный Совет однако обязан дать отчет С'езду о своей деятельности, также и по этим вопросам.

§ 11. Совет имеет право кооптации, но кооптированные члены до утверждения Съездом имеют только совещательный голос.

§ 12. Совет намечает из своей среды президиум в составе: председателя, трех товарищей председателя, секретаря и казначея, при чем президиум утверждается Общим Съездом.

§ 13. По мере надобности, Совет должен выделять из своей среды секции по различным социальным вопросам: напр., по школьному, духовному, финансовому, земельному и иным вопросам.

Примечание: В работах этих секций могут принимать участие, кроме членов Совета, и лица, приглашенные Советом.

§ 14. За кворум считается $\frac{1}{2}$ общего числа членов Совета (в том числе Председатель), и решение выносится простым большинством голосов.

Примечание. В том случае, когда голоса разделяются поровну, голос Председателя дает перевес соответствующей стороне.

§ 15. Подробный наказ и устав внутреннего распорядка Совет должен составить сам, не уклоняясь от общих путей, намеченных в принятой Съездом декларации и конституции.

§ 16. Все члены в отдельности и Народный Совет в целом обязуются в своей деятельности брать за основу настоящую декларацию и конституцию.

Такое содружество абхазов с свободолюбивыми горцами, казалось, надо было приветствовать, но грузинские националисты и их агенты в Абхазии,—в лице некоторых местных соц.-дем. в компании со священниками (с самурзаканскими в особенности) усмотрели в этом братском объединении родственных по крови, духу, культуре и экономическому положению народов „нечто“ и создали такой пасквиль по адресу этого союза (вроде насаждения насильственного мусульманства в Абхазии и пр.), что нашли для себя миллион поводов, чтобы посылать к абхазскому народу тысячи разнообразных делегаций. Кстати, о них: первая делегация после революции состояла из цвета грузинского дворянства, генералитета и духовенства, имела во главе генерала Габаева, предводителя дворянства князя Нижерадзе и прокурора автокефальной церкви. Эта делегация призывала абхазский народ признать верховное главенство грузинской автокефальной церкви. Абхазы, отвергнув это предложение, вынесли резолюцию, где говорилось, что они имеют историческое и человеческое право объявить свою религию свободной, самостоятельной, без признания главенства в лице католикоса Грузии. Делегация, не добившись положительных результатов, вернулась в Тифлис.

Как же разрешился церковный вопрос? Из Тифлиса последовал явочным порядком указ о подчинении абхазской церкви грузинскому католикосату и в Сухум был прислан свой митрополит. Так поступал и русский Святейший Синод*).

Так или иначе, после революции насилие над религиозной совестью абхазов совершилось; в этом отношении грузинские националисты были пунктуальны в усвоении преемственных способов русских властей в гонении веротерпимости абхазов.

Следующие делегации состояли из видных соц-дем., (А. Чхенкели, В. Чхиквишвили, Ломтатидзе и др.). Лучшие представители Абхазии, старики,—свидетели горькой судьбы своего народа под началом империалистов,—указывали соц. дем. делегации, что и для них, демократов, национальные интересы малых народов должны быть священны; укорачивать абхазскую нацию в ее стремлении к свободе, подчинив ее вновь более сильной нации,—они называли высшим преступлением. Так урезонивали крестьянские представители сел и деревень Абхазии лидеров соц.-дем. Когда выяснилась настойчивость абхазов, когда ясно стало, что для абхазов—свободная жизнь нации есть исходный пункт и цель всех их стремлений, то грузинские соц.-дем. проявили свою обычную последовательность в проведении всех видов империалистических насаждений государственности. Они нашли повод, чтобы абхазское упорство сломить „огнем и мечем“ своих солдат,—они прислали в Абхазию свое войско, сперва под командой ген. Кониева. Но когда эти части были разбиты гудаутцами, то высадился более боевой генерал Мазнев со своей дивизией. В первом отряде Кониева был известный соц.—дем. Валико Джугели, который об’яснил населению, что грузинские войска не имеют никаких агрессивных целей против Абхазии и что они присланы по просьбе «наших товарищей», сиречь сухумск. соц.-дем., «против большевистской опасности». Абхасский Народный Совет, а также уездные съезды абхазов протестовали против завоевательных целей грузинской армии. Тогда грузинские националисты открыли свое истинное

*) Еще до революции в русской тифлисской газете „Голос Кавказа“ была статья „об усилении натиска Грузин на Абхазию“, и тогда натиск начался тоже по религиозным соображениям, именно: Тетклатский монастырь пожелал соорудить национальный храм и подворье в Сухуме, но русские государственники усмотрели, что „это не входит в интересы государственности“.

лицо. В нем абхазы узнали до тонкостей черты сходства первыми русскими завоевателями, с той разницей, что над теми командовали разные ген. Муравьевы, Горчаковы, Шатиловы, а здесь Мазневы, Кониевы, Тухарели.

В знак протеста Абхазский Народный Совет рассыпался. Состав его новые власти пополнили угодными себе лицами. Такому Народному Совету предложили принять договор Грузии с Абхазией; предложение это было сделано в ультимативной форме; дали срок на обдумывание несколько часов. Действительные, выборные от населения члены Абхазского Народного Совета, как и сам абхазский народ, конечно, ничего не имел и против установления добрососедских, братских отношений между Грузией и Абхазией, а также против заключения договора на этот предмет, но протестовали против формы предложения договора и невыгодных пунктов его. Договор был принят большинством совета. В виду оппозиционности абхазских делегатов Совета, в здание Совета часто вводили вооруженных солдат и в конце-концов всех абхазов арестовали и отослали в Тифлис в Метехский замок. Уродливый Абхазский Народный Совет новые власти задумали использовать для целей ратификации своих незаконных проделок. Следующий чудовищный, невероятный, факт окончательно раскрыл населению, что грузинские империалисты вытворяют нечто кошмарное, одинаково позорное, как для абхазской, так и для грузинской нации. Именно, потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что Туапсе есть граница Абхазии и что Абхазия имеет право занять Черноморское побережье до Туапсе включительно. Всю эту махинацию им нужно было проделать в тех видах, что армия Мазниева, заняв Сочи, уже подходила к Туапсе, но ген. фон-Кресс, германский протектор Грузии, указал правительству последней на неудобство занимать чужую территорию. Вот им и нужно было заручиться документом, по которому видно было, что Туапсе занимается по просьбе абхазского народа, который, дескать, имеет историческое право на него. Члены-абхазы Народного Совета протестовали против такого требования, указали на империалистические затеи Грузии и т. д., но большинство Совета из назначенцев, а также новый председатель его, разделявший всю политику новых властей, настояли на своем.

Очевидно, как у всех создателей империй, пред грузинским правительством восстало видение огромного государства—государства величия, каким должна была стать „демократическая республика“.

Как же разрешался у правительства „демократической республики“ абхазский вопрос?

Сперва подход к нему был идеальный.

Представитель правительства в Абхазии, Исидор Рамишвили, в первые дни объяснял цель прихода армии ген. Мазнева так: «абхазы и грузины—два шатающихся народа и они должны друг друга поддержать» Но настал следующий период—период заманчивой перспективы, именно: при помощи ген. Лосова в Батуме Германия признала Грузинскую демократическую республику со включением в нее Абхазии в пределах ее исторических границ. Присылка немецкого отряда в помощь грузинским войскам, а также постоянное пребывание ген. фон-Кресса в Тифлисе—все это вскружило головы министрам Грузии,—грубые империалистические соображения берут верх, и Абхазию,—эту дивную, милую страну слез и страданий за вольность свою, они взяли в тиски, в такие безнравственно—жестокое тиски, что наверно усмиритель Абхазии ген. Муравьев-Амурский не раз перевернулся в гробу. Уже Исидор Рамишвили, увидев, что из двух „шатающихся народов“ более сильный из них сделал «подножку» своему менее сильному брату, свалил его и сел на горло, молчит, ибо интересы Грузинской Республики в смысле расширения ее территории за счет другой нации требовали национальной смерти Абхазии, как требовали этого в свое время интересы русского царского государства. Тогда Абхасский Народный Совет посылает двух делегатов на Константинопольскую конференцию народов Кавказа с целью рассказать правду и защитить судьбу Абхазии. Грузинское правительство задерживает и заключает в тюрьму одного делегата, а другому удается проскочить в Константинополь. Вслед за этим, арестовываются члены—абхазы Народного Совета, далее арестовываются все образованные абхазы, за ними видные старики—крестьяне; всех их отсылают в Тифлис в Метехский замок. Создается такое положение, что протестующие элементы были изъяты, вакханалия завоевателей усиливается, в средствах нет

брезгливости, ибо „Бог не выдаст,—свинья не съест“. И чтобы терроризировать окончательно население, в Сухуме, в штабе дивизии, как говорят, с участием членов комитета партии с.-д., составляется список домов абхазов, которые нужно было предать сожжению. В список вошло до 250 хозяйских крестьянских поместий Кодорского уезда. Штаб дивизии снарядил отряды во главе с офицерством. Эти отряды являлись в села, отыскивали назначенные к сожжению дома, хозяину дома связывали назад руки и ставили лицом к священному очагу. В дом клали бомбу, обкладывали папоротником и поджигали. Раздавался взрыв. Женщины—абхазки издавали тревожный визгливый крик («абхара»). Этот обычный сигнал народного горя, бедствия, сигнала смерти, нападения разбойников, сигнала тревоги во время нашествий в старину,—в эти дни сзывал всех окрестных жителей, и они наблюдали, как войска соседнего народа,—веками жившего на началах взаимоподдержки, теперь, в дни раскрепощения народов, хладнокровно, по списку, предают огню дома абхазов,—эти очаги его чести. Они видели, как войсковые части не позволяли выносить из дома что-либо из вещей, как они бросали в горевшие постройки крестьянскую утварь: сохи, лопатки, косы; как жгли амбары с кукурузой, сараи с табаком; и, наконец, видели и ужасались, как заставляли любоваться горением священного очага и добра крестьянина со связанными назад руками; видели они, как арестовывали и брали в заложники женщин и детей, чего никогда не было и при русских усмирениях, и, наконец, видели, как по окончании операции войсковые части по команде офицеров стройным порядком шли к следующему по списку дому. И это продолжалось несколько дней... Список полностью исчерпать, кажется, не удалось, т. к. константинопольский делегат Абхазии из Батума по радио послал несколько телеграмм об этих ужасах Константинопольской конференции народов Кавказа и Востока, и по протесту северо-кавказских делегатов в Константинополе—германское посольство срочно снеслось с фон-Крессом, и он запретил грузинскому правительству дальнейшее уничтожение домов абхазов, а арестованных все же держали, причем среди арестованных были абхазки, чего, повторяем, не делалось и при царских усмирениях.

В добавление ко всему этому, штаб дивизии направил на абхазов несколько тысяч кубанских казаков, так недавно

принятых на территории Абхазии; эти привычные грабители, оставив у себя на Кубани жен и детей, предварительно вырезав там иногороднее мужичье население, трусливо удрали от большевиков, и здесь, вооруженные грузинами, начали грабить и опустошать дома абхазов.

Но этого глумления мало было тифлисскому правительству. Оно мобилизовало местное греческое население, назначив к ним в начальники проходимца из Анатолии—беглеца Хампо. Под его командой отряд, на конях, переправился через Кодор и стал безобразничать. Надобно было видеть эту «конницу», чтобы заклеить предательскую братоубийственную политику грузинского соц.-дем. правительства по отношению к Абхазии. Мирные, трудолюбивые греки, с исключительно грубо-утилитарными интересами, с интересами базара,—купли и продажи, чуждые каких-либо воинственных выступлений и абсолютно неспособные к этому, сажаются на коней, оседланных характерными седлами—соломенными балаганами, охватывающими спину лошади от хвоста до гривы, в коротких оригинальных анатолийских костюмах—эти кучие «кавалеристы», колыхаясь, двинулись выполнять дьявольский план меньшевиков. Глядя на эту «греческую кавалерию», страшную разве для самих смехотворных «всадников»,—этих трудолюбивых табаководов, лавочников,—не чувство гнева охватывало сознательных абхазов, а грусть и сожаление о том, что зияющая бездна между двумя народами—абхазами и грузинами—ширится и ширится, бездна эта делается безконечно глубокой, а потому непроходимой, но в то же время сильно верилось, что настанет время, когда эти адские планы по отношению к Абхазии—отойдут в область прошлого: река времен излечит раны этой многострадальной страны, и тогда свободная, без опеки, Абхазия, опять установит братское единение с грузинским народом. Веря в это, ни один абхаз не поддержал политику тифлисского правительства; оно бойкотировалось, его службы чуждались, как соприкосновения с зачумленными; ни один воин-абхаз не пошел в армию завоевателей. В „покоренную“ страну они назначают своих „чрезвычайных“ правителей-комиссаров. В стране устанавливается олигархия. Власти эти объявляют абхазов опять „виновным населением“; очевидно, лавры русских экзекуционных усмирителей не дают покою тифлисской власти. Если при власти

первых «решено было не позволять абхазам селиться между рекой Кодором и Псирцха», то теперь, при демократических умиротелителях, в этих пределах нельзя было абхазу показаться, и в течении 6-ти месяцев на Кодоре стояли воинские части, которые не пускали абхазов в Сухум. И только, когда антантисгы явились на Кавказ, они, осведомленные о безобразиях грузинских властей в Абхазии, потребовали освобождения всех заключенных абхазских деятелей из Метехского замка, а также изменения политики в отношении к абхазам, дав им самим выбирать себе начальников и т. д. Чтобы окончательно не оскандалиться с Абхазией, они подыскивали в окружные комиссары (позднее он был переименован в генерал-губернаторы) местного самурзаканского уроженца Арзакана Эмухвари. Этого олигарха из Тифлиса Н. Лакоба в «*К истории революционного движения в Абхазии*» характеризует, как «*тупоголового политического оболтуса и жвачку*»*).

Не будем распространяться о том, как встретило абхазское население приход Советской Власти, но когда Ревком Абхазии послал «*Всем Советским республикам Кавказа и всем, всем, всем*» следующую телеграмму об об'явлении Абхазии Республикой: «*Волею трудящихся родилась новая Социалистическая Советская Республика Абхазии.*

Советская Республика маленького народа служит наглядным примером великой освободительной роли Красной Армии и является новой пощечиной, которую нанесла Великая Октябрьская Революция угнетателям малых народов, империалистам всех стран и их лакеям, социал-предателям.

*) А Эмухвари, из воспитанников духовной семинарии, с виду напоминает благочестивого инока: не даром он пошел в «бурсу», «отвергся мира плоти, призрел доброту телесную и мимоходящую тленную славу, избрав житие бессмертное, прискорбное и жестокое». И вот, вместо того, чтобы после духовного образования идти по призванию:—благовейно совершать богослужение, сопровождая его «умилительнейшим антифонным пением». что вполне гармонировало-бы простоте и смирению, которыми запечатлена вся внешность этого «инока», он, осененный нечистой силой, согласился итти в «*послушники*», министра т. е. сделаться генерал-губернатором Абхазии. И вот перед приездом англичан его наряжают в черкеску, такую же длинную и свободную, какую он думал надеть, «вступил в иную нравственную атмосферу, вознося дух свой над плотью». Какая для него разница—в длинной ли рясе класть три поклона, нагибаясь в три погибели пред преосвященным, или-же эти поклоны смиренно положить перед дверми министра внутренних дел? Вот такой никчемный тип выполнял роль приказного министра внутренних дел, своею трусостью, бестактностью, осложняя еще более отношения абхазов к грузинам. Ко всему, этому он совершенно не владел абхазским языком; впрочем, народ его не видел и видеть не хотел.

Не будем распространяться о том, как встретило абхазское население приход Советской Власти, но когда Ревком Абхазии послал „Всем Советским республикам Кавказа и всем, всем, всем“ следующую телеграмму об оя'влении Абхазиии Республикой: *Волею трудящихся родилась новая Социалистическая Советская Республика Абхазии.*

Советская Республика маленького народа служит наглядным примером великой освободительной роли Красной Армии и является новой пощечиной, которую нанесла Великая Октябрьская Революция угнетателям малых народов, империалистам всех стран и их лакеям социал-предателям.

От имени трудящихся молодой Советской Абхазии шлем горячий привет Великой Рабоче Крестьянской стране Советской России и всем Советским Республикам.

Мы рассчитываем на братскую поддержку всех Советских Республик и выражаем уверенность, что Соц. Сов. Республика Абхазии в союзе с ними будет с честью отстаивать великие завоевания Российской Раб.-Крест. Революции и помогать делу соц. революции во всем мире.

Да здравствует братский Союз Раб.-Крест. Советской Республики*, — то народ воистину воспрял духом. Он, зная цену своих страданий, понял, что эту республику он выстрадал. На первом крестьянском съезде, выдающиеся ораторы—крестьяне, охваченные энтузиазмом, восхваляли это благословенное время, когда они увидели свою страну свободной Республикой. Они отметили, что грубый, жестокий период национальной травли исчез с появлением Советской Власти.

Вот почему на выборах в Российское Учредительное собрание в 1917 г. Абхасский Народный Совет, имея в своем составе только одного большевика, вынес следующую резолюцию: «Обсудив вопрос об Учредительном Собрании и разобрав программу каждой социалистической партии,—Абхасский Народный Совет голосами всех присутствующих против одного постановил: в владу того, что список грузинских соц.

* На такую телеграмму последовала „Декларация Рев. Комитета Соц.-Сов. Республики Абхазии, где говорилось, что меньшевистская власть, будучи по существу властью Грузинской буржуазии, наряду с угнетением трудящихся Грузии с особенной силой подавляет властское проявление революционной самостоятельности национальных меньшинств“ и далее подчеркивалось, что „Советская же власть принципу угнетения противопоставляет принцип равенства и братского союза всех трудящихся без различия наций.

дем. (меньш.) и персональный состав его, вступивши с разными националистическими партиями (нацдем., федералистами), далек от чистодемократических идеалов, а скорее всего пропитан духом национализма, — отказаться от голосования этого списка и сообщить об этом народу абхазскому. Но ввиду того, что нужно голосовать за список одной социалистической партии, — Совет признал список соц. дем. (большевиков), как более последовательных в защите *прав национальных меньшинств*; и постановил привлечь к этому абхазский народ*.

Это потому, что Советская правда о правах национальных меньшинств победила неправду Грузинских меньшевиков, имевших иную идеологию в разрешении этого вопроса. Вот почему со дня установления Советской власти в Абхазии, со дня объявления Абхазии самостоятельной республикой, здесь сразу наступает время анационализма, — национального индифферентизма, — так свойственного природе абхаза. Это потому, еще раз повторяем, что национальный вопрос получил соответствующее справедливое разрешение.

Самурзаканцы или Мурзаканцы, Абхазия после долгого периода царей стала, начиная с XVII века, управляться владельческими князьями из фамилии *Чачба*, (по грузински Шервашидзе). Первым владельцем из этой фамилии был *Кван*. У него были наследники: *Росто*, *Леван* и *Мурза* — хан, (по восточному) по абхазски *Мурзаган* или *Мурзакань*. После смерти *Квапа* Абхазией стал править старший сын его *Росто*, который дал одному брату, *Левану*, в удел часть Абхазии от *Кодора* до *Охурей*, т. е. *Абжуа*, а другому, *Мурзакану*, от реки *Охурей* до *Ингура*. Эта часть Абхазии с этих пор стала носить имя своего правителя, потому и называлась *Мурзаканью* или *Самурзаканью*, абхазы же этого владения стали называться *мурзаканцами* или *самурзаканцами*, так же, как абхазы *Гудаутского округа* — *Гудаутцами* или *Бзыбцами*, *Дальского* — *Дальцами*, *Цебельдинского* — *Цебельдинцами*, *Гагринского* — *Гагринцами* и т. д.

*) Единственно верным средством изживания национальных предрассудков и закрепления действительного союза трудящихся она считает *право нации на самоопределение*, превозглашенное Великой Октябрьской Революцией.

Исходя из этого Революционный Комитет Соц. Сов. Республики Грузии признает и приветствует образование *независимой Соц. Сов. Республики Абхазии*.

Такое территориальное название отдельных областей Абхазии ввело в заблуждение многих этнографов и бытописателей, так мало вникавших в суть дела. Заблуждение доходило до абсурдности: появились какие то *дальские племена, чебельдинские, бзыбские, самурзаканские* и таких племен стало столько, сколько было отдельных территориальных округов и областей в Абхазии. Между тем все они были населены исключительно абхазами, которые вели свою национальную линию за много веков до Рождества Христова. В таком положении оказались и самурзаканские абхазы, окончательно переименованные «*Божею Милостью*», Николая I (1840 г.) в «*самурзаканское племя*», — «*любезное*», ему, (так говорилось в грамоте царя, присланной Самурзаканской Абхазии) «*за присущее примерное мужество, оказанное ополчением своим в отряде против дальцев при водворении спокойствия в Дале*». «*В ознаменование благословения*», Государя им было пожаловано знамя, которое «*повелено было употреблять на службу самодержцу*», «*с верностью и усердием*».

Это позорное знамя и грамота, позорное и гнусное со стороны Государства, небрезговавшего никакими средствами в натравлении брата на брата, — печальное и грустное со стороны самурзаканских абхазов, — за чины, аксельбанты, медали и кресты своих главарей, поднявших оружие против своих сородичей — дальцев, — этих рыцарей без страха и упрека, этих носителей светлой правды в отстаивании священных прав своих, — эти регалии русского деспота до сих пор хранятся в центре Самурзакани.

Автор книги: «Руководство к познанию Кавказа», путешествуя по Кавказу, проезжая Гурию, Имеретию и Мингрелию, побывав в первых годах 19-го столетия в Самурзакани. Свое описание он начинает так: «С Ингура начинается Самурзакань, теперь область Русская, имеющая жителей совершенно различных нравами от Мингрельцев. Эта страна донныне спорная между Абхазией и Мингрелией: по положению, языку и поколению жителей неотъемлемая частица Абхазии». Далее автор пишет о притязании князей Дадриан на эту область Абхазии: Он говорит: «Мингрелия, зная любовь

*) Селезнев, проезжая Анаклию в 40-х годах, пишет: «Прежде с Анаклия начиналась Абхазия, владетель которой — Мурзакань имел здесь резиденцию в XVII в.»

к себе России, хлопотала об утверждении этой страны собою». «Повод к этому открылся», — продолжает автор — очевидец — «Главкомандующий генерал Розен присоединил Самурзакань к Мингрелии. Князь Леван Дадиан донес, что в древние времена Самурзакань, несомненно, принадлежала его предкам, но обстоятельства дали ей возможность отторгнуться и присоединиться к Абхазии. Самурзакань служила как бы наградой за преданность Дадиана», — заканчивает автор.

Теперь ясен смысл и странный повод такого присоединения Самурзакани к Мингрелии; конечно, по одному «доносу», князя Дадиана о том, что будто Самурзакань принадлежала его предкам — Розен не мог издать приказа о присоединении ее к Мингрелии, вед Дадиан мог такой же «донос», сделать в отношении Кабарды, Чечни, Дагестана. Тут просто империалистические планы России требовали того, чтобы Дадиан «донес», и за «его преданность к России» присоединить Самурзакань к Мингрелии, т. е. в сущности к России, так как и Мингрелия была уже областью русского царя. Как отнеслось население к этому присоединению? Очевидец продолжает: Но Самурзаканцы не слушались и ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновников Дадианов. *«Мы Абхазы, а не Мингрельцы, зачем ставить над нами власть, которой не знали и не хотели знать; пусть законы Дадиана делают несчастными его подданных, довольно ему и тех; Русские, верно, не пойдут в наши горы;»* так фиксирует возмущение населения автор, проживая в это тревожное время среди абхазов. Продолжаем цитировать эти ценные сведения очевидца: «Уверяя так друг друга, они спешили через Ингур в Мингрелию, к Зугдиды, отгоняли стада Дадиана и захватывали людей в неволю. Словом, они самовольно объявили войну Дадиану. Таким шалостям не было конца. Дадиан только грозил, — продолжает автор, — но наказать Самурзаканцев был не в силах; они же смеялись над его слабостью и говорили: «*пусть прицет пробовать наши шашки и пули, первые остры, вторые верны.*». Буйства усиливались, и потому Русские, вступив под начальством генерала Ахлестышева в пределы их, привели тотчас в повиновение», заканчивает автор. О дальнейшем течении этого вопроса он пишет: «Самурзаканцы, смирившись пред русскою силою, однакож не признавали Дадиана. Они говорили: *«хоть режьте, мы не знаем другого владельца, кроме своей*

свободы, мы Абхазы, а не Мингрелы.“ Далее автор — очевидно говорит: «Такая решительность Самурзаканцев, несмотря на увещания, силу, до разрешения вопроса сделали русскою областью, под управлением пристава, живущего в Бедии» — заканчивает автор. Конечно, этого и нужно было русским завоевателям: они создали повод, чтобы подчинить себе эту область Абхазии. После этого русские и заставили Самурзаканцев совершить величайшую подлость по отношению своих братьев — дальцев. Автор по этому поводу пишет: «Царь русский, полюбив ее (т. е. Самурзакань), как родную, назвал областью, дав в награду верности и преданности, кроме многих наград народу, еще знамя. Теперь Самурзаканцы, живя в законах русских, не трогают мингрелов», — заканчивает автор интересные сведения, чему он был свидетелем 80 лет тому назад.

Вот краткая повесть о том, как население этой восточной части Абхазии, — народ такой же традиционный, как все абхазы в отстаивании своей боевой старины, был канцелярией царя переименован в «самурзаканское племя», которое в сущности не существует ни для истории, ни для этнографии, ни для лингвистики; но зато сколько поводов создалось для наступательного национализма, чтобы создавшееся положение использовать для ускоренного проведения всех видов ассимиляции этого, по выражению Селезнева «с вольным духом народа». Интриги, доносы заингурских приверженцев русского самодержавия отторгнули свободолюбивую Самурзакань от всей Абхазии, — тогда еще вольной, и следали — „приставством“ державного царя. Изгоняемые до этого дадиановские чиновники, вновь нахлынули на Самурзакань. Эти гражданские чиновники, священники, учителя, общинные писцы, урядники и пр. все были заингурские жители, уже сроднившиеся у себя с порядками приставства. В чем проявилась работа этой теплой, однородной по задачам компании? Автор книжки „Абхазия — не Грузия“ дает подробный ответ удивительно-методичного, настойчивого, быстрого, согласованного проведения ими всех преимов ассимиляции. Самурзаканцы постепенно начинают забывать свой родной — абхазский язык, они должны были научиться языку, — так необходимому в разговоре с чиновничьим миром, — с приставами, урядниками и священнослужителями.

В книге «Абхазия—не Грузия» и в труде К. Мачавариани приводятся интересные факты переделки абхазских имен в Самурзакани на мингрельский лад. Мы полностью приводим это, тем более, что такая переделка наблюдается во всей Абхазии. Абхазские названия поставлены впереди:

Ачба—Анчбая (Анчабадзе).

Чачба—Шарашия (Шервашидзе).

Маршань—Маршания.

Эмхи—Эмухвари.

Чабалурхва—Сотискуа (Сотишвили).

Дзепш-ипа—Дзепшскуа (Дзейшвили).

Инал-ипа—Иналискуа (Иналишвили).

Маан—Маргания.

Лакр—Лакербая.

Жван—Жванбая.

Акирта—Акиртава.

Эшба—Эшбая.

Микамба—Микамбая.

Килба—Килбая.

Вардан—Вардания.

Шамба—Шамбая.

Капба—Капбая.

Какуба—Какубава.

Зухба—Зухбая.

Шакрыл—Шакирбая и т. д.

Мы еще раз обратили бы внимание почтенного проф. Хаханова на это обстоятельство и задали бы ему вопрос—кто кого ассимилировал? Чей «более гибкий язык» поглотил менее доступный? Обидно делается, что люди науки, как и руководители государственной судьбой, в области национальных стремлений зашли так далеко, что оказались в полном противоречии со всеми остальными культурными и научными идеалами. Вед в конце-концов, национальное чувство подходит к категории инстинктов, так свойственных животному миру, а потому, если разум над ним не властен, то он переходит в «зоологический национализм».

Так или иначе, агрессивный национализм в Абхазии был применен и получил здесь удивительные и печальные выражения, т. что и теперь требуется величайшая осторожность,

величайшая справедливость для его дальнейшего разрешения. Вот почему приходится еще раз отметить мудрость Ревкома Абхазии, объявившего Республикой Абхазию.

Какую же работу вели в Самурзакани сторонники наступательного национализма? После русской революции, когда абхазский народ явно выявил свою национальную суть, столь неприятную для грузинских шовинистов и стал сговариваться с самурзаканским населением о вхождении в союз объединенных горцев, то по жалобе местных священников, — этих шейхов от православия, и других агентов тифлиссских шовинистов, — последовало оттуда распоряжение о выделении из Абхазии Самурзакани и присоединении ее к Кутаисской губернии с подчинением губернскому комиссару В. Чиквишвили. Но в виду протеста населения этого уезда и отказа его от подчинения зарубежному губернскому комиссару — через два месяца Самурзакань опять вернули в родное русло. До этого Самурзаканское духовенство отделилось от абхазского епископства и признало католика Грузии. В 1918 г. во всех селах Самурзакани открылись грузинские школы. Абхазский Народный Совет первого созыва, — отвечавший всем чаяниям и взглядам абхазского народа, ко всей этой работе агрессивных националистов отнесся вполне равнодушно, разумно предоставив самому самурзаканскому населению реагировать, как ему угодно.

Сознательные сыны Самурзакани, исключая одного, двух отщепенцов, — „нукеров“ тифлиссских министров, выразили явное несочувствие всему этому. Все они говорили, что Самурзаканцы — абхазы, а потому территориальное и культурное отторжение их от всей Абхазии находили величайшей несправедливостью, всюду протестовали и указывали на безумие тифлиссских шовинистов, не в меру увлекшихся скверным национальным стремлением, а потому идущих против элементарных прав абхазской нации.

Такие просвещенные Самурзаканцы, как инженер Какуба, присяж. повер. Зухбай, ученый лесовод Гамисони, доктор В. Ачба, Е. Эшба, Н. Акиртава и много студентов и студенток не разделяли абсолютно политику аггресистов по отношению Самурзакани.

Не менее диким поступкам шовинистов был вопрос о

национализации школ. Сухумская учительская семинария, где обучались сыны всех народностей Абхазии, была национализована, а потому весь курс грузинами проходилась по грузински, абхазами на абхазском и русском языках; воспитанников самурзаканцев обязали проходить по грузински.

ЭМИГРАЦИЯ.

„Пришли и грозный Кавказ покорили,
Огнем и мечом порядок установили“.

(Из стих., по поводу юбилея сановного лица).

Величайшая в мире несправедливость, какую только знает история национальных катастроф на обоих полушариях земного шара, постигла абхазскую нацию и с нею черкесский народ. Никакое перо, никакие грамматические степени сравнения недействительны в передаче картин насильственных выселений этих племен; картин их величаво-красивой титанической борьбы с *Северным колоссом*, с этим грубо-верным орудием самодержцев в удушении народной воли, его чаяний, его идеалов, его свободы.

Описание всего этого не входит в нашу задачу, а потому здесь только нужно упомянуть, что *западно-горские племена*, изнемогая в неравной борьбе, снарядили посольства в страны Западной Европы с протестом против истребительной политики русских завоевателей. „Историческая записка“ об этом говорит так: „В последний период борьбы черкесы решились отстоять свою независимость не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергичным обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе с оружием пала на абадзехов, то убыхи, не уступавшие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу дипломатических переговоров. До некоторой степени они были приспособлены к такому роду деятельности, живя на берегу моря. Для управления союзом был учрежден *меджлис*, которому было дано название *Великого Свободного Заседания*“.

Во главе посольства стоял Измаил Баракей ипа-Дзяпш — из абхазских племен (убых), который, по словам истории, „удачно разыгрывал роль дипломата“. Делегация побывала в Париже и Лондоне.

Десять лет тому назад, в 50-летие покорения западного Кавказа в английских газетах были напечатаны воспоминания об этой делегации.

В то время война русских с горцами была очень популярна в Западной Европе. Европейцы были поражены рыцарством горцев, а потому делегаты этих сверхчеловеческой храбрости народов с их красивыми оригинальными костюмами, вооружением, грациозным видом, приемами вежливости— произвели в Европе фурор. Газеты Лондона много писали в своих воспоминаниях об этих «джентльменах Кавказа». Англичане предложили делегации признать английскую власть, за что последняя с оружием в руках обещала защищать их территорию от русских. Гордые представители абхазо-черкесских племен ответили, что они не желают знать никакой власти над собой, кроме своей свободы. «Как русская, так и английская власть одинаково противна»,— ответили они. Делегация вернулась, дело было предоставлено решить оружию и оно разрешило не в их пользу.

В разное время абхазских племен было выселено в Турцию до 4-х сот тысяч человек обоего пола, а черкесских до 2-х миллионов человек.

Одряхлевшая Турция давно сошла бы со сцены, если-бы в нее не влилась такая живая сила. Ведь отсюда ушел лучший, боевой, протестующий элемент населения.

Что же представляют из себя эти выходцы Кавказа в Турции?

Боевые, отмеченные историей других народов, полководцы турецкой армии—абхазы или черкесы. Такие исторические имена, как маршал Фуад-паша, знаменитый генерал кавалерист-Ахмет Абук-паша, морской министр Хуршит-паша, Назым-паша Басарь (командовавший турецкой армией в Балканскую войну), Исуф Иззет паша,—европейски ученый историк и лингвист,—защитник Дарданелл в эту войну, Надыр-паша, Гогуа-паша, Фези-паша (начальник штаба Ангорской армии), Сулейман-паша Чачба (командовавший Дунайской армией). и еще десятки, сотни полководцев—все изгнанники с нашего побережья.

Не мало также гражданских деятелей и ученых из абхазов. Из них: профессор с парижским университетским образованием Азиз-бей Мкерипа (выходец села Бибердовского), сейчас представитель Ангорского правительства в Москве; профессор Мустабей Бутба (выходец Дала); ученый моряк с английским морским образованием Рауф-бей Ашхаруа (из Гагр), он командовал знаменитым крейсером «Гамидие», на шумевшим своей неуловимостью и дерзостью по Средиземному морю в Балканскую войну, был морским министром по окончании Европейской войны в кабинете англomана Тефика-паши; Хусейн Тосун-бей — президент черкесо-абхазского меджлиса, всесторонне-европейски образованный, крупный политический деятель, один из инициаторов турецкой революции, проведший 11 летнюю ссылку в Триполи при Абдуле-Гамиде (выходец из Очемчир); Решит-бей — внук знаменитого Гечь-Решит (садзуа); Барциц-европейски образованный знаток парламентского дела (Бзыбский); женщина художница, дочь Асланбея Ачба, в 1918 году вернулась из Америки, куда ездила со своими художественными произведениями, в том же году были выставлены ее картины в Пере, а также много докторов, инженеров, пилотов и других специальностей из абхазов.

По переселении в Турцию абхазы и черкесы сразу заметили результаты грубой турецкой ассимиляции, а потому созвали свой парламент — «меджлис», члены которого были Абдул Гамидом частью перевешены, частью сосланы в Триполитанскую пустынь. Антогонизм между турками и ними возрастался и принимал острые формы. Когда пантуркисты убили Назим-пашу, командовавшего армией в Балканскую войну, в отместку абхаз Селим-паша Квацба убил великого визиря Шевкет-пашу.

Черкесский меджелис вновь был открыт после Турецкой революции. В настоящее время меджлис регулярно собирается, созывая иногда „Энджумен“ («великое народное собрание абхазов и черкесов»).

Меджлис послал вначале европейской войны на конгресс всемирной лиги защиты малых нации своих делегатов. По окончании империалистической европейской войны меджлис вместе с дипломатическим представителем горских народов Кавказа вручил меморандум с изложением чаяний абхазо-чер-

кесского народа в Турции миссиям всех держав, а также послал своих делегатов в Европу на конференцию.

Чтобы окончательно не ассимилироваться проф. Бутба составил абхасскую азбуку с латинским шрифтом, по которой и проходится грамота в абхасских селах Турции; к слову сказать, все эти села носят названия тех сел Абхазии, откуда вышло население их, напр.: „Джгерда, Чилоу, Дал, Ачандара, Уарча, Адзюбжа, Эшира“ и т. д.

§ 11. Народное образование.

Первый букварь на Абхазском языке был составлен в 1862 г., но за неимением школ и учителей абхазов, народное образование в Абхазии приобретает право гражданства только в девяностые годы. В 1890-9 г. г. уже во всех селах Абхазии правильно функционировали разного типа русские школы. Здания под школы были построены на местные средства; вообще, на расходы по народному образованию села не скупились, никто из народа не заикался сказать, что школы ненужны, всем ясно было, что школа необходима, как воздух. В эти годы школы были переполнены детьми обоего пола, но вот через 15-20 лет, после их открытия, население высказывает свое мнение о непригодности этих учебных заведений и о желаемом типе школ*). Это было в первые годы «раскрепощения» абхазов, т. е. после снятия с них ярма „виновного населения“. С этого времени им стали разрешать устраивать съезды и обсуждать свои нужды.

Существующие у нас,—говорили представители населения,—одноклассные и двухклассные училища мало дали нам пользы. В этих школах дети научаются еле—еле подписывать свои фамилии. Русскому языку не научаются, книг вне школ не читают. Развитие их ниже тех ребят, которые остаются у сохи. *Полученных знаний в школе совершенно не умеют применять к жизни.* После школы они неохотно и неумело берутся за физический труд, предпочитая ничегонеделание. Мы хорошо сознаем пользу учения,—говорили далее делегаты абхазских сел,—но, к сожалению, существующие уже более 15 лет сельские школы мало способствуют нашему стремлению к образованию. Так как мы не можем отдавать своих

*) „Кубанская школа“, 1915 г., № 3 Съезд Абхазского населения 20 августа 1913 г. в сел. Моквы.

детей в разные города для пополнения в селе полученных знаний, то нам нужны в селах такие школы, которые бы законченное, пригодное к жизни, образование; нужно, чтобы окончивающие школу были выше по образованию, воспитанию и подготовке к жизни, чем совершенно необразованный абхазец, чего настоящие школы не дадут. Школы должны так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались теми занятиями, которыми занимаются их отцы — земледелием, садоводством, скотоводством; ныне же получающие русское образование юноши считают за позор черную крестьянскую работу. Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями.

Так Абхазский народ еще десять лет тому назад своей природной мудростью осудил старую школу и потребовал иную, новую школу.

С 1905 года Кавказский учебный округ обращает более серьезное внимание на просвещение Абхазии. Во всех Закавказских учительских семинариях были открыты стипендии для абхазов, — будущих учителей народных школ, помимо этого в Сухуме была открыта учительская семинария. В сельских школах абхазский язык стал проходиться наравне с русским, а также изучение Абхазского языка было сделано обязательным в средних учебных заведениях Абхазии. Число учителей с педагогическим образованием быстро стало возрастать, но с 1918 г., со дня утверждения в Абхазии меньшевитской власти все изменилось к худшему: все стипендии в закавказских семинариях были отменены; Сухумская учительская семинария была на половину национализирована по грузински, все народные школы Самурзаканской Абхазии также были национализированы; помимо этого во всех средних учебных заведениях Абхазии грузинский язык был сделан обязательным, а абхазский вытеснен.

В таком печальном виде застала Советская власть абхазские школы. При новой власти все школы были преобразованы в трудовые и таких в Абхазии сейчас 214 школ. Учительская семинария также была преобразована в педагогический техникум. Всем национальностям Абхазии были даны широкие права в области обучения своих детей в родных школах. Маленькая Абхазия большими шагами пошла на путь

просвещения, так например, она в первый год советизации имела в разных высших учебных заведениях Тифлиса и Москвы более ста степендиантов.

При Наркомпросе было налажено „издательское дело“, были изданы новые учебники на Абхазском и русском языках, а также разные труды по абхазоведению на русском языке; далее приступлено к изданию серьезного хрестоматийного и беллетристического материала на родном языке, а также будут изданы политические брошюры на местных языках.

Пошла работа и в области научной мысли. В 1922 году было организовано «Абхазское научное общество», которое всесторонне изучает Абхазию и окружающие ее местности, теоретически разрабатывает научные вопросы по всем отраслям знания. Общество имеет сто пятьдесят членов.

В. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

§ 12. Земледелие.

После объявления абхазов «виновным населением» лучшие их земли—нагорные полосы,—альпийские луга были обращены в «казенные». В Культурной же полосе такая же участь постигла крестьянские земли: поудобнее из них для земледелия были отобраны и розданы в собственность частным лицам, главным образом, абхазскому привилегированному сословию; самих же крестьян—абхазов, лишив прав на землю, селили на худшие места, где они и образовали *земельные общины*. Вся земля принадлежала этой общине, но каждый двор самостоятельно хозяйничал на принадлежащей ему пахотной земле, усадьбе, с прилегающим к нему лесом. Особой разверстки не было, но такое распределение или наделение каждого в пользование известным количеством земли делалось по соглашению общины. Ко всему этому надо сказать, что крестьяне-абхазы живут хуторами, разбросанными на большом друг от друга расстоянии. Привычка жить изолированной жизнью сложилась у них чисто исторически с незапамятных времен. Царская власть видела в этом нечто, способствовавшее вечному беспокойству абхазов, а потому принимала меры к разрушению хоторской жизни их; так при главнокомандующем Кавказом кн. Дондукове-Корсакове был

проект сгруппирования абхазов. Вопрос этот по словам бинского «был поставлен ребром». Это было в то время, когда с абхазами обращались бесцеремонно, а потому „абхазы с этим уже было совсем примирились“. Но после отъезда Дондукова-Корсакова, его заместитель ген. Меликов посетил Абхазию и, благодаря мягкосердечию, в силу антипатии к жестокой ломке быта абхазов—отметил предшествовавшие работы“. Теперь абхазы продолжают опять жить хуторами и эта любовь к обособлению своего хозяйства настолько велика и крепко внедрилась в душе их, что, даже, хоронят они своих покойников на отдельных кладбищах. Такие фамильные кладбища, также разбросаны на дальнем расстоянии, как и поместья их.

После снятия с абхазов, как говорилось в указе,—«позорного имени виновного населения» (1905 г.) к ним применили «Указ 9 ноября». Это тот самый знаменитый указ, который поднял такую бурю в Государственной Думе: он проводил в жизнь обширный план землеустройства. Согласно этому закону каждому общиннику давалось право закреплять в собственность все земли, приходящиеся на его долю и каждый абхаз*) получал право распоряжаться землей по своему усмотрению. После ряда церемоний по объявлению этого нового закона населению, власти приступили к его осуществлению, но русская революция не дала возможности провести его в жизнь.

Единственными частными собственниками, на которых гнев властей не был распространен, были абхазские дворяне. Крупные землевладельцы—князья сдавали свои земли арендаторам—мингрельцам, которые платили владельцам $\frac{1}{4}$ урожая; позже земли эти стали сниматься армянами под табак.

Преобладающим родом занятий у абхазов в старину было скотоводство, а земледелие имело подсобный характер. С утверждением здесь русской власти, с тех пор, как создались стеснительные условия на счет земель и пастбищ, -скотоводство принимает характер подсобный в хозяйственной деятельности абхаза, а земледелие является конечной целью его хозяйственного благополучия.

*) Этот закон не касался других наций Абхазии, живших на общинных началах, т. к. они с самого начала поселения считались собственниками отведенных земель.

Главным зерновым продуктом возделывания является кукуруза, для которой условия почвы и климата вполне благоприятны в Абхазии. Способ и орудия обработки земли под кукурузу самые примитивные: преобладают деревянная соха и плетеная борона; эти первобытные орудия население охотно меняет на более усовершенствованные плуги, коими уже половина Абхазии пользуется умело, а остальные за неимением возможности приобрести маленькие плуги, пригодные для здешней поверхности земли, продолжают обрабатывать землю первобытной сохой. Правда, природные условия некоторых местностей таковы, что только сохой можно вспахать землю. Об *эстенсивной* системе (при которой труд человека играет подчиненную роль по сравнению с силами самой природы) и замене ее *интенсивной* (отличающей планомерным приложением научных знаний), как это уже практикуется в Кубанской области, даже среди черкесов и абхазов (абазинцев), здесь при отсутствии показа тельных систем хозяйства и заброшенности страны, не может быть и речи.

Даже такие культиваторы, как немцы и эстонцы — колонисты Абхазии, с трудом приобретают усовершенствованные орудия труда, так как здесь нет тех многочисленных складов сельско-хозяйственных машин с льготными условиями их приобретения, какие имелись на юге России. Другой ближайшей причиной земледельческой отсталости Абхазии является *малоземелье коренного населения — абхазов* и неблагоприятные политические и природные условия землепользования. Эти причины поставили землепашца в такие рамки, что здесь земля в хозяйстве не получает различного хозяйственного назначения, как это делается в более или менее культурно поставленных системах землепользования, где важнейшими угодьями являются пашни, луга, выгоны и леса. Местный крестьянин не мог, согласно своим интересам, сделать это распределение: стеснительные правительственные условия окончательно сковали его по рукам и ногам, он лишен был даже возможности поддержать самобытную культуру в землепользовании.

В 1910 г. площадь посевов зерновых хлебов, главным образом, кукурузы в уездах Кодорском, Самурзаканском, Гудаутском и Гумистинском выразалась около 50 тыс. десятин.

Второстепенные хлеба—пшеница, просо, фасоль занимали сравнительно ничтожную площадь.

Урожайность в разных уездах Абхазии неодинакова: выше всех стоит Гумистинский уезд с преобладающей черноземной почвой, затем Самурзаканский, потом Кодорский, наконец, Гудаутский и Гагринский. Все-же крестьянство Абхазии не только прокармливает себя, но их кукуруза является главным вывозным продуктом.

Технические растения.

Посевам технических растений—льна, конопли, хлопка и табака сравнительно с кукурузой уделялась незначительная площадь земли.

Лен и конопля. В старину лен и конопля занимали очень видную роль в хозяйстве абхаза и их сеяли в большом количестве, причем все операции с волокнами прядельвались очень умело и все шло для хозяйственных надобностей. Но с появлением фабричных изделий, кустарную обработку льна и конопли нашли бесполезным, а потому теперь эти растения мало сеются.

Хлопок. Хлопковое дело и сейчас в Абхазии поставлено сравнительно хорошо; нет хозяйства, где хлопок не сеялся бы в количестве, нужном для хозяйственной необходимости. Разводится хлопок здесь с незапамятных времен из семян местного хлопчатника.

Почти весь урожай хлопка прекрасно перерабатывается внутри страны:—и прядение и ткань и отделка кустарным путем идет на обиход хозяйства. В каждом доме целые горы одеял, тюфяков, масса скатертей—все это продукты хлопка. Вывоз сравнительно незначительный.

Табак. Что касается табака, то в последние двадцать лет он приобрел исключительное право в экономической жизни населения Абхазии. Первыми пионерами разведения табака в крупных размерах явились сюда специалисты по табаководству—армяне и турки. Абхазы практиковали табаководство в количестве, достаточном только для их домашнего потребления. Кропотливый, тщательный уход, который требуется во время ломки листьев табака, их шнурования, развешивания на особых подвижных рамках, в особенности су-

шения—все это как то не вязалось с натурой горца-абхаза, и он долго являлся пассивным зрителем этого очень выгодного для других промысла, монополизированного исключительно анатолийскими жителями—турками, греками и армянами. Одно время крестьянин-абхаз стал было сдавать свою землю в аренду им. Но тут произошел перелом в мировоззрении абхаза и мингрельца; они взялись за этот трудный, но очень выгодный промысел и, конкурируя с отменными турецкими табаководами в возделывании табака, победили их в обработке этого важнейшего технического растения в смысле качественном и количественном и довели его до такого совершенства, что вытеснили турецких арендаторов с своей земли.

Поразительные результаты этого экономического возрождения в 1910 году выразились в следующем: число плантаций во всей Абхазии выражалось в 6750 — с общею площадью в десятинах 8457, 7, с урожаем в 544.240 пуд., по сортам он распределялся так: „Самсун“—434,060 пуд., «Трапезунд»—110.180 пуд. Это количество выработки табака вдвойне возросло с каждым годом, пока в 1918 г. Грузинское правительство продажу табака не сделало *монополией*, т. е. преимущественным правом своим. Это отразилось на дальнейшей судьбе табака. Назначенная монополярная цена была настолько низка, что абхазское население абсолютно перестало заниматься табаководством, тоже самое сделали мингрельцы, позже греки и армяне.

§ 13. Садоводство и виноградарство.

Разведение плодовых деревьев—это излюбленное занятие абхазов—существует издавна. Садоводство абхазами и черкесами в старину велось в обширных размерах. Великолепные сады,—гигантские плодовые и ореховые деревья,—свидетели совершенства этой отрасли хозяйства, до сих пор сохранились в Дальском ущельи, Цебеляде, Псху и, вообще, в местах, принадлежавших выселенцам абхазам в Турцию. В Абхазии совершенствовались лучшие сорта плодовых деревьев. По настоящее время славится местный сорт яблок, так на-

зывается, „железное“ или „абхазское яблоко“. Всевозможные виды других сортов яблок и груш разводятся во всей Абхазии. Не менее славятся персики Абхазии.

По понятиям абхаза—фрукты являются достоянием всех, а потому фруктовые деревья стоят обыкновенно поодаль от жилого помещения, около проезжих дорог. Помимо обыкновенных фруктовых деревьев в лучших хозяйствах Сухума, Афона имеются целые плантации мандарин, оливковых деревьев и прочих ценных насаждений.

Гордость и краса Абхазии—это сады. Из них славятся в Сухуме: ботанический сад, в котором растут тюльпанные деревья, эвкалиптусы, акации разных видов, маслинные деревья, сахарный тростник, декоративные деревья, лавровишни, лавры, камфарное дерево, бананы.

В этом саду есть интересные отделения:

1. Цитрарий, заключающий коллекцию лимонов, апельсинов, мандарин.
2. Грунтовый сарай для лимонов.
3. Северный склон, засаженный японскими мандаринами и кустами чая.
4. Померанцевый питомник.
5. Субтропический технический участок, где можно видеть каучуковое и гуттаперчивое деревья, индиго, рами, новозеландский лен.
6. Три чайных плантации.
7. Субтропический плодовой участок, где можно видеть земляничное, клубничное деревья и пр.
8. Наблюдательный участок.
9. Испытательный питомник.
10. Показательный участок (табак, рис, хлопок, индиго бананы и др.). Сейчас сад имеет запущенный вид.

Другие сухумские сады по своему великолепию были несравненными во всей России. Сад „Синоп“ поражал своим волшебным убранством и богатством экземпляров редких красот субтропической и тропической природы посещавших этот волшебный уголок европейцев.

Чего только здесь нет?

Камелия и мирты образуют кругом сада его бордюр. В самом саду большой выбор благородных смирнских *фиг*, кусты *бенгальской розы*, *благородный лавр*, *ново-зеландская конопля*, *камфарные деревья*, *драцены*, *азалии*, *пробковый дуб*, здесь же *белая береза*, *китайская хурма*, целое море разных цветов, *пальмы всех видов* и пр. пр.

Кроме „Синопа“ имеются сады Рук вишникава, Смецкого, Ноева и др., все они уже третий год сильно страдают. В дни гражданских праздников из „Синопа“ вывозились на грузовых автомобилях и телегах срубленные ценные деревья и цветы для украшения зданий разных учреждений, памятников, мест собраний и зрелищ.

Виноделие: Виноделием Абхазия славилась еще в старину. Тогда здесь был распространен, ныне заброшенный, особый сорт винограда „Ацъсуа-ж“ (абхазский виноград), кисти которого держались на деревьях до января.

Прекрасные природные условия дают возможность получения здесь всевозможных типов и сортов винограда. Преобладающий сорт винограда „Аһардыв-ж“.

Бзыбские абхазы, лучшие виноделы страны, развели массу местных сортов, количеством до 35—40, (в числе них славится сорт „качич“). В этом уезде Абхазии под виноградниками занято 15.423 дес. с общим сбором винограда в один год 1.142.600 ведер.

Виноградная лоза в Абхазии вьется по большим высоким деревьям, по когорым могут лазить только мужчины. Собранный виноград в особых местных конусообразных корзинах («Амѳѳ») спускают по длинным веревкам.

Необыкновенную красоту представляет дерево в тот момент, когда созревшие виноградные кисти рдеют, заглушая зеленую листву.

Каждый крестьянин в среднем получает в год несколько десятков, а то и сот ведер. Вино здесь служит повседневным напитком, оно сохраняется в бочках и больших зарытых в земле кувшинах.

§ 14. Скотоводство.

До завоевания Абхазии русскими занятие скотоводством здесь являлось первостепенной отраслью хозяйской жизни населения. Богатейшие альпийские луга нагорной полосы Абхазии, постепенное улучшение породы скота путем обмена с черноморскими черкесами, загорными кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, абазинцами, а также с ардаганскими мусульманами—все это являлось фактором количественного и качественного улучшения и поддержания скотоводства, как крупного рогатого, так и мелкого.

Тонкие, изящные, трепетные абхазские кони славились на Востоке наравне с арабскими. Как скакуны они были вне конкуренции. На всех крупных состязаниях славлюбивых восточных народов, абхазские кони никому не уступали пальму первенства в спортах: „Аѳѳѳра“ (скачки) и „Аѳаѳѳѳ“ (бой на дыбах). В последнем умные кони, воинственно настроенные в униссон седокам мелодией хвалебной песни „Аѳѳ-зар“, лукаво снимали зубами или передними ногами седока противной лошади.

Точно также абхаз уделял большое внимание своим малорослым, но живучим коровам. В честь их в старину народ в году отмечал „благословенный день коров“—„ѳабран“. Не менее в почете у него были сильно мясистые и молочные овцы и козы, день их в году назывался—„ѳабран“. Вот почему абхазы, уделяя главное внимание более выгодному и любимому для них скотоводству при благоприятных условиях их разведения—этот род занятий сделали преобладающим, придав земледелью подсобный в хозяйстве характер. Характерно то, что в скотоводстве абхаз находит не грубо утилитарный смысл, а нечто другое, отвечающее его психическим особенностям, нечто красивое,—соответственно гармонирующее общей внешней красоте.

Лошадь и ягненок у абхаза и черкеса—в несравненном почете: первая является символом его гордости, чести и, даже, поэзии; удар, нанесенный коню, равносителен оскорблению хозяина его. В дни торжественных праздников, в дни—отме-

ченные душевной радостью примирения „кровников“, отирают в подарок ягненка, как символ мира и кротости. Все это пораждало любовь к домашним животным и способствовало поддержанию и улучшению скотоводства. Но как только „пришли“... «покорили»... «огнем и мечем порядок установили», так эта отрасль народного благосостояния также постепенно идет к упадку, к гибели.

Что же произошло со скотоводством? Васюков в „Крае гордой красоты“ спрашивает „А давно ли, 40 с небольшим лет здесь, в горах, была блестящая культура? Плодами которой мы, к сожалению, не воспользовались и не сохранили, не поддержали того опыта, который эти люди оставили нам в наследие“. Он имел в виду культуру скотоводства и садоводства.

В культурной полосе Абхазии все лучшие земли были переданы в руки дворянства, а потому оказались запретными для крестьянской скотины. И таких земель, подлежащих осквернению крестьянским скотом, в каждой общине оказалось по несколько. Правительственный закон давал право дворянству ловить крестьянскую скотину на высочайше пожалованной им земле и требовать выкупа. Конечно, дворяне без исключения стали ловить крестьянскую скотину. Об общинных выгонах не могло быть речи, так как земли под выгоны не было, да и хуторская жизнь абхазов не давала возможности сделать общий выгон. Такая ненормальность тянулась до 905 года, когда частновладельцы уже не смели задерживать скотину. Эта одна из причин упадка скотоводства, но с ней можно было бы мириться. Другая самая важная и губительная для скотоводства причина—это новые условия на счет горных альпийских лугов. Летом культурная полоса, почти, целиком занятая древесными и кустарными растениями, лишена степей и лугов, а потому абсолютно не пригодна для скота, поэтому абхазы испокон веков свою скотину гнали на летние пастбища, на альпийские луга (площадью до 70 тыс. десятин), но луга эти были обращены в правительственные казенные земли. Горные пастбища эти стали сдаваться в аренду, причем предпочтение давалось спекулянтам—жителям не Абхазии, которые, таким образом, захватили половину горных пастбищ. Население Абхазии с этим волей-

неволей мирилось. Но по пути к альпийским лугам все цецельдинских и дальских абхазов были розданы частным лицам (у одного графа Бобринского 7.000 дес.). Все они требовали налог за прохождение скота.

Так как абхазы—пастухи неохотно отдавали эту дань, то были здесь учреждены посты правительственных стражников. Все эти условия усиленно ускоряли упадок скотоводства. Наконец в 1913 г. объединенные сходы абхазских общин категорически потребовали устранения этих причин: отмены сдачи пастбищ с аукциона разным спекулянтам и передачи их общинам, которые в отдельности раньше имели определенные горные пастбища; эти же общины соглашались платить арендную плату; потребовали также изъятия из рук злингурских жителей аренды абхазских гор и запрещения им гнать свою скотину на эти горы.

Все это было после 1905 г., когда абхазы уже не были «виновным населением»; власти должны были понять всю свою вину в экономическом бедствии населения вследствие упадка скотоводства, а потому решили все альпийские луга уступить селам, согласно старинному распределению их по общинам. Но пока шла переписка между ведомствами, совершилась русская революция, которая, казалось, должна была дать справедливое разрешение этому гибельному для населения вопросу. Но захватный зуд, который охватил всех, решил и после революции вопрос о летних пастбищах не в пользу коренного населения, а даже на много ухудшил условия пользования нагорной луговой полосой. Все частновладельческие земли по пути к пастбищам перешли в руки арендаторов, явившихся такими же полновластными владельцами, как и старые хозяева. Вдобавок, при меньшевиках, когда другие национальности были награвлены на абхазов, пресловутая «греческая кавалерия» заградила обратный путь с гор абхамам пастухам. Население местностей Джампал и Цецельда варварски истребило Адзюбжинских и Атарских пастухов, а Чхалтинские сваны по приказу из Сухума обобрали всех абхазских пастухов.

При грузинских властях $\frac{3}{4}$ нагорных пастбищ попали в руки не абхазов, а потому условия создались еще стесни-

тельнее, чем при царской власти. Со дня установления Советской власти в Абхазии эта ненормальность с горными пастбищами не была исправлена, но даже осложнена еще более.

В прошлом году при Наркомземе был назначен аукцион на сдачу горных пастбищ. День торгов не был широко объявлен общинам, на торги явилась известная группа лиц, которая и сняла эти горные полосы для пастбищ. Помимо этого сданы в аренду такие местности (как Лыхта, Чамхагвара и др.) которые никогда не сдавались и являлись запасным местом для прокормления скота во время отправления на гору и возвращения обратно.

Это нужно устранить, нужно дать перевес правде. Хоть теперь нужно уничтожить политику царского правительства и меньшевиков в вопросе пользования горными пастбищами. Нужно вернуть горные пастбища тем общинам, которые пользовались ими с незапамятных времен, для которых нет национального различия. Нужно захватчиков последних годов отстранить. Нужно хоть здесь, в горах, уничтожить националистические планы.

Ведь этого требует благополучие целой республики. Нужно обуздать безумие рачинских переселенцев, которые, поселившись в прошлом году у подема на гору Пшоу, предъявляют владельческие права на узкий проход в три сажени, через который идет дорога на шесть горных пастбищ. Ведь эти восемнадцать семейств в первый же год своего поселения вызвали массу неприятностей проходящим пастухам. Что же будет дальше? Вообще нужно прекратить колонизацию Абхазии, начатую при русской власти, усиленную при меньшевиках и не менее заметную при Советской власти.

§ 15. Птицеводство, шелководство и пчеловодство.

Эти отрасли безусловно являются в Абхазии второстепенными, но, как выгодным занятием, им уделяют в хозяйстве заметное внимание. Птицеводством в размере обыкновенного хозяйственного обихода занимаются безусловно все

крестьянские хозяйства. Что касается шелководства и пчеловодства, то эти отрасли теперь не так распространены среди всего населения, несмотря на то, что они не требуют больших затрат.

Кодорский и Гумистинский уезды по птицеводству выше других уездов. Правда, специальных птицеводных хозяйств в Абхазии нет, но каждый двор держит много птицы. Несмотря на то, что в Абхазии распространено птицеводство, но большего промышленного характера это занятие не имеет. Абхазы почти всю свою птицу пускают на убой для гостей; но мингрельцы, греки, армяне, немцы, эстонцы продают ее в больших размерах, в особенности индеек, которые здесь выращиваются с большим успехом.

Абхазская курица очень мелка, но живуча и имеет вкусное мясо.

Пчеловодство в Абхазии в старину было сильно развито. Абхазский мед славился на всем востоке, а потому его вывозили в большом размере. С запрещением абхамам селиться в нагорной части страны наступил кризис в пчеловодстве, но все-же и теперь редкое хозяйство, где во дворе не держат десяток—другой ульев. К сожалению здесь нет рамочной системы, но зато местная, так называемая, „абхазская система“ ульев «аїхумза» далеко превосходит российские дублянки.

В Дальском ущельи, Лате, Цебельде, Псху пчеловодство сильно развито. Вообще, Гумистинский уезд выше стоит по пчеловодству, чем другие уезды Абхазии, в нем до трех тысяч ульев. Абхазский мед и воск вывозятся главным образом в Россию и Закавказье.

Помимо искусственного занятия пчеловодством в лесах Абхазии, в особенности в нагорной полосе, мириады пчел гнездятся в дуплах деревьев; абхазы — специалисты по их отысканию добывают этим путем много меду и воску.

Шелководство составляет также исконное занятие населения Абхазии. Выкормку шелковичных червей, начиная от заготовления грены, кончая выматыванием коконов, превосходно производят абхазские девушки, так умело и шустро

лазящие по большим шелковицам во время сбора листьев. Особой черводни при кормлении червей здесь не строят. Для этого приспособливают разные хозяйственные постройки, с'емков также не применяют, но зато черви не болеют. Этажерки делаются из легких бамбуковых палок или кукурузы.

Полученные коконы частью идут для продажи, частью на заготовление грены, а большую часть разматывают здесь, так что все ступени обработки шелка от первичных операций размотки и до изготовления тканей производятся абхазскими женщинами кустарным путем. Из шелка женщины выделывают очень тонкую материю, которая, безусловно, превосходит китайскую чесучу. Материя эта идет на кофточки, изящные шарфы и мужчинам на бешметы. Вообще, по высокому качеству шелковых изделий кустарным путем абхазка превосходит многих азиатских специалистов по шелководству. В последнее время совершенство это пошло еще дальше: во время тканья стали шелковые нитки мешать с шерстяными, отчего получаются уже дорогие тяжелые материалы, которые идут дамам на верхние платья. Шелковые нитки главным образом отправляются в Карачай, Кабарду и вообще Северный Кавказ, а заморенные коконы—за границу.

§ 16 О Х О Т А.

Охота за дичью—самая глубокая национальная страсть в абхазском народе. Если представить себе ту опасность, которой должен подвергаться охотник за турами, сернами, медведями без всякой мысли о выгоде (так как все эти убитые животные, по абхазскому обычаю, делятся между встречными, соседями, а также сбежавшимися на выстрел и т. д.), то личность абхаза—охотника делается какой то необ'яснимой загадкой*). Эти люди так любят жизнь, дрожат за свою честь, оберегают свои традиции, свою родину и вдруг так мало ценят свою жизнь на охоте и, вообще, в горах.

*) Когда мы коснулись характеристики абхаза, то ограничились мнениями авторитетных бытоисателей, т. к. находили свое бессилье дать точную характерную особенность типа абхаза. Слишком многообразна, многогранна, сложна, отличительно-своеобразна личность его. При характеризовании никакие аналогии не действительны: здесь все предстает

вляется наперекор психологическим законам, выкладкам холодного рассудка. Хотя, например: Абхаз верхом на лошади, едет по ровной дороге. Его несколько равнодушная натура, равнодушный взгляд еле натянутая уздечка—передаются коню:—лениво дряблая поступь, расхлябанная грация, делающаяся еще безжизненнее у подъема. т. к. тут шаги его совершенно замирают,—ездок или слезает или вовсе теряет всякую активность в действии на коня, представленного самому себе. Наблюдая издали такого всадника и рядом другого ездока—не абхаза, но красавца в черкеске: с растопыренными или вечно вьюющимися с боками коня ногами, с прямой осанкой, с гордо-откинутой головой, с живыми, бегающими глазами, делающимися особенно боевыми при подъеме, когда ездок, прищипывая лошадей, мчит по безопасному для него, но трудному для лошади подъему. Наблюдая две эти различные картины издали вы,—обыкновенный судья верховой езды,—конечно должны дать преимущество более живому всаднику. Но самурзаканец, колдорец, бзыбец в первом с виду недостойном всаднике найдут скрытые способности природного джигита, недоступные определению вашему,—ценителю внешне-доступного—крикливого вида ездока,—и скажут—это абхаз. Да, это обыкновенно его поза на ровных местах, на подъеме—столь трудном для коня. Но понаблюдайте за ним у крутого спуска, у опасного оврага, у рывины, среди зарослей, камней, бугров, где очень опасно и требуется большая осторожность. медленная езда, тут наперекор всем этим доводам ума, он легким прикосновением ног или еле заметным дерганьем уздечки передает свое настроение коню, и последний, насторожив уши, стремглав летит по этим, поистине, головокружительным местам. Конь сперва скользит всеми четырьмя ногами, потом, освоившись, вполне располагает своими конечностями, то поднимается на дыбы, то делает прыжки и вкось и вкривь, чтобы не ринуться в зияющую трещину. Абхаз—всадник не может равнодушно проехать эти места. Это необходимая потребность его души, это особенность абхаза. Иная картина когда абхаз без коня. В городе, вдали от родной стихии, он буквально не находит себе места. Нерасторопный, неуверенный, он, как спутник, вам в тягость. Но этот абхаз в глубоком лесу, у опасной переправы реки, в горных ущельях, у крутых подъемов в ночное время: бурю и грозу, когда вы должны ежиться делаться смирее.—он преображается, он теперь в родной стихии, он здесь свой: головоломные подъемы, бурные переправы, темный брр, гром, молния, ливень—все это гармонизирует с его стихийной душой, он, как-бы живет жизнью этих опасных мест, настроение его приподнимается, он начинает петь под аккомпанимент громовых тресков, под шум дождя, града бурных речек, шумливых водопадов.

И вот, говоря об охотниках—абхазах, в особенности, в горах, надо иметь в виду не опасность от зверей, а самый процесс хождения во время охоты по горам. Здесь никакие описания не передадут всего этого, нужно видеть самому, чтобы поверить. Ведь крутизна в 80—90, т. е. совершенно отвесная стена одолевается ими. Загнанные в эти отвесные стены, под которым где-то в глубине бурлит, клочет ледниковая речка—туры, не имея возможности работать ногами, бросаются на спину, на свои громадные рога и лежа на них, лавируя ногами, стрелой скользят в пропасть, спасаясь от охотников. Что же охотник делает на подъеме в 80—90? Он бросает здесь бурку, скудный свой завтрак, вообще, все тяжелое, берет кинжал, ружье и свою «горную палку» („Алабага“) со стальным наконечником и делает подъем по склонам гигантской каменной стены, опираясь на палку, при чем она ставится не со стороны спуска—пропасти, а (д'еома). Наблюдая способ пользования палкой,—швейцарец

или тиронец удивились бы, т. к. с виду получается впечатление, что, ставя железный конец палки в стену, на высоте своей талии, охотник, как бы отталкивает себя в сторону пропасти, куда, казалось, и нужно было ставить палку, чтобы опереться на нее и уменьшить вес своего корпуса, что и делают швейцарцы и тирольцы. Абхаз—охотник, быстро отыскивая углубление для железного кончика палки в стене, ставит туда ее, при чем берет одной рукой выше на аршин, центром опоры всего своего веса делает кончик палки. Ноги же его, часто висят в пропасти, отыскивают маленький выступ камня, чтобы обхватить его кончиками пальцев, обтянутых в тонкие кожаные сандалии; став одной ногой на такой выступ, он моментально должен найти новое место для палки.

Эту кошмарную картину не всякие нервы разрешат наблюдать. Товарищи такого охотника, наблюдая за ним, сохраняют глубокую тишину чтобы не отвлечь внимание его. Вообще, имя охотника, когда он у крутизны, по обычаю пастухов, не разрешается произносить. Этот же охотник иногда, преследуя тура, опираясь на палку, лавируя ногами, также летит в пропасть, где и настигает свою добычу.

Обыкновенная черта в характере таких охотников—скромность: они мало говорят о тех трудностях, какие им приходится одолевать. Когда его спрашивают пастухи, при каких обстоятельствах убит тур или джейран, то он, нехотя, говорит—«Ащәә зҭәи іәшӀт» («ружье выстрелило и убило»); он не говорит «я выстрелил», слово „я“ у него отсутствует. Все такие отменные охотники очень веселы, вежливы, улыбка никогда не сходит с их лица, они никогда не ропщут на усталость. Все они получили воспитание в горах которое состоит в том, что маленьких детей от 8—12 лет абхазы посылают летом в горы к пастухам, здесь они и получают чисто *спартанское воспитание*. Ночью, в дождь, град, бурю, в ночь нападения медведей они должны уйти от общего очага взрослых пастухов в сторону стоянки скотины и здесь, завернувшись в свои маленькие бурочки, засыпать под дождь и град. У общего очага они все время стоят, не смея сесть без разрешения взрослых, слушают рассказы взрослых о старине и охоте. Если кому-либо из взрослых понадобилось принести что-либо, то дети на перебой подбегают,

говоря: «я готов». Взрослые относятся к ним очень ласково, кормят их лучше, но и предъявляют к ним большие требования. Дети же готовят в день два раза „Ахуш-ца“ — («горячее молоко») — любимый напиток пастухов в горах, который состоит в том, что надаивают $\frac{1}{2}$ «Ачагуа» (деревянная посуда из горного ильма в 3—5 стаканов), кладут туда сильно нагретый у очага особый камень, отчего молоко закипает, тогда они бегут опять к козам и додаивают их, пока посуда не наполнится. Во время доения пена поднимается через край, получая вид — «кофе по венски»; это считается хорошо приготовил «Ахуш ца».

У мальчиков бывает соревнование в быстроте приготовления этого напитка, что очень трудно, ибо вечернее „Ахуш-ца“ готовится в сумерках, когда трудно отыскать и поймать козу. В следующие годы охотники разрешают уже более взрослым мальчикам сопровождать их на охоту до трудных под'емов, изучать места и т. д. Таким образом они свыкаются с трудностями гор. Вот к таким охотникам принадлежат Покроу и ему подобные молодые охотники, получившие горное воспитание и стяжавшие славу на весь уезд.

Чтобы убить тура, серну или медведя, нужно изучить природу их: время отдыха и добывание пищи. И охотники прекрасно знают жизнь этих животных. Они должны также знать, даже в безветренный день, в какую сторону воздух движется и безошибочно узнают; дичь издалека чует запах человека, а потому охотник ставит ее со стороны ветра. Опасность охоты и хождения по горам пастухи сознают, а потому здесь принято пожелание вместо „благодарю, спасибо, счастливого пути“ — «Айха алуьха уоуаит» „да милуют тебя горы“.

Охота, как промысел, существует у абхазов на куниц и выдр. Первых ловят в особых силках зимой, а вторых в капканах.

VIII. Ископаемые богатства Абхазии.

✕ § 17. Металлы и минералы.

Недра абхазских гор изобилуют неисчерпаемым богат-

ством металлов и минералов, но при обычной косности того русского государства и запрета частным концессионером их разработки они почивают втуне,

Каменный уголь. В абхазском селе Ткварчели, в 30 верстах от г. Очемчиры, есть залежь каменного угля. Проф. Лутугин в 1910 г. признал несколько угленосных площадей. Проф. Кардоффского университета *Галловой* посетил в том-же году Ткварчели и нашел запас угля в двух площадях более 6 миллиардов пудов. Важнейшее качество ткварчельского угля заключается в способности коксоваться. По лабораторным испытаниям получается до 70% вполне спекшегося кокса. На испытании пригодности угля на черноморском флоте в 1910 г. найдено, что качеством он превосходит донецкий уголь. Такие же залежи угля имеются и по верховьям потока Гализги.

Мрамор. Минерал этот встречается во многих местах Абхазии, но заметнее выявлен в сел. Чхортоли Самурзаканского уезда. *282*

Медь. Медная руда также встречается всюду, но заметно залегает в 30 верстах от Гудаут, в верховьях реки „Хвѣцѣа“ («золотое ущелье»), в урочище—«Дзышра». Здесь же найдена серебро-свинцовая руда.

Золото и серебро. Признаки присутствия этих благородных металлов найдены по руслу Гализги и в сел. „Кутбла“ („Куриный глаз“) в Гудаутском уезде.

Из минеральных источников во главе стоят *Ткварчельские теплые серные воды*; их целебные свойства установлены издавна. Каждый год сотни, тысячи больных получают исцеление, принимая серные ванны. Подобный серный источник имеется в 4 верстах от Сухума, около Венецианского моста, но в зачаточном виде.

Минеральный родник Звандриши в Гудаутском уезде. Химический анализ, сделанный комиссией из проф. Войенкова и Пастернацкого, показал хлористого натра 8, 31, хлористого магния 0, 43 углекислой извести—0, 14, органических веществ 0, 14, есть натрий, бром, иод и следы серной кислоты. Дебит от 100—150 ведер в сутки.

Углекислые источники: Их очень много, но известностью пользуются на альпийских горах местности «Маруху» и «Гуараб», — первая около Марухского перевала, рядом с ледником, вторая в ущельи в густолиственном лесу. Эти типичные кисловодские нарзаны у абхазов именуются «Азүйуџ» («кислая вода»).

XIX. Пути сообщения.

В Абхазии пути сообщения имеются двух родов: морские и сухопутные.

Морское сообщение обслуживают рейсы пароходов Крымско-Кавказской линии. В пределах территории абхазской пароходы заходят в пять портов: Гагры, Гудауты, Новый Афон, Сухум и Очамчыры, причем, в дурную погоду, в шторм они обыкновенно минуют все эти пункты, за исключением Сухума, и тогда побережные города эти остаются отрезанными от других населенных пунктов Черноморского побережья.

Что касается сухопутного сообщения, то по культурной полосе единственным является продолжение Новороссийско-Сухумского шоссе, которое иначе называется „*голодное шоссе*“. Проведение его было вызвано чрезвычайно важными и серьезными обстоятельствами в памятный голодный 1891 г. В пределах Абхазии оно было построено на средства местного населения и сейчас является единственным сухопутным сообщением между Сочи и Ново-Сенаки.

Не менее важны для населения древнейшие пути сообщения абхазов с северо-кавказскими горцами, именно горные проходы: Марухский (19,086 ф.), Клухорский (9.240), Наларский (9.415. ф.) и Санчарский (8.947) ф.

Эти перевалы находятся выше снеговой линии, так что в противоположность Альпам, так называемая *понтийско-абхазская* часть Кавказа не имеет глубоко врезавшихся в горы проходов.

Из этих перевальных дорог пользуется популярностью среди туристов *Военно-Сухумская*, которая проходит через Клухорский перевал, соединяя город Сухум с Баталпашинском, протяжением свыше 250 верст.

А А. Истомин, описывая грандиозно величественные красоты Военно-Сухумской дороги, говорит, что «красоты ее мало чем уступают суровым и величественным картинам знаменитой Военно-Грузинской дороги и других мест вечно юного Кавказа». Далее он говорит, что тем не менее Сухумская дорога в своей популярности среди туристов весьма и весьма уступает не только Военно-Грузинской, но и Военно-Осетинской дороге; причины этого он находит главным образом в незначительности удобств сообщения по ней, или еще вернее, в том, что, при ее сравнительно большом протяжении, нет сплошного колесного пути и, следовательно, часть путешествия приходится совершать верхом или пешком.

Другим серьезным препятствием для туристов является то, что, наиболее интересный, сам Клухорский перевал весьма поздно и на весьма короткий срок освобождается от снега и льда, и потому перевал доступен для путника лишь на несколько недель в июле и августе. Пугает туристов еще полное отсутствие на этой дороге почтовых станций, которыми богата Военно-Грузинская дорога.

Все эти причины способствуют слабой популярности этого горного пути, а между тем по отзыву известного альпиниста фон-Мекка, много путешествовавшего в Альпах Швейцарии, *„по красоте своей Клухорский перевал может поспорить с самыми знаменитыми альпийскими перевалами...“*

Красоты этой дороги вырисовываются на каждом шагу, начиная с 8 версты от Сухума до самого Баталпашинска. Местами дорога эта бывает очень узка, а потому в одном месте называется *«мышинной тропой»*.

Из отдельных, достойных внимания, пунктов по Военно-Сухумской дороге можно указать на следующие:

Цебельда в 30 верстах от Сухума. Это одно из возвышенных, здоровых, плодородных и красивых мест Абхазии; оно было освобождено от цебельдинских абхазцев в 1866 г.,

сейчас населено армянами (главным образом), греками и грельцами.

На 36 версте от Сухума в этой области сохранилось старое русское Цебельдинское укрепление, выдержавшее в свое время трудную осаду Цебельдинцев и Дальцев.

Недалеко от этого места построен красивый мост через горную реку Амткел.

Для любителей экскурсий и достопримечательности природы можно посоветовать подняться по руслу против течения реки Амткел и дойти до того места, где в 1891 г. формено «гора с горой сошлись».

В этом году гора одной из берегов Амткела сползла со всей своей растительностью и «сошлась» с противоположной горой, таким образом было заграждено течение реки и здесь образовалось довольно большое и глубокое озеро.

Когда-то значительная река Амткел после этого стала маленькой горной речкой, нижняя половина которой теперь берет свое начало из под нового озера, заполняемого водой первой горной половиной Амткел, берущаго начало из под залежей вечного снега

На 48 версте по Военно Сухумской дороге находится замечательный мост через Кодор *Вагада*, о котором мы упомянули в описании Кодора.

На 54 версте находится населенный пункт с богатой растительностью *Дата*. Здесь разбросаны сады выселенных в 1864 году в Турцию дальских абхазцев.

На 75 версте другой населенный пункт на берегу Кодора—Чхалта. В этом месте через Кодор перекинут очень красивый железный мост. Здесь-же находится старинное Чхалтинское укрепление.

На 84 версте поселок *Ажара* и это последнее поселение до Теберды.

Самый Клухорский перевал начинается на 127 версте от Сухума. На этой-же высоте находится красивое „Клухорское озеро“.

Отсюда до Теберды около 60 верст. Потусторонняя Кубанская часть перевала по красоте не уступает Абхазской.

Что касается Марухского перевала, то он, безусловно, менее популярен среди туристов; правда, он и менее доступен, но по величественности, по дикой красоте, по разнообразию и привлекательности своей природы, по редкому сочетанию и богатству природных красок, он во много раз превосходит Клухорский.

Его можно рекомендовать только испытанным путешественникам, совершавшим не раз с риском для жизни переходы через крутизны и пропасти, ибо дорога эта до самого перевала одно сплошное мучение.*)

Но зато сколько красот, разнохарактерных ландшафтов встречаешь на этом пути!

На перевал этот можно попасть с Чхалтинского моста (по верхнему течению реки Чхалты), но мы не рекомендовали бы такой путь, т. к. он менее красочен, менее великолепен, чем, так называемый у абхазов, „Русский Марухский путь“.

Путь этот надо начать с моста через Амткел (36 верст от Сухума).

Первый подъем начинается на гору Пшоу, и через шесть часов усиленной ходьбы можно добраться до вершины «Аш-лашара» (по абхазски — „аш“ — бук, „лашара“ — просвет), отсюда крутой, очень трудный спуск до «Чамхагуара» (Чамхагуара).

На другой день можно начать путь на новый подъем и к полудню добраться до вершины горы „Лыхта“, откуда открывается великолепный вид на культурную полосу Абхазии: город Сухум, маяк, Кодорский мыс очень хорошо видны с этой вершины.

С этой же горы начинаются все признаки альпийских лугов и снежных завалов.

Дальнейший путь идет по хребту и слабому склону этой горы; наконец начинается очень крутой спуск, а затем опас-

* Тип такой дороги мы охарактеризовали в главе „Рельеф и черты строения Абхазии“.

ный трудный под'ем на гору «Пърдџал» (Пърдгал).

Чтобы избежать этого продолжительного и ужасного спуска и под'ема, а так-же чтобы сохранить время, безумные смельчаки из абхазов идут по хребту, соединяющему вершину Лыхты с вершиной «Пърдџал», называемому «Ауфгзай іху» (путь одного).

Дорога эта называется так потому, что только один человек может пройти по остроконечным гребням этого хребта.

Мы только можем рекомендовать подойти к началу этого *пути одного человека* и поразиться отчаянности тех абхазов, которые совершают воздушное хождение по этому хребту с зияющими с обеих сторон обрывами, но абсолютно не рекомендуем никому пробовать свою ловкость и смелость по этому кратчайшему пути, т. к. это равносильно рекомендовать непривычному—воздушное «*хождение по канату*».

С вершины «Пърдџал» начинаются альпийские пастбища горы «Куламба» (Куламба).

С этих лугов новый под'ем на гору «Мсибиста», с вершины которой открывается вид на сказочные, величественно властвующие над всей Абхазией Эрцахские ледники, а в особенности, как на ладони, виден знаменитый по грандиозности и красоте ледник «Агуабан зку» — (Агуабан-перина, зку—покрытый—покрытый периной), называемый так потому, что это ледяное поле, простирающееся на несколько верст, занимая ровную вершину Эрцаха, покрыто белым пушистым снегом; только края этой колоссальной ледяной «перины» (толщиной в несколько десятков саженей) круто оборваны и выделяются характерным зеленоватым своим цветом.

От Мсибиста дальнейший путь делается легче, идет все время по альпийским лугам, но красоты также величественны и поразительны.

Следующая гора называется «И́ха цыза», красивая гора, далее «Адеи́» „Ачадара“ и наконец гора „Марух“, у подножья которой разновидности, чудодействующие «кислые источники», «Азвѣй», и тут же рядом и Марухский ледник.

Под'ем на Марухский перевал труднее чем на Клухорский, но во много раз интереснее и заманчивее

Что касается Нахарского, а тем более очень трудного Санчарского (8947 ф.) перевала через Псху на Зеленчук, то они менее всех популярны даже среди абхазов, а между тем не менее красивы, чем предыдущие перевалы.

Х. Промышленность и торговля.

В торгово-промышленном отношении Абхазия совершенно неиспользованная страна.

Несомненно установлен тот факт, что недра ее отличаются неисчерпаемыми богатствами, которые в будущем могут явиться неиссякаемым материалом для самых разнообразных торгово-предпринимательских целей.

Богатства этой благодатной страны, привлекательность которой исстари не ограничивалась одной внешней красотой, но славилась громадными естественными богатствами, как на поверхности, так и в недрах земли, трудно поддаются материальным подсчетам.

В недрах находятся все представители ископаемого царства, какие существуют в других странах Кавказа.

Каменный уголь, золото, серебро, медь, марганец, мрамор, залежи красок (охры, умры, и др. около Очемчиры) и все виды богатейших и многочисленных минеральных источников, плюс бесконечные лесные богатства—все это привлекало к себе аппетиты еще с древних времен.

Неисчислимы лесные богатства Абхазии служили предметом торговли в самые древние времена. Отсюда вывозились ценные породы самшита, тисса, ореха, каштана, дуба и пр. Из продуктов сельского хозяйства вывозились в другие страны, главным образом, воск, мед, меха и пр.

Сюда заходили корабли из Греции, Византии, Генуи, Венеции и других стран. В отдаленные времена, Абхазия являлась также путем для торговых сношений с Персией и Индией.

В настоящее время торговые обороты Абхазии менее значительны сравнительно с прошлым, так что расцвет промы-

шленности Абхазии—в будущем.

Если об каменном угле Абхазии, а также о других ископаемых богатствах можно говорить, как о благах далекого будущего, то о лесном, в особенности табачном деле Абхазии, можно говорить, как об очередной задаче Абхазской промышленности.

Помимо этого исключительные климатические условия позволяют развить здесь небывалую для Кавказа культуру не только табака, но и мандарин, при чем последние в Абхазии поспевают почти на месяц ранее итальянских.

Что касается лесного богатства Абхазии, то в этом отношении она во многом превосходит не только прочие местности Кавказа, но отчасти и Европу, т. к. одна из самых ценных древесных пород, Кавказская пальма или самшит, нигде в Европе в диком виде не встречающаяся, здесь в первобытном состоянии занимает около 8000 десятин земли.

Не менее ценны редкие породы: тисс, орех, каштан и пр. Общая площадь всех лесов Абхазии около 500.000 десятин.

Главная масса лесов находится в бассейнах рек Кодора (170.000 дес.) и Бзыби (105.000 дес.). Самшит, тисс и грецкий орех до войны вывозились глазным образом во Францию, Англию и Америку (орех).

Приблизительная стоимость самшитовых лесов перед войной (в 1914 г.) исчислялась в золотых рублях так: в Ткварчельской даче—195.600 руб., в Окумской—147.900 руб., и Бзыбской—2 194.800 руб. Итого—2.538.300 руб. Цена заготовленного самшита на абхазских берегах Черного моря пред войной выражалась в сумме корневой стоимости в 110.022 р. золотом.

При Советской власти в Абхазии в области лесного хозяйства производилась заготовка и вывозка валютных товаров: самшита и орехового дерева.

Всего заготовлено за истекший период самшита: в Пицунде—15.365 пуд., в Сухуме—14.375 пуд., в Очемчирах—15.975 пуд. и в Гаграх—3 000 пуд.,—всего—49.000 пудов.

Кроме того вывезено было т-вом „Кавперс“ около 40.000

пуд. ореха, вновь заготовлено было 15.462 пуд.

Но главным образом Абхазия экспортирует табак, который идет больше всего в Египет (Александрия) и Англию.

Развитие табаководства в Абхазии с 1904 по 1922 г. выражается в следующем виде:

торг. табак.

Годы	Число плантац.	Общая площадь в десятинах	Сбор табака в пудах
1904	4968	4304	241.386
1905	5063	5301	285.936
1906	3678	3186	183.203
1907	4567	4368	240.060
1908	5420	4680	311.045
1909	5386	6578	439.285
1910	6750	8457	544.240
1911	6261	7525	444.770
1912	6556	7675	408.589
1913	6335	8037	442.830
1914	9478	13.107	602.270
1915	9293	8824	425.400
1916	7000	9084	480.000
1917	—	8444	—
1918	—	2000	100.000
1919	—	3000	150.000
1920	—	1200	60.000
1921	—	40	2.000
1922	—	100	5.000

Таким образом, перед войной (1914 г.) табаководство достигает своего максимального развития; в этом году всех табачных плантаций было 9.478 с общей площадью в 13.107 дес. со сбором 602.270 пуд.

Если считать среднюю стоимость каждого пуда в 15 руб., то общая сумма в этом году выражалась в 9.034.050 рублях золотом.

Причиной дальнейшего упадка табаководства отчасти мировая война, но главным образом засилье грузинского меньшевицкого правительства над Абхазией (с 1917 г.)

В последний год (1920-й г.) владычества грузинского правительства, общая площадь под табак равнялась 1.200 дес. со сбором в 60.000 пуд., т. е. против 1914 г. площадь уменьшилась на 11.907 дес., а сбор на 542.270 пуд.

В нынешнем году есть основание думать, что посевная площадь значительно увеличится, так что табачная промышленность Абхазии опять возрастет; сейчас идет усиленная посевная кампания; население спешно запасается семенами.

Что касается эксплуатации абхазских лесов, то она началась очень давно, и с самого начала выражалась в беспощадном уничтожении вековых лесов. В восьмидесятих годах прошлого столетия одна французская компания имела лесовозную железную дорогу в области Тамыша, по которой рубленный лес подвозился к морю.

В девяностых годах на реке Кодоре был построен ростовским миллионером Максимовым громадной мощности лесопильный завод для переработки древесины лесов горной части Абхазии. В последние годы функционировали в Абхазии лесопильные заводы — Балашевского — 6-ти рамный и Отрадненский 2-рамный со всеми приспособлениями: фанерными, стружечными для выработки древесной шерсти и другими станками.

Производительность Балашовск. завода равнялась 120.000 куб. фут. в месяц, Отрадненского — 40.000 куб. фут. в месяц. Кроме этих заводов в Абхазии имелось еще 8 лесопильных заводов.

Помимо лесопильных заводов пред войной в Абхазии имелись заводы: винокуренных — 2, гончарных — 12, известковых — 17, кирпичных — 12, консервных — 1, свечных — 2, черепичных — 1, минеральных вод — 7, мельниц — 333.

В конце 1921 г. на учете ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства) было 56 предприятий; по отраслям эти предприятия делились так:

Лесопильных и деревообделочных предприятий — 12, табачных фабрик — 1, коньячных и водочных заводов — 1, мыловаренных заводов — 2, пище-вкусовых предприятий — 22, прочих предприятий — 18.

Что касается других продуктов сельского хозяйства, также вывозимых из Абхазии, то по данным 1911 г. из Сухума было вывезено:

Фруктов — 35,093 пуд. на сумму 105,285 руб. золотом. Клубники и земляники — 2,233 пуд. на сумму 6,699 руб.

Хурмы — 1.610 пуд.	1.610 руб.
Разных овощей — 4.815 пуд.	4 815 руб.
Лаврового листа — 1.200 пуд.	3.600 руб.
Капусты и картофеля — 1.200 пуд.	2.934 руб.
Вина — 8180 пуд.	24 555 руб.
Фасоли — 549 пуд.	1.098 руб.
Грецких орехов — 1.188	2.276 руб.
Рыбьего жира — 2.908 пуд.	»
Пальмового леса — 570 пуд.	»
Ореховых брусьев и дубовых клепок — 1.900 пуд.	»
Других пород деревьев — 6.100	»
Весел лодочных — 362	»
Деревянных ложек — 85	»
Воску — 30	»
Мрамора — 57	»
Шерсти — 393	»
Рога — 106	»
Алебаstra — 860	»
Растений (декоративных) — 4.379	»

Из Очемчиры вывезено в Россию на пароходах Русского Общества:

Кукурузы — 10.000	пуд.
Табаку листового — 12.000	»
Свиней битых — 44.000	»
„ живых — 6.000	»
Кокону — 2.200	»
Хлопка — 1 200	»

Крупного и мелкого рогатого скота 600 шт. Гусей, индеек и кур — 4 000 пуд.

Разного лесного материала—25,000 дюймов.	
Каштану—12.000	пуд.
Орехов мелких—40.000 пуд.	»
Хурмы сушеной—10 000 пуд.	»
Шерсти—6000 пуд.	»
Кожи—10.000 пуд.	»
Щетины—600 пуд.	»
Меду—500 пуд.	»
Воску—300 пуд.	»
Яблок—26.000 пуд.	»
Рыбы—12.000 пуд.	»
На заграничных пароходах вывезено было:	
Кукурузы—2.500.000	пуд.
Ореховых брусьев—250.000 пуд.	»

В Гудаутах в том-же году под виноградниками было занято 15,423 дес. и получено было 1.142.600 ведер вина; считая средним стоимось одного ведра по два рубля, запродажная цена вина этого года выражалась в 3.285.200 р. золотом.

В том-же году из Гудаут вывезено разных продуктов 490,726 пудов.

В прошлом 1922 г. два коньячных завода в Гудаутах работали свыше 6,250 п. коньяку.

Вообще из всех разветвлений возможного экономического развития в Абхазии не знаешь, какая отрасль промышленности должна выдвинуться, как доминирующая: лесное-ли дело, горное-ли, табачное, фруктовое, цветочное или курортное. Все эти виды экономической эволюции края могут вполне основательно претендовать на первоочередность своего развития. Если познакомиться с колоссальной научной работой Сухумской садовой и Сельско-Хозяйственной Опытной Станцией, то ясно станет, что Абхазия в ботаническом отношении страна высших культур ценных—полутропических, декоративных и плодовых растений. Необходима материальная поддержка, капитал, чтобы осуществить задания опытной станции, основанные на многолетнем проверенном опыте—и тогда Абхазия в этой области может перейти к новым высшим промышленным совершенным формам экономической жизни. То же самое можно сказать в области и других от-

раслей. Разве курортному делу Абхазии и в связи с ним туризму нельзя придать промышленный характер?

Сейчас курорты Абхазии являются зимними климатическими станциями (Сухум, Гагры, Новый-Афон) Если-же развить это дело в нагорной Абхазии, то благоприятные климатические данные в сочетании с причудливыми горными особенностями создадут из этой „страны души“ заманчивый курортный уголок, который мог бы поспорить с зарубежными курортами. Богатейшие и многочисленные минеральные источники, хранящие в себе буквально чудодействующую силу и приносящие больным полное исцеление и выздоровление, находятся в соседстве с абхазскими глетчерами, где один разреженный воздух также целебен. Не менее целебны серные источники (Ткварчельские), находящиеся в культурной полосе страны. Так что Абхазия может служить сочетанием всех привлекательных особенностей: сюда одни могут приезжать полечиться, другие (туристы) полюбоваться грандиозными и дивными картинами природы, и, наконец, третьи с торгово-предпринимательскими целями. Все они увеличат экономическое благополучие страны.

Достопримечательности и памятники старинной Абхазии.

Сухум.

Столица Республики Абхазии—Сухум, по абхазски *Aqva* (звучит „аква“), по своей древности является ровесником городов—государств глубокой седой старины—римлян, венецианцев, гунуэзцев и других сошедших с мировой сцены народов. Нынешнему Сухуму предшествовало несколько городов с разными названиями.

Во времена Великого Рамзеса (Сезостриса) город назывался *Эия*. Позже—*Диоскурии* (в переводе с древне-греческого значит «Божии источники), «основанный Кастором и Поллуксом, которые плавали по Понту вместе с Язоном». Такое сказание об основании Диоскурий относится к рассказу о мифическом походе аргонавтов за „золотым руном“. Позже, при римлянах, Диоскурии носят название: *Севастополь Великий*

или *Севастии*, — *Сотирополис*. Название «*Сухум*» встречается уже только после Рождества Христова. Многие слову этому придают турецкое объяснение („*Су*“ — вода, «*хум*» — песок).

Где погребены эти древние предшественники Сухума, под ним, или в глубине его залива или поодаль от него, вопрос этот остается проблемой, и никто из ученых не поднял еще „завесу с этих научных сокровищ, бесполезно лежащих под почвой Сухума“ [Вл. Ив. Чернявский). Одно установлено, что в ясную погоду, когда море отличается своею прозрачностью, по свидетельству археолога Чернявского, под водою от берега на расстоянии 150 сажен отчетливо видны стены и башни древних построек.

Сухум лежит на берегу обширной и спокойной бухты. С северной стороны он защищен боковыми отрогами абхазских гор, которые, приближаясь вплотную к городу, полукругом охватывают его с трех сторон, почему Сухум совершенно защищен от дуновения северных холодных ветров; с юга омывается теплыми водами Черного моря. Такое положение дает сухумской бухте сравнительное спокойствие, даже в зимнее время. Вид города очень красив, когда подъезжаешь к нему на пароходе, в особенности со стороны Кодорского мыса. Первое, что невольно вас поражает—это грандиозность и красоте зданий санаторий Смедского — Гульрипш; они сливаются в фоне общей картины. Белые снеговые горы причудливо, постепенно амфитеатром все понижаясь, сливаются с вечно-зеленой листвой, в которой утопают постройки города в изумрудных склонах последнего амфитеатра прибрежных гор.

Сухум является зимней климатической станцией, для чего располагает исключительными природными условиями и оборудованными под санатории постройками.

Ныне Сухум является главным центром административной, умственной и экономической жизни Абхазии. Торгово-промышленное значение его было велико еще в древности. За семь веков до Рождества Христова Милетские выходцы отсюда производили торг с центральной Азией и Индией; при римлянах Сухум (Севастополис) служил складочным местом всей торговли окрестных жителей. Для торговых целей с разными народами они держали здесь десятки переводчиков.

В настоящее время для торгово-промышленных целей Сухум имеет большое значение не только для Абхазии, но и для всего побережья Черного моря.

До войны одного только табаку ежегодно вывозилось средним до 500 тыс. пудов на сумму 5 миллионов руб. Затем отсюда вывозятся в год до 40 тыс. пудов фруктов, которые идут в центральные города России.

С марта месяца начинают вывозить овощи, а потом и ягоды; все они идут в города России, главным образом в центральные; затем: вино, орехи, лавровый лист, лес, декоративные растения, цветы и пр.

Сухум и его окрестности интересны по редким памятникам старины.

Сухумская крепость. Она находится на западном конце Набережной улицы. Археолог Чернявский говорит: «основание крепости римское и древне-колхидское, а сама крепость венецианская. Она была основана некогда на холме, а ниже ее стоял храм и другие постройки. Ныне остатки развалин находятся под водой, на глубине 3—4 сажений. От нее до нижней крепости на реке Келасури тянутся развалины древней стены города с башнями, находящиеся под водой до 5 сажений. Развалины стены имеют разное расстояние от берега и ныне залиты водой. Наибольшее расстояние стены под водой от нынешнего берега 150 сажений. Против военных казарм, сажений 100 от берега, стена спускается в глубь моря, а ближе к устью реки Беслетки находятся под водой развалины древнего храма».

Когда море прозрачно, то можно видеть развалины стены в некоторых местах, «находясь в лодке». Археолог-же Никитин говорит, что эта крепость построена турками в 1578 году. Другие исследователи предполагают, что турки только возобновили крепость, которая имеет, безусловно, более глубокую древность. Очевидно, последнее утверждение более всего приближается к правдоподобию. Часть крепости теперь занята тюрьмой, часть стен ее уже подмыта морскими приboями и в тихую погоду выступает из воды, как-бы напоминая о своей древности и укоряя совесть тех из зрителей, которые

в своем равнодушиим к развалинам безжалостно оскверняют их и не принимают мер к охране этой редкой старины. Часть башен еще борется с морскими волнами, которые непрерывно заливают отдельные коридоры, комнаты и ходы, но все-же они еще доступны для исследователей, но настолько загажены, что противно к ним подойти.

В крепости находится могила «Владетеля Абхазии Келиш-бея». Это был один из замечательных и популярных не только в Абхазии, но у соседних стран, владетелей Абхазии он был убит более ста лет тому назад. В историческом романе Мордовцева «Прометеево потомство» подробно описаны трагическая смерть Келиш-бея и дальнейший период междоусобиц наследников этого выдающегося правителя Абхазии.

Венецианский мост.

Мост этот находится в четырех верстах от Сухума. Он перекинут через реку Беслетку. По старине и оригинальной красоте он является одним из редких памятников седой старины, достойных охраны и изучения. Кем был построен этот мост — гемуэзцами, венецианцами или еще кем либо, точно не установлено, но он давно именуется «венецианским».

Мост сложен аркой и имеет очень красивый вид. Построен он из плит песчаника, скрепленных особым составом цемента, что позволяет ему несколько столетий сохранять прочность спайки этих дугообразно сцепленных каменных глыб. Спайка — сцепление камней настолько прочна, что несмотря почти на двадцатистолетнее существование его — камни не отделяются, их скорее можно разбить, чем отделить. Это доказывает, насколько зодчество древних народов было прочнее современного. Изумительная растительная сила Абхазии сказалась даже здесь: на этом каменном мосту растут плющ и самшит, а потому эта каменная арка кажется сделаной из зелени. Плющ ниспадает громадными гроздьями с моста, придавая ему сказочную волшебность.

Келасурская стена.

Она называется «Гигантской Абхазской стеной». Начинается она за рекой Келасури от самого берега и тянется полукругом, огибая гору Кяч, хребет Пенав, до самой границы Абхазии с Грузией. По преданию она воздвигнута Иустинианом Великим. Относительно цели ее постройки пока существует ряд гипотез. Есть предположение, что она выполняла роль защиты Абхазии от соседних врагов, являлась, как-бы, своего рода китайской стеной, почему и называется „Абхазской“; другие говорят, что она составляет продолжение сухумской стены, что под водой, и защищала древний город в этом месте от вторжения горцев. От развалин этого интересного исторического памятника сохранилась в целости часть стены у самого моря, но инженеры—строители Черноморской железной дороги, а раньше строители Сухум—Новороссийск. шоссе,—смели с лица земли в двух местах эту уцелевшую стену на протяжении ширины полотна дороги и шоссе. Культурные европейцы провели-бы под стену туннель или построили-бы над стеной мост, сохранили бы этот исключительный памятник и создали-бы, таким образом, будущей железной дороге и настоящему шоссе один из пунктов редкой красоты и старины, но Абхазия—не Европа, и наши инженеры не европейские.

Каманы.

Этот памятник христианской старины находится в 12 верстах от Сухума на реке Гуме. Здесь был в древности *город и храм Каман*, развалины коих до сих пор сохранились. В 404 году здесь был погребен *Иоанн Златоуст*.

По преданию, он был сослан на берег Понта, в древний Питиус (Пицунда), по пути заболел и в 404 г. умер в Каманах; по другому преданию, прах этого проповедника христианства, спустя 33 года, в 437 году был перевезен и похоронен в Царь-граде, а потому Каманы являются местом кончины и временной могилы Иоанна Златоуста.

Сталактитовая пещера.

Пещера эта находится в 8 верстах от Сухума по пути в Каманы. Своды пещеры: состоят из множества куполов; сверху свешиваются разных форм сталактиты. Между отделениями пещеры идут коридоры. Исследовать пещеру можно при свете факелов, что и придает внутренности пещеры фантастичность.

Гагры.

Этот пограничный с Россией город Абхазии находится на 101 версте от Сухума. Как укрепленный пункт, Гагры был известен еще в глубокой древности. С VI века до Рождества Христова древнее Гагринское укрепление носило следующие названия:

Триглит, Нитика, Бала-дах (так называет Шарден), что значит по турецки *высокая гора, Дербекте* (называет Клапрот), по турецки *ворота, ущелье, Контези* — (гавань).

Прошлая история Гагры богата своим содержанием и тесно связана с судьбою Рима, Греции и Генуи. Профессор Пастернацкий говорит об этом так: «Странное чувство овладело нами при виде Гагры и его развалин. Эта узкая прибрежная полоса не раз служила воротами для прохода воинственных полчищ народов, при их передвижениях с юга на север и обратно. Древние Эллы потратили здесь большие средства и многие годы усиленного труда, чтобы создать блестящую греческую колонию. Римские легионы, наследники богатейших древне-греческих колоний, не раз тяжелой пятой попирали этот берег, оттесняя горцев в их орлиные гнезда. Римские патриции приезжали сюда в разукрашенных судах отдыхать в свои изящные и уютные виллы. В средние века на смену их появились генуэзцы и венецианцы, ведшие оживленную торговлю и промышленность.

Южане, персы и турки, вместе с Абхазцами потратили дут немало сил и народа, чтобы грудью отстоять седую стадину Гагры.

Пришли русские, и страна, имевшая более 2.000-летнюю древность, опустела. Каким-то смертельным холодом веет от этих серых развалин. Зловеще высятся над ними неприступные горы. Кругом ни звука, кроме глухого ропота горного потока да грозного раската морских волн, подступающих к развалинам, как бы с намерением окончательно стереть Гагры с лица земли. Размышляя о славном прошлом Гагры, мы чувствовали себя на историческом кладбище; развалины, словно разрушенные надмогильные памятники, еще более способствовали этому впечатлению. Но роскошная природа кругом беспрестанно твердила нам; вы находитесь на рубеже старого и нового мира. И действительно, в наше время Гагры с отжившими свой век укреплениями и при наличии всех природных благоприятных климатических условий не может иметь другого значения, кроме того, чтобы сделаться климатическим курортом, купальным и вообще лечебным местом, и обратиться действительно в русскую Ниццу“.

Из исторических памятников сохранились в Гаграх—остатки стены древней крепости, сооруженной Понтийским царем Митридатом. Крепость эта замыкала единственный узкий проход, служивший воротами для прохода народов. Очевидно, крепость эта служила для защиты от вторжения разных воинственных племен Кавказа.

Сохранился в Гаграх и древний христианский храм постройки V или VI века по Рожд. Христ. Н. И. Воробьев пишет: «Чем то жутко-мистическим веет от полумрака, вечно царящего в храме, всегда открытом для обозрения туристов“.

В час ходьбы от Гагры на значительной высоте в живописном ущельи есть большая пещера, где, по преданию, скрывался Гагринский епископ Ипатий во времена гонения на христиан.

Из Гагр можно сделать экскурсию на озеро *Рица*, имеющего площадь в полторы версты длиною и сажен 250 шириною. Дорога на это озеро имеет все прелести горной тропы Абхазии, особенности которой мы достаточно охарактеризовали в предыдущих главах, а потому рекомендуется в Абхазском селе Калдахвара (откуда и начинается путь на озеро) взять проводника абхаза.

Трудность экскурсии на озеро Рица вознаграждается величественными красотоми природы; эти редкие виды заставили автора книги „Черноморское побережье Кавказа“ воскликнуть словами поэта:

«Скажи мне, что выше природы,
Ее вековых красот,
Великого царства свободы,
Где крепнет душа и растет?»

В двадцати пяти верстах от Гагр в живописной местности расположилась знаменитая —

Пицунда.

Она известна в истории Абхазии под названиями *Питиус* (по гречески «питус» — сосна), *Питиунд*, *Бичвинда*.

За семь веков до Рождества Хр. выходцы из знаменитого города Милета на берегах Абхазии основали ряд колоний и городов; в числе них был основан и *Великий Питиус*. Дальнейшие этапы жизни Пицунды таковы:

За 100 лет до Рож. Хр. Питиус подпадает под власть Понтийского царя Митридата. В царствование римского императора Деция, орды *скифов* напали на Питиунд. Нападение было отбито, скифы понесли большой урон, сели на ладьи свои и отплыли.

При императоре Севере, *готы* на ладьях, в количестве 15 тысяч, сделали нападение на Питиунд и разрушили его.

В VI веке по Рож. Хр. в Абхазию вторглись персы; тогда римляне вывели гарнизон из всех укреплений, срыли стены Пицунды и Диоскурии и отплыли в Трапезунд. Встретив поддержку и сочувствие абхазов, персы восстановили окопы вокруг Пицунды и Диоскурии.

Церковная история гласит, что по вознесении Иисуса Христа в Абхазию явились апостолы: Андрей Первозванный и Симон Кананит, и они положили здесь начало христианства (55 г. по Рож. Хр.). По преданию оба апостола погребены в Пицунде. В храме сейчас видны пустые гробницы их.

В VI веке император Юстиниан построил в Пицунде, на подобие Константинопольского величественный храм, посвященный „Святой Софии“.

Пицундский храм стал играть важную роль и в политической жизни Абхазии. В течение 1000 лет здесь жили отдельные абхазские католики, власть которых обнимала большую часть Грузии (Имеретию, Мингрелию, Гурию, Сванетию).

Падение христианского значения Пицунды началось с тех пор, как утвердилось на побережье мусульманство. Последний католикос Захария вывез в Грузию (1653 г.) Пицундскую икону, которая ныне находится в Гелатском монастыре. Церковные археологи описывают ее так: „она не велика и одета золотою ризою с драгоценными камнями, лалами, жемчугом и бирюзой“. Имеет следующую интересную и характерную надпись: „Я, всего севера и Абхазии католикос Евдемон, сковал и украсил сей образ Пресвятые Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии с сыном; самый образ золотом и драгоценными камнями и жемчугом светло украсил, а поле и дверцы серебром, и поставил в храме Пицундской Божией Матери для моления и всегдашнего поминания, прощения и оставления грехов моих“...

В 1869 г. русские власти восстановили Пицундский храм.

Храм этот достоин осмотра еще, и как памятник зодчества старины. Стены храма толщиной в два аршина. Знаток археологии Побережья А. П. Зотов говорит: „Храм носит на себе печать благородного стиля, не имея ничего общего с грузинскими и армянскими церквями“. Архитектура его поразительна незатейливою простотою и вместе с тем грандиозностью. Храм имеет удивительные акустические свойства, так что пение нескольких поющих голосов создают иллюзию пения большого хора“.

„Гордость“ Пицунды—это живой памятник из царства флоры Абхазии—знаменитая западная сосновая роща. Никифоров называет эту рощу «священными лесами абхазцев, которым они поклонялись до принятия христианства в VI веке“. Далее он пишет: «до этих лесов добирались разные торговые армяно-английские компании и из лесов ее вывозилось дорогое самшитовое дерево».. Между тем в старину под

страхом смерти нельзя было рубить деревья. Если в Абхазии сохранились памятники глубокой седой старины в виде храмов, стен, мостов, башен,—сложенных из материала неживой, неорганической природы, и эти немые, мертвые свидетели былой древности нас очаровывают, заставляют размышлять о прошлом, то *Пицундская заповедная сосновая роща*, как памятник живой органической природы, еще больше достойна преклонения, изучения и охраны. Роща занимает площадь до 200 десятин и имеет вид роскошного великолепного природного парка, где даже в жаркое время чувствуется свежесть.

Редактор „Черном. Побережья Кавказа“ пишет: «Сама Пицунда и ее окрестности так интересны по богатству памятников старины, опоэтизированных легендами и преданиями, что на каждом шагу можно встретить много оригинального и нового, не говоря уже о восхитительных пейзажах Абхазии». В одной версте к западу от храма находится живописное, очень богатое рыбой, озеро Инкит. Путь к нему лежит через пальмовый (самшитовый) лес.

Гудауты.

Город этот является административным центром уезда. Расположен он на возвышенном месте на берегу небольшой бухты. Гудауты возник в начале семидесятых годов прошлого столетия, в город преобразован после русской революции; до этого, как и Очемчиры, именовался «местечко». Население двух этих местечек неоднократно возбуждало ходатайство о преобразовании их в город, но русское правительство противилось этому и разрешило иметь вместо городского—*„хозяйственно-полицейское управление»* в составе двух лиц от местечкового населения и полицейского пристава, назначенного от власти. Такое стеснение сильно тормозило развитие города Гудаут, которое заметно усилилось после Революции. В трех верстах от города Гудаут находится историческое абхазское село.

Лыхны.

В древности (за семь веков до Рож. Хр.) на месте Лыхны милетские выходцы основали колонию *Зуфу*, или *Зуну*. Подобно другим греческим колониям, Зуфу был вольным городом,

управлявшимся собственными владельцами. За 300 лет до Р. Х. колония эта была покорена понтийским царем Митридатом. В XI веке здесь была построена по плану Пицундского храма церковь. Церковь до сих пор сохранилась, в ней имеются интересные в археологическом отношении фресковые подписи.

До 1863 года Лыхны были резиденцией абхазских властителей, здесь-же сохранились развалины дворца их. В церкви имеется гробница с греческою надписью владельца Абхазии Сефер-бея Чачба.

Лыхны во времена абхазских Чачба турки называли *Соук-су* („холодная вода“). У абхазцев Лыхны был известен под именем „Лҭхлҭ“ и играл в политической жизни Бзыбской Абхазии первенствующую роль. Все важные вопросы окончательное разрешение получали на всенародном референдуме в Лыхнах. Решение лыхненского плебисцита было обязательно для общин Бзыбского округа. Все крупные события в жизни — «Абзҭҭ еҭуара» («темно-тучно-густонаселенная Бзыбрь») грандиозные по объему своему и по поражающей красоте этого подема, все прекрасное со стороны населения Бзыбской Абхазии в отстаивании своей вольности против жестокости правительства — получали тон на лыхненском собрании бзыбских абхазцев. В 1866 г. Лыхны были последней кровавой ареной возмущения абхазцев. Здесь была истреблена вся русская власть в Абхазии с правителем Кюньяром во главе. Эта ужасная по числу жертв трагедия явилась ответом на бесконечные жестокости правительства, безобразно искромсавшего вольную Абхазию.

И по сей день на лыхненской площади под сенью священной вековой липы созывается для решения важных вопросов объединенное собрание всех общин Гудаутского уезда.

Лыхны интересны, как характерное абхазское селение, где можно познакомиться с своеобразным бытом абхазов, а также с красотами природы этого исторического места.

Еще в свое время Дюбуа о Лыхнах писал так: «Европеец наиболее умеренного пояса не может иметь понятия величественных пейзажах Абхазии».

Позже, уже 1898 г., профессор Пастернацкий пишет «Когда мы поднялись от обильного родника Соук-су на

скогорье, занятое Лыхнами, мы были поражены очаровательную местностью и богатством древесной, садовой и другой растительности. Почва здесь сланцевая глина, очень плодородная, земледелие и садоводство находится в прекрасном состоянии. Виноградарство, по способу Маглари, идет успешно, как нигде на всем побережьи. Повсюду встречаются благоустроенные дома и аулы с опрятными улицами, чистыми дворами, нередко и каменные здания, и все это утопает в зелени прекрасных садов, которые вместе с тем служат и кладбищами для владельцев, так как в Абхазии не существует обычая общественных кладбищ. Мы и ранее видели богатые поселения Абхазии и их жителей, но в Лыхнах мы были поражены благосостоянием их жителей. При виде громадной по величине и росту деревьев липовой рощи на площади, где находится древняя церковь и княжеский дворец и откуда открывается величественный вид на горы—мы поняли, почему Абхазцы до принятия христианства чтили свои леса и горы».

Новый Афон.

Едва ли есть надобность много писать о величественных красотах Нового Афона. Об этом очень много писалось, и все это слишком хорошо известно.

Ново-Афонский монастырь основан на месте *Анакопии* или *Никонсии*, основанной греками до Рождества Христова.

Памятником времен Римского владычества над этим краем остались развалины нагорной крепости, основанной при императоре Траяне во II веке по Рож. Хр.; она упоминается у древних писателей под названием *Ансары*. Ново-Афонский монастырь был основан в 1875 году.

Грамота (1880 г. за № 3.792) царя об утверждении прав монастыря заканчивается характерными словами: „Да процветет ново-учрежденная обитель в тишине и мире на берегах Абхазии и да послужит она местному населению, пребывающему в дикости и невежестве, примером жизни мирной и труженической, образцом человеколюбия, кротости и терпения. Да воспитает школа, устроенная при обители, в моло-

дом поколения из туземцев привычку к полезному труду и любовь к знанию, необходимому для земледельца!»

Какую культурную роль сыграл монастырь «местному населению, пребывающему в дикости и невежестве», земли которого тысячами десятин отводились обители, об этом много писано в монастырских изданиях, но «местному населению» об этом мало что известно. Правда, при монастыре была школа „для двадцати абхазских детей» и школа эта по монастырским отчетам выпустила до 70 абхазцев. Но какое они получили воспитание и образование в монастырской школе?

Вот краткая программа воспитания этих абхазских детей, чтобы их «ум предлагался от земли к небу».

„Говеют воспитанники в великий пост два раза, а в рождественский—один раз; кроме того, каждый—ко дню своего ангела».

„В воскресные и праздничные дни ходят слушать в церковь вечерню и литургию. Когда по Афонскому уставу полагается бдение, продолжающееся с 8 до 3-х часов ночи, ученики приходят в церковь к полиелею“. В воскресные, праздничные и царские дни, выстроившись в классе, идут в трапезную и обратно с пением тропарей“. «Во время благовеста к вечерне все ученики собираются в классе на молитву и поют (перечисляются девять церковных песнопений).

Укреплению в воспитанниках благочестивого настроения в значительной мере содействует и самый состав служащих при школе: надзиратель, повар—словом все назначаются из числа монашествующей братии. По этому и установившийся ныне порядок школьной жизни включает в себе некоторые черты монастырского характера.

Так, приветствуя кого-либо, ученики говорят: «благословите», при замечаниях: «простите». Такое описание внутренней жизни школы при монастыре делает заведыв. школами общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Из всего этого видно, что монастырь воспитывал в „молодом поколении из туземцев“ не „любовь к знанию», а готовил из них будущих монахов; но поразительно, что среди абхазов нет ни одного абхаза монаха.

Все-же нынешний величественный Новый Афон со своими хозяйственными постройками, заводами, мастерскими, великолепными садами и прочими сооружениями—является культурным уголком не только для Абхазии, но и для Кавказа и всей России. Ведь не будь здесь Нового Афона, земля эта принадлежала бы каким-нибудь привилегированным лицам и теперь была-бы разделена между собственниками—захватчиками или была-бы роздана для целей колонизации разным национальностям и сейчас представляла-бы голую, истощенную табаком пустырь. Так что культурное значение Нового Афона с этой стороны несомненно.

При власти грузинских меньшевиков монастырь сильно пострадал, но при Советской власти монашеский опыт и труд был разумно использован.

Дранды.

Находятся в 17 верстах от Сухума. Есть историческое основание думать, что Дранды возникли в самой глубокой древности и что здесь был древнейший город, населенный *тандарами* или *тиндарами*, от имени которых произошло название *Дандара*, или *Дранда*. У абхазов Дранды всегда были известны под названием Цыбын (Цкыбын). Драндский храм считается также одним из древнейших в Абхазии; он по своей архитектуре и оригинальности отличается от других древних абхазских храмов. Когда и кем был построен этот храм—точных указаний нет. В одно время Дранды были резиденцией митрополитов Абхазии.

Очемчиры

являются главным городом и административным центром Кодорского уезда. До революции Очемчиры, как и Гудауты, назывались „местечко“. Город лежит на низменном берегу моря, а потому не может похвалиться ни здоровым воздухом, ни красотой, ни благоустройством.

В народной памяти сохранилось предание о мнимых удивительных чудесах, происходивших в ограде церкви Георгия Илорского. Святыня эта, именуемая абхазами просто „Илорская икона“ (Илур-пвх), привлекает богомольцев и по сей день. Религиозный психоз верующей темной массы в сверхчудесную силу „Илорской иконы“ уже много лет дурманит здравый рассудок населения. Десятки, сотни баранов и барашек режутся, чтобы умиловать „Илорскую икону“. Эта святыня играет немаловажную роль не только в религиозной, но и общественно-бытовой жизни населения. Чтобы оправдаться в подозреваемых проступках и преступлениях, сельский суд постановляет: „принять очистительную присягу со присягателями перед иконой св. Георгия Илорского“. С таким решением суда истец и подозреваемый отправляются в Илоры к священнику, который, взыскав известный налог с присягаемого и соприсягателей, приводит их к присяге, после чего и выдает удостоверение за печатью в том, что «очистительная присяга принята». По предъявлении такого удостоверения сельские власти дело считают оконченным. Такой религиозный обычай старое правительство узаконило. Даже мировой судья в своем решении часто выносил приговор—«принять очистительную присягу у Илорской иконы св. Георгия». Иногда потерпевший без суда непосредственно обращается к иконе. Это называется *Ануха ишъейцеит* (точный перевод—пустить по следам, натравить икону «или передать (дело) иконе»). Передача иконе заключается в том, что считающий себя обиженным является в Илоры к священнику; тот открывает двери церкви и слушает, как истец просит Илорскую икону наказать такого-то.

«Наказание» это заключается в неизлечимом заболевании проклятого или в ряде несчастий, которые постигают его семью; это называется *Ануха ихарахвейт* (икона подействовала). Тогда „наказанный“ вынужден бывает выкупиться перед Илорской иконой, для чего туда едет с подарками; причем, предварительно он должен задобрить проклявшего его, который также отправляется с ним в Илоры и в присутствии священника прекращает дальнейшее „гонение иконы“, так как он удовлетворен. Такое позорное самоодурманивание невежественной, самой темной части населения, которое нельзя опра-

выносить навоз коня. Впоследствии вынос навоза прекратился, что означало по народному сказанию, что „араш“ погиб, но узник жив.

Народная фантазия говорит, что пещера эта имеет свой выход по ту сторону абхазских гор — в Терскую область.

Один из исследователей этой знаменитой пещеры в 90 годах писал: («Сбор. по опис. мест. и племен Кавказа»):— «Мы двигались вперед в продолжение 4½ часов. Страшное утомление, голод и холод, а главное—недостаток свеч заставили нас вернуться. Спутники мои (абхазы) были очень опечалены, что им не удалось видеть в пещере созданного народной фантазией героя—узника».

В пещере всегда стоит низкая температура. У входа в пещеру глубина воды достигает до поясницы; эта глубина то уменьшается, то увеличивается. Своды пещеры состоят из сталактитов разных форм и величин. В глубине своей пещера суживается сильно, приходится нагибаться, с трудом протискиваться среди висящих сталактитов, а иногда и отбивать их, расчищая путь. Такое трудное путешествие приходится делать в ледящей воде при свечах, а потому трудно продвинуться на большое расстояние.

Пещера эта замечательна и заслуживает изучения и исследования людьми науки.

Форельный источник.

В соседстве с селением Чилоу в Гупской общине в местности „Арасази“ — Арасадзихи из под скалы выходит ручей и тут же недалеко впадает в реку Мокву.

Скала эта представляет массив из песчаника. Внизу ее находится отверстие величиной в поперечнике в два аршина. Из него выбегает знаменитый форельный ручей, переполненный форелями.

Проникнуть через это отверстие внутрь скалы вначале нетрудно. Но через 3—4 аршина пространство суживается до одного аршина и здесь сейчас же представится глазам небывалое зрелище: во мраке начинается форельное озеро,

огромных размеров, в котором форменно кишмя-кишит великое множество форелей.. Начиная с последних чисел февраля форели выходят наружу по источнику в реку Мокви. Это бывает только в ночное время. Окрестное население, зная это, подставляет громадные плетеные корзины у входа источника, которые быстро наполняются форелями. Каждый ловит столько, сколько в состоянии взять с собой. Раньше право улова принадлежало окрестному населению Арасадзихи (в особенности одной фамилии), но после того, как из за очереди стали происходить недоразумения, Гупская община объявила форельный источник достоянием всех жителей Абхазии. И сейчас, в весеннее время, ночью, вокруг источника искрятся множество костров жителей разных сел Кодорского уезда, ждущих очереди для улова. Взятую рыбу, именно «взятую», но не «пойманную», так как ее берут корзинами, несут домой или на базар в Очемчиры, или в моквинский монастырь для продажи монашествующим. Запас рыбы неистощим в озере и по сие время, несмотря на массовое уничтожение этой рыбы. Окрестное население говорит, что форель из реки Мокви обратно возвращается в подземное озеро поздней осенью.

XII.

Перечень сочинений об Абхазии и абхазах.

§ 1. Общие сочинения и География.

1. Ган, К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. 2 части, Тифлис, 1884—1890 г. г.
2. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, по Черкессии, Абхазии, Мингрелии, Грузии, Армении и Крыму.
3. Архимандрит Леонид. Абхазия и в ней Н.-Афонский монастырь (Москва, 1885 г.)
4. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.
5. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа (1847—1850 г. г.)
6. Э. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. (Сборн. свед. о кав. гор., 1872.)

7. *Альбов Н. М.* Путешествие в Черноморских горах 1894 г. (Кав. Отд. Имп. Рус. Георг. об., 1896 г)
8. *И. Н.* Абхаизия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Москва, 1898 г.
9. *Васюков С.* «Край гордой красоты». Спб., 1903 г.
10. *Ганике А. Б.* Экскурсия в Гагры и их окрестности. (Труды Им. Спб. Общ. Естеств.)
11. *Голубев С.* Пешком из Пятигорска на Эльбрус и через Нахар в Сухум. («Ежегодник Им. Рус. Георг. общ», т. 9).
12. „ Город Сухум—Диоскурия (Зап. Крым. горн. Клуба, 1899 г.)
13. *Дервиз, Н. Н.* Сухумский округ (Зап. Кав. Географ. Общ кн. XXV.)
14. *Диншик Н. Я.* Ущелье Кодора (Изв. Кав. отд. Рус. Географ. Общ. кн. XXI.)
15. *Доктуровский В. С.* Поездка на Бзыбский хребет в 1907 г. (Изв. Кав. Отд. Рус. географ. общ. т. XX).
16. *Длячков—Гарасов А. Н.* Бзыбская Абхазия. (Изв. от. Рус. Георг. Общ. кн. XIII).
17. *Его же.* Гагры и их окрестности. (Зап. Кав. Отд. Рус. Географ. Общ., кн. XXIV.)
18. *Его же.* (Экскурсия к оз. Рица в бассейне притоков Бзыби. (Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. Общ., кн. XVI.)
19. *Зубарев Д.* Абхазия («Русский Вестник» 1842 г., т.)
20. *Иловайский С. И.* Три дня в Гаграх или страничка из «Тысячи одной ночи» (Запис. Крым. гор. клуба, 1902 г.)
21. *Короленко П. П.* На берегах Абхазии. (Воен. сборн. 1891 г. №№ 8—9).
22. *Маркович. В. В.* Природа и люди Сухума и Сочи. (Труды 2-го Всеросс. съезда деят. по климатологии и бальнеологии, т. I).
23. *Мачавариани, К. Д.* Семь дней в горах Абхазии. Батум, 1900 г.
24. *Надеждин П. И.* Опыт географии Кавказского края.
25. *Нордман, А. Д. проф.* Путешествие по Кавк. краю (Журн. Мин. Нар. Прос. 1838 г., ч. 20, стр. 399—439).
26. *Пантюхов.* Самурзакань в естественно-историческом отношении. Тифлис 1866 г.)
27. *Передельский А. Т.* Гагры [Сбор. мат. для опис. и плем. Кав., т. 38).

28. *Потто, В. А.* Абхазия, Спб. 1900 г.
29. *Разевич В. А.* В дебрях Абхазии (Ежегод. Им. Географ. Общ., т. 2).
30. *Савинов В.* Достоверные рассказы об Абхазии. Воспоминания офицера, бывшего в плену у абазехов. (Пантеон, 1850 г. №№ 2—12).
31. *Соковнин,* Мысли о Сухуме. (Морской сборник, 1856 г. №14).
32. *Тюлин Н.* Отчет об экскурсии по прибрежной полосе Абхазии в 1904 г. (Труды Спб. Общ. Естествоиспыт. том 36, 1905 г.)
33. *Уварова П. С.* Абхазия, Аджария, Шавшетия.
34. *Чернявский, В. П.* Краткий очерк Абхазии (Изв. Рус. Географ. Общ., 1877 г. вып. 6.)
35. *Шугуров, А. М.* Из отчета о поездке по Кодору и Гвандре [Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. Общ., кн. 21 вып. 1].

Климат.

36. *Каминский А. А.* Главнейшие особенности климата Гагр. [Спб. 1908 г.]
37. *Маркович, В. В.* О влиянии зимы 1910—11 г.г. на растения в Сухумском округе [«Черн. сельск. хоз», 1912 г. №№ 7—8—9].
38. *Розмаинский А. Г.* К вопросу о климате Сухума. (Медицинский сбор., изд. Кав. Мед. Общ., т. 53).
39. *Воейков, А. И., Пастернацкий, Ф. И., Сергеев, М. В.* Черноморское побережье.

Орография, Геология и Почвоведение.

40. *Маркович В. В.* Краткий отчет о поездке на ледники Абхазии с целью изучения флоры и ледников в 1903 г. (Изв. Им. Рус. Географ. Общ. 1905 г., вып. 4).
41. *Сатунин К. А.* Экскурсия в пещеры Сухум. округа. Пещеры—великаны. (Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. Общ. к. 21)
42. *Абруцкий, шт-кан.* Заметки о горных породах в Цебельде. («Гор. Жур.», 1852 г. ч II).

43. Алексеев В. О. О составе ткварчельского каменного угля (Еженедельная. Горнозав. газета 1900 г. № 15)
44. Вебер, В. Н. Геологические исследования части Сухумского округа в 1900 г.) Мат. для геол. кав., сер. 3, т. 5]
45. Его же. Заметка о месторождении каменного угля близ Очемчиры [серия III, т. 3].
46. Гурьев. О нахождении лигнита в Абхазии. (Горн. Жур., 1843 г., ч. 2).
47. Давыдов. Серебро -- свинцовые руды в Верхней Абхазии („Горнозав. Листок“ 1888 г., № 7)
48. Дьячков—Тарасов А. Н. Сухумские сталактитовые пещеры. (Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. Общ, к, 14).
49. Иванов, А. П. Сталактитовые пещеры окрестностей Сухума (Естеств. и Географ, 1898 г, № 10)
50. Лутугин Л. О Ткварчельском каменно-угольном месторождении (Изв. общ. горн. инж, 1900 г, № 12),
51. Михайловский Г. П. О третичных отложениях р. р. Гализги и Моквы в Сухум. округе (Зап. Им. Спб. Минер. Общ. т. 42, ч. I).
52. Подозерский К. И. Следы и остатки ледников в верховьях р. р. Бзыби, Гумисты и Амкела (Изв. Кав. От. Рус. Географ. Общ., к 1 б.)
53. Прендель, Р. проф. Отчет о результатах экскурсии (1878 г.) в прибрежной полосе Абхазии и Черн. окр. (Спб. «Геология и Минералогия» т. т. 3—4 за 1877—1878 г. г.)
54. Сорокин А Краткий очерк геологических исследований Сухумского отдела (Мат, для геологии Кавк, 1877 г, к, 7),
55. Чернявский К. Ю. Каменный уголь в Ткварчельской даче,
56. Его-же. Соляные источники в Абхазии, Джигетии и Самурзакани. (Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. общ. к. 7).

Флора и Фауна.

57. Альбов Н. М. Описание новых и наиболее редких видов растений, найденных в Абхазии в 1889—90 г. г. (Отчет и труды Одес. Рус. общ. садов. за 1890 г.)
58. Альбов Н. М. Абхазские папоротники. (Зап. Новорос. общ, естествоисп. т. 16, вып 1).

59. *Его-же* Отчет о ботаническом исследовании за 1890 г. [Зап. Рус. географ. общ. кн. 15], 1893 г.
60. *Воронов Ю. Н.* Краткий отчет о ботанических экскурсиях в Абхазии летом 1902 г. [Труды Спб. общ. естествоисп., т. 44],
61. *Его-же.* Краткий очерк растительности Гагринского массива. (Изв. Кав. Отд. Рус. Географ. общ. кн. 18).
62. *Его-же* Очерки растительности Абхазии, (Вестник Тиф. ботан. сада, т. 13).
63. *Дик Э.* Абхазский первобытный лес, [Запис. Кав. отд. Рус. Географ. Общ. кн. 16].
64. *Рейнгардт А. В.* Заметки о папоротниках Абхазии, [Труды общ. Исп. Прир. при Харьк. унив. т. 1, 1869 г.]
65. *Черняевский В. И.* Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии [Вест. Рус. общ. садов. 1877 г. № 2].
66. *Сатукин К. А.* Пещерные летучие мыши Абхазии. (Изв. кав. отд. Рус. географ. общ. кн. 21).
67. *Зайцев Ф. А.* К энтомофауне Абхазии. (Рус. Энтомолог. обозр. т. 12, № 2, 1912 г.)

§ 2.

Этнография и Антропология.

68. Абхазцы (Азега), По поводу сочинения г. Дубровина, (Собр. свед. о кав. горц. вып. 6, 1872 г.)
69. *Альбов.* Этнографические наблюдения в Абхазии. (Живая старина, 1893 г. вып. III).
70. *Берже, А. П.* Абхазское племя (Азега), (Кавк. кален. на 1858 г.)
71. *Введенский А.* Религиозные верования Абхазцев (Спб. Свед. о кав. горц. в 5, 1871 г.)
72. *Гарцкия, В.* Из Абхазских народных преданий и поверий (Сбор. мат. для опис, плем. Кав. т. 13).
73. *Гулия Д. И. и Алферов.* Абхазские пословицы, загадки и скороговорки (Сб. мат. для опис. пл. Кав. т. 38)
74. *Гулия И.* Два вора. Абх. сказка (Сб. мат. для опис. плем. Кавказа, т. 6).

75. *Державин Н. С.* Абхазия в этнографическом шении. (Сб. матер. для опис. Кав. т. 37).
76. *Его же.* Свадьба в Абхазии, (Сбор. мат. кн. 36).
77. *Джанашвили М. Г.* Ахазия и Абхазцы [Зап. отд. Рус. географ. общ, кн. 16]
78. *Ковалевский Ев.* Очерки этнографии Кавказа. Черкесы Абхазия, Цебельда, Сванетия, («Вест, Европы» 1867 г, т, 3—4)
79. *Кубегуля,* Рассказ из Абхазских нравов. (Пантеон, 1853 г.)
80. *Лукьянов О. И.* Из космогонических поверий абхазцев. (Сбор. матер. для оп. пл. Кав. т. 34).
81. *Люлье, Л. А.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адиге) и абхазцами (азега). (Зап. кав. от. Рус. Географ. Общ. кн. 4).
82. *Марр Н. Я.* Из лингвистической поездки в Абхазию К этнологическим вопросам (Изд. Акад. Наук. 1913 г. № 6).
83. *Ею-же* История термина «абхаз» (Изв. Ак. Наук № 11 1912 г.)
84. *Мачавариани, Д. и Бартоломей И. А.* Нечто о Самурзакани (Зап. Кав. отд. Рус. географ. общ. 1864 г. кн. 6).
85. *Мачавариани К. Д.* Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщин в Абхазии (Сбор. мат. для опис. местн. и плем. Кав. т. 4).
86. *Ею-же* Абхазская сказка о четырех братьях. (Сбор. мат. для опис. местн. и плем. Кав. т. 14).
87. *Миллер А. А.* Из поездки по Абхазии в 1907 г. (Мат. по этнограф. России, т. 1).
88. Народные абхазские приметы о погоде. (Черн. Сельск. Хоз., 1911 г. № 5).
89. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии (Сбор. свед. о Кав. горцах, т. 4).
90. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Сб. сведен. о Кав. горцах 1870 г. выпуск 3).
91. *Пантюхов И. И.* Заметки по антропологии Кавказа. Сванеты Абхазцы (Протокол Рус. Антр. общ., 1890 г)
92. *Услаф П. К.* Абхазская азбука (Сбор. мат. для опис. племен Кав. т. 6).
93. *Его-же* Этнография Кавказа. Абхазский язык. (Изд. Кав. уч. ок., 1887 г.)

94 *Храмелов И. М.* Кое-что из абхазских поверий. (Сбор. матер. для опис. плем. Кав. т. 23).

§ 3.

История и беллетристика.

95. *Мордовцев* Прометеево потомство. Истор. роман, из последних дней независимой Абхазии.

96. *Немирович-Данченко.* Соколиные гнезда. Рассказ из из абхазской жизни.

97. *Алферов С. и Чукбар А.* Родная старина. Рассказы из абхазской жизни.

98. *Дьячков-Тарасов, А. Н.* Абхазия и Сухум в 19 столетии. (Изв. Кав. отд. Рус. географ. общ. кн. 20).

99. К вопросу о причинах абхазского возмущения в 1877 г. (Кавказ, 1877 г.).

100. *Михайловский-Данилевский.* Усмирение Имеретии и Абхазии. (Полное собр. соч., т. т. 1—3).

101. Освобождение зависимых сословий в Абхазии и Самурзакани. (Сбор. свед. о Кав. гор., 1871 г. вып. 5).

102. Сведения о количестве абхазцев, выселившихся в Турцию в последнюю войну. (Кавказ 1878 г.)

103. *Смоленский С.* Бзыбский отряд в 1861 г. (Воен. сбор. 1874 г.)

104. Восстание в Абхазии в 1866 г. (Кавказ, 1866 года, №№ 68,—69,—80).

105. Утверждение наше в Абхазии (Кавказ сбор., т. 13).

106. *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе.

§ 4.

Археология.

107. *Бакрадзе* Археологические исследования в Сухум, округе (Доклады о действиях Им. Арх. Комис., 1882—88 г.г.)

108. Древний гемузский храм в Драндах, в Абхазии. (Журн. для чтения воспитан. воен.-учеб. зав., 1846 г. № 232).

109 *Музаркевич Н.* Древнейший Пицундский православн. храм на вост. берегу Черн. моря. (Зап. Одес. Общ. Истории и Древностей, т. 10 1877 г.)

110 Потонувшие города возле Сухум-Кале и Баку. (Вед., 1899 г. № 87).

111. *Тетбу-де Мариньи*. Древности на абхазском берегу (Зап. Одес. общ. Истории и Древ., т. 1, 1844 г.)

§ 5.

Колонизация и землеустройство.

112. *Дьячков-Тарасов Н.* Несколько слов о заселении Цебельды (Кавказ 1868 г. № 129).

113. *Маркграф О. Ф.* Черноморская губерния и Бзыбский район Гагр. Отчет вице-инспектора корпуса лесничих по колонизации. (Спб., 1911 г.)

114. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела (Сбор. свед. о Кав. горц. т. 6)

115 Абхазия—не Грузия (Москва).

116. *Гукасянц Л. П.* Переселенческое дело в Сухумском округе (Кавказ Сельское хозяйство, 1895 г. №№ 73 и 74).

§ 6.

Народное здравие.

117. *Баженев.* Медико-топографический взгляд на места, занятые русскими войсками в Абхазии (Воен. мед. журн. 1838 г.)

118. *Иловайский И. С.* Открытие Гагринской климатической станции (Зап. Крым. горн. клуба, 1903 г.)

119. *Корниевский П. А.* Медико- топографическое описание Гагры с его окрестностями. (Мед. Сбор., из Кав. мед. общ. т. 9).

120. Несколько слов о Сухуме, климате его, естественных произведениях и господствующих болезнях. (Мед. прибав. к Морс. сборн., 1861 г. вып. 1).

121. *Торопов* Сухум и его лихорадочность. (Записки Кав. отд. Руск. географ. общ., 1864 г. кн. 6).

122. *Шабловский И. И.* Медикаменты и способы лечения, употребляемые народными врачами Абхазии и Самурзакани (Мед. сборн., изд. Кав. мед общ., т. 41).

§ 7.

Сельское хозяйство.

123. *Пахомов А.* Очерки Абхазии в сельско-хозяйственном отношении (Кав. сел.-хоз., 1867 г.)

124. *Дервиз, фон Н. В.* Сухумский округ в сельско-хозяйственном и лесном отношении. (Кавказ сельск.-хоз. 1897 г. за №№ 48—51).

125. *Рыбинский Г. А.* Абхазия в сельско-хозяйственном и бытовом отношении. Тифлис 1894 г.

126. *Альбов Н. М.* Состояние садоводства в Абхазии (Зап. Им. общ. сел.-хоз. юж. Рос., 1892 г.)

127. *Введенский А. Н.* Акклиматизационный сад в Сухуме. (Труды Им. Общ. акклимат. жив. и рас., т. 7).

128. *Завадский.* О садоводстве в Абхазии. (Отд. Кав. об. сельск.-хоз. за 1879 г.)

129. *Смецкой Н. Н.* Список пальм и цикадей, произрастающих на открытом воздухе в Сухумск. имении Смецкого (Вест. Сух. общ. сельск.-хоз. 1904 г.)

130. *Шавров Н. Н.* Выдающееся садовое хозяйство в Сухуме. (Кав. сельск. хоз., 1894 г.)

131. *Его же.* Замечательные сады в Сухуме. (Кав. сельск. хоз., 1894 г.)

132. *Герман В.* Виноградарство и виноделие в Сухумск. округе (Чер. сельск.-хоз., 1905 г.)

133. *Мачавариани К. Д.* Абхазские вина (Кав. общ. сельского-хоз., 1888 г.)

134. *Пушкарев С.* О виноградниках и виноделии в Абхазии. (Зап. Кав. общ. сельск.-хоз., 1855 г.)

135. *Тимофеев С. Н.* Очерк виноградарства и виноделия в Сухумск. округе (Сбор. свед. по вин. на Кавказе, т. 4, 1896 г.)

136. *Подгурский П.* Материалы для характеристики табководства в Сухумском округе. (Черн. сельск.-хоз., 1910 г.)

137. *Герман, В. Ф. и Маркович, В. В.* Акклиматизация растений и успехи ее на Черн. побережье Кавказа. Лuffa (мочальная тыква), Черн. сельск.-хоз. 1905 г.)

138. *Маркович, В. В.* Тропическая нимфея Виктория Регия, царица вод, на открытом воздухе в Сухумском акклиматизационном саду. (Черн. сельск.-хоз., 1912 г.)

139. *Альбов Н. М.* Из Абхазии (Состояние лесов). Русск. лес. дело. 1892—93 г.

✓ 140. *Его-же.* Леса Абхазии. (Зап. общ. сельск.-хоз. юж. Рос., 1892 г.)

✓ 141. *Бернацкий.* Общий очерк лесов Сухумского отдела Пальмовые рощи. Очерк Бзыбской пальмовой дачи. (Отчет Кав. общ. сельск.-хоз., 1881 г.)

142. *Алферов С.* О желательности подачи населению в Абхазии сельско хозяйственной помощи по животноводству. (Чер. сел. хоз., 1910 г.)

143. *Герман В.* Птицеводство. Программа деятельности секции птицеводства Сухумского общества сельского хозяйства. (Черн. сельск. хозяйство 1905 г.)

✓ 144. *Фармаковский Ф.* Пчеловодство в г. Сухуме и его окрестностях (Черн сельск. хоз., 1911 г.)

§ 8.

Пути сообщения.

✓ 145. *Андреевский Н.* Сухум-Кале, его данные и возможная будущность, основание для осуществления к нему железных дорог через главный Кавказский хребет. Спб. 1895 г.

146. *Николаев П.* Забытая гавань на Черн. побережье (Пицунда). (Кав., 1912 г.)

147. *Познанский М.* Военно Сухумская дорога. (Зап. Крым. Кав. гор. клуба., 1912 г. кн. 2).

148. *Проценко Ю.* Очередной проект железной дороги. Тифлис., 1895 г.

§ 9.

✓ Рыболовство и охота.

✓ 149. *Касакин Л.* Очерк современного состояния морского рыбного промысла в Сухумском округе (Вестн. рыболовства, 1904 г.)

150. *Разевич В. А.* Из жизни охотника в Абхазии. (Псовая и руж. охота, 1906 г.).

T 2.290
3